

Елена Борода

ИНК- ТОБЕР

Месяц перемен

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б90

Иллюстратор Владимир Рудой (Rudoii)

Борода, Елена.
Б90 Инктобер. Месяц перемен : [для ст. шк. возраста : 12+] / Елена Борода ; [иллюстратор Владимир Рудой (Rudoii)]. — М. : КомпасГид, 2023. — 160 с. : ил. ISBN 978-5-00083-872-3

Варя учится в девятом математическом классе и мечтает стать художником. Она — серая мышка, которую ни одноклассники, ни собственные родители почти не замечают.

Гоша — бывший студент. На первом курсе университета он умудрился завалить учёбу, рассориться с братом и ввязаться в сомнительный бизнес.

Варя и Гоша не знакомы. Кажется, они живут в разных вселенных и лишь издали наблюдают друг за другом.

Не договариваясь, юноша и девушка решают участвовать в *инктобере* — челлендже для художников, когда каждый день на протяжении октября нужно рисовать ассоциации по списку слов, опубликованному организаторами. Только чёрная тушь, белый лист бумаги и твоя фантазия. Но для Вари и Гоши инктобер — это вызов самим себе.

Сможет ли Варя поверить в свои силы и доказать всем, что желание стать художником — не минутная блажь? Выдержит ли Гоша месяц в заточении наедине с самим собой? И кому из них удастся начать новый месяц — ноябрь — с чистого листа?

Елена Борода — писатель, филолог, литературный критик, лауреат Международной премии им. В. П. Крапивина, финалист премии «Книгуру» — не в первый раз обращается к исследованию внутреннего мира подростков. Её повесть «Зоом. Карантинная история», вышедшая в 2022 году в «КомпасГиде», не оставила равнодушными как современных подростков, так и специалистов по детскому чтению.

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

ISBN 978-5-00083-872-3

© Елена Борода, текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательский дом
«КомпасГид», 2023

1 октября

РАЗГУЛИВАТЬ

— Инктобер, — сказал Марк.

И замолчал.

Он так любит. Брякнет что-нибудь — и молчит загадочно. Ждёт, чтоб расспросили. Я обычно не ведусь на такие его провокации, но в тот раз не удержался.

— Кого?

Слово звучало как имя диковинного животного или потусторонней твари, не особо опасной, но зловредной и надоедливой.

— Это такой челлендж. Специально для художников. Чернильный октябрь.

— Что за челлендж? В чём суть? И при чём здесь октябрь?

— Октябрь ни при чём, я для примера сказал. Тебе что-то такое нужно. Что бы удерживало тебя в потоке. Организовывало. Но просто так дисциплине тебя не научишь, тебе надо, чтоб нескучно было.

Больше я от него ничего не добился.

Странное слово оказалось англоязычным гибридом. Ink — чернила, ну и название месяца. Получается, и правда «чернильный октябрь». Начал этот движ художник Джейк Паркер в 2009 году. Суть в том, чтобы каждый день октября отмечать рисунком на заданную тему. Чернилами. Или гелевой ручкой. Темы задаются списком на весь месяц. Итого 31 рисунок.

С первого инктобера многое изменилось. Например, сейчас рисовать можно уже не только чёрным, а добавлять другие цвета. И участвуют не только профи, а вообще все, кто хочет. И вообще идея настолько понравилась, что списки стали составлять все кому не лень. Не совсем от фонаря, конечно, а в соответствии со своим диагнозом. То есть увлечением, простите. Поттероманы диктуют одно, этерноманы другое, фанаты «Марвел» на своей волне.

Марк серьёзный, как входная дверь. Ничем его не расшевелишь. Когда выяснилось, что мы будем учиться в универе на одном курсе, я даже обрадовался. Думал, будем тусить как сумасшедшие, лекции вместе прогуливать, зажигать по вечерам с девчонками. Ну разве мы не заслужили?

Родители планировали уехать работать в другой город, как только я поступлю в универ. Я поступил, они уже паковали вещи, и тут появился Марк. Это их всерьёз обеспокоило. Они думали, что его нужно будет опекать. Но потом узнали его поближе и поняли, что присматривать за ним необязательно, вполне можно доверить его мне. А ему меня. Так что планы менять не пришлось.

Квартира, свободная, своя! Да об этом только мечтать можно!

Но Марк не оценил. Он в самом деле приехал учиться. Вот прям учиться! По-честному.

Раньше он в селе жил с матерью. Вот вроде деревенщина, а знает обо всём больше меня. Инктобер, например, этот...

Вообще странно, почему я про Марка именно это вспомнил. Наверное, потому что это был последний раз, когда мы общались по-человечески. Потом пошла такая жёсть, лучше не вспоминать.

Поэтому я здесь, собственно.

Здесь — это в квартире, оставшейся родителям от бабушки. Они долго думали, продать её или сдавать, но такое старьё мало кому нравится. Так она и стояла до поры, теперь вот пригодилась.

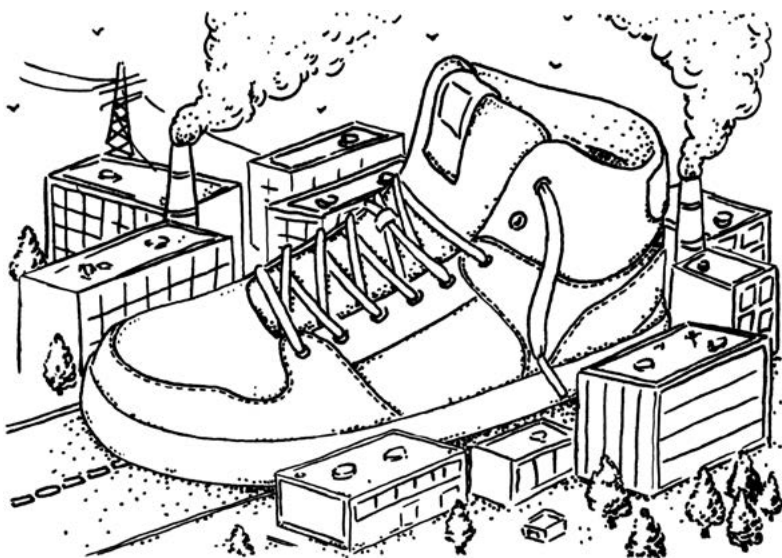
Тут одна комната с видом во двор, санузел и тесная прихожая, она же кухня. Жильё гостиничного типа — так, кажется. Интернета нет, только мобильный, окно с деревянными рамами, деревянным подоконником, а сверху старомодная гардина. Не деревянная, а из какого-то металла. Чугуна, возможно. Делали раньше чугунные гардины? Условия адские, одним словом.

Но так надо. Это уже мой челлендж. Настоящий.

Я всё-таки заглянул на страничку инктобера — список тем этого года уже выложили, и выглядели они слегка безумно.

Сегодня первое октября. Тема дня — «Разгуливать». Я, конечно, не художник, но задумался. Как это можно нарисовать? Я сегодня не то что разгуливал, я бегал как ошпаренный, закупал продукты и воду. И вчера то же самое. Тридцать один день просидеть взаперти — это серьёзно.

По-хорошему, я должен уже сегодня сидеть в добровольном одиночном заключении, но пришлось вызывать сантехника

чинить унитаз. Ну, потому что без нормального туалета — это уже слишком. Это уже нечеловеческие условия для заключённого.

К вечеру сантехник закончил работу и ушёл. Оставался ещё кран, который иногда принимался страшно рычать. Но про кран я сантехнику забыл сказать.

Кое-как прибрался и рухнул на застеленную кровать. Уже стемнело. Я так устал, что даже есть не хотел. Лежал и смотрел в окно.

Здесь только лёжа, снизу вверх можно было увидеть клочок неба со звёздами. По-другому не получалось — соседский дом так близко, что, кажется, надвинется и раздавит.

Когда бабушка здесь жила, этого дома ещё не было. А потом построили, девять этажей, блин! А бабушкин муравейник снесли то ли забыли, то ли отложили, то ли передумали. Так и живут люди — окно в окно. Адски неприлично!

Я поворочался, устраиваясь поудобнее.

Ну, здравствуй, октябрь!

2 октября

ТРОНУТЫЙ

Дерево за окном зеленело. Конечно, не так, как летом, всеми листьями. И даже не как в начале сентября, когда в зелёной гуще начинают мелькать одинокие золотистые искорки. Теперь кое-где можно было увидеть длинные золотые пряди, особенно когда налетал ветер и начинал всех причёсывать.

Берёза стучалась в окно просторной кухни. Варя никогда не думала про неё как исключительно про берёзу. Потому что она была чудо-деревом.

На ветвях её гостили редкие для города птицы — снегири и свиристели, совы и сычи, поползни и чижи.

Сокол прилетал. Уселся на дальнюю ветку, сидел долго, а когда заметил, что Варя на него смотрит, уставился в ответ серьёзным и немного сердитым взглядом — ты мне не ровня, девочка!

А однажды явился настоящий ворон! Большущий и чёрный, как из сказки. Этот даже взглядом не удостоил. Варя, затаив дыхание, смотрела, смотрела на его вороний профиль, стараясь запомнить каждую чёрточку, каждую линию, каждый изгиб пера...

Чтобы перенести это всё потом на бумагу.

Так, как надо, всё равно не получилось. Никогда не получалось. Всегда чего-то не хватало. То времени, то вдохновения.

То память подводила, упускала какие-то самые важные детали.

Варя хотела бы рисовать всё время. Особенно птиц! Только с карандашом в руке она чувствовала себя человеком.

Берёза зеленела, это значит, осень будет долгой и милосердной. Октябрь, во всяком случае, точно. А Варя и нужен октябрь!

Она позавтракала и поспешила в свою комнату.

Сегодня выходной, но папа умчался на работу, у него свой график. Мама у себя в спальне. Занимается своими делами, они у неё не сильно серьёзные в отсутствие папы. Сидит в соцсетях с подружками или тайком смотрит сериал. Она думает, Варя не замечает. Варя замечает, конечно же, но ей всё равно — лишь бы её самую поменьше трогали. Ну, а мама Варю вообще не достаёт, опять-таки если папы нет рядом.

Но Варя уже по привычке нырнула в комнату, укрылась за дверью.

«Тронутый» — вертелось у неё в голове.

Тронутый — это слово дня. Сегодня второе октября, второй день её личного испытания.

Про инктобер она давно слышала. Даже иногда пыталась что-то рисовать, но никогда не выкладывала в Сеть, как это делают все участники.

Кто она такая, чтобы пользоваться знаменитым тегом? Чтобы показывать свои спорные эксперименты, робкие попытки самоучки — когда у других такая красота, что дух захватывает? Да её просто на смех поднимут!

Но в этом году всё иначе.

В этом году она решила: если осилит весь челлендж как положено, день в день, — значит, можно решиться на разговор с родителями.

Ну что ж, тронутый — значит, тронутый.

Вообще, инктобер нравился Варе своей непредсказуемостью. Одно и то же слово звучало по-разному для всех и могло увести куда угодно.

Нежный листик, *тронутый* морозом.

Речка, *тронутая* льдом.

Сумасшедший король, несущий смерть, его брат, жаждущий власти, — тут вмешалась игра со словом «*трон*», так тоже делали.

Варя быстро-быстро зашуршала карандашом, надеясь, что в процессе идея оформится.

Вчера она нарисовала долгоязого чудика, который *разгуливал* по осенним тропинкам. Он шагал, засунув руки в карманы, пинком подбрасывал в воздух сухую опавшую листву. Как-то сам нарисовался. Варя не знала ещё, как его зовут, какой у него характер. Но он точно был из тех, кто не позволяет собой командовать! Даже тому, кто его создал. То есть ей, Варе.

Она остановилась и вздохнула.

У неё девятый класс. Математический. Она не хочет идти в десятый с профильными математикой и экономикой, а потом окончить такой же вуз и всю жизнь заниматься финансами. Она хочет рисовать! Она уже нашла, где бы можно учиться, чтобы стать художником.

На бумаге оживал всё тот же чудик. Сегодня он казался ещё чуднее: погружённый в свои мысли, слегка сумасшедший и тронутый октябрём. Такая осень, наполненная листвой и солнцем, очарует кого угодно.

Да он не чудик, он Насмешник — лукавый и чуткий. Варя удивилась, ощутив согревающее удовольствие от того, что персонаж оживает.

Художник — хорошая профессия, можно зарабатывать. Варя на жизнь, во всяком случае, хватит! Чтобы убедить в этом маму с папой, она насобирала кучу успешных имён и историй. Есть чем крыть.

Только вот крыть она не умеет. Дойдёт до дела — будет мямлить и краснеть, а в конце концов умолкнет и замрёт.

Она ещё раз посмотрела на чудика-насмешника. Положила пару завершающих штрихов.

Инктобер, помоги!

3 октября

НАВЕРНОЕ

— Ты что так поздно?

Мама повязала передник, руки в муке. Но всё-таки вышла встретить Варю.

— В школе задержали, — вяло отозвалась Варя.

— Давай быстро мой руки и за стол.

Варя отправилась в ванную, оставив рюкзак на полу в прихожей.

Мама затеяла что-то печь, такое не часто бывает. Но Варя пришла такая усталая, что ей не до печенья и вообще не до еды.

В конце четверти итоговая контрольная по алгебре. С каждым годом эти проклятые контрольные всё сложнее. Варя очень старается, но всё равно болтается в отстающих. Она не тянет алгебру, это ясно и ей самой, и преподавателям, и, кажется, даже маме. Её каждый год хотят перевести в другой класс, обыкновенный. И каждый год папа приходит в школу, выясняет отношения, а потом дома страшно ругает Варю.

Лучше бы папа этого не делал. Он вовсе не крутой и не влиятельный, чтобы перед ним заискивали и за счастье считали угодить. Варин папа просто... Сам он называет это умением добиваться своей цели и считает, что Варя должна брать с него пример.

Но в школе его считают скандалистом и не хотят связываться. Зато смотрят на Варю такими глазами...

Варе из-за этого очень стыдно. Она пытается быть незаметной. Потому что быть популярной или даже просто симпатичной у неё не получается.

Она плеснула водой в лицо и уставилась в зеркало. Оттянула к вискам уголки глаз. Так красивее. Отпустила пальцы, и снова — глаза навывкате, нос каплей, волосы мышиного цвета. Зато длинные, до пояса. Чего хорошего? Варя с удовольствием избавилась бы от этого богатства. Но разве ей разрешат?

В дверь ванной постучали. Варя очнулась, только сейчас сообразив, что слишком долго моет руки.

На столе стояло блюдо с горой оладий. Варя есть по-прежнему не очень хотела, но за оладушком потянулась.

— Это на завтрак, — мама легонько стукнула её по руке. — На ночь такое нельзя. Вот твой ужин.

Чашка с солёным творогом, отварная куриная грудка и чай.

Варя села и покорно принялась за творог.

— Ты что, обиделась? — не оборачиваясь, спросила мама.

Она закладывала новую порцию оладий на сковородку.

Рот у Вари забился творогом, она не успела ответить.

— Я для тебя стараюсь. Кто за весом следить будет?

Ну да, Варя толстая. Не так чтоб безобразно, но лишнего съесть себе не позволишь. Она, пожалуй, и утром оладьи не станет. Тем более остывшие они уже не то.

— А папа где? — спросила она.

Могла бы не спрашивать. Но ей хотелось показать маме, что она не обижается.

— Папа придёт поздно. У него работы невпроворот.

Последнее время папа действительно работал много. Варя даже спать ложилась, его не дождавшись.

Но сегодня рано лечь спать не получится. Уроки, а потом незавершённое дело. Третий день инктября — «Наверное».

Варя колупнула курицу. Грудка безвкусная и жёсткая, самое ужасное мясо, к тому же страшно надоело есть одно и то же. Она отодвинула тарелку и встала из-за стола.

— Спокойной ночи!

Мама говорит это заранее, целуя Варю. Это значит, что до утра к ней в комнату больше никто не заглянет.

Ну и хорошо.

«Наверное».

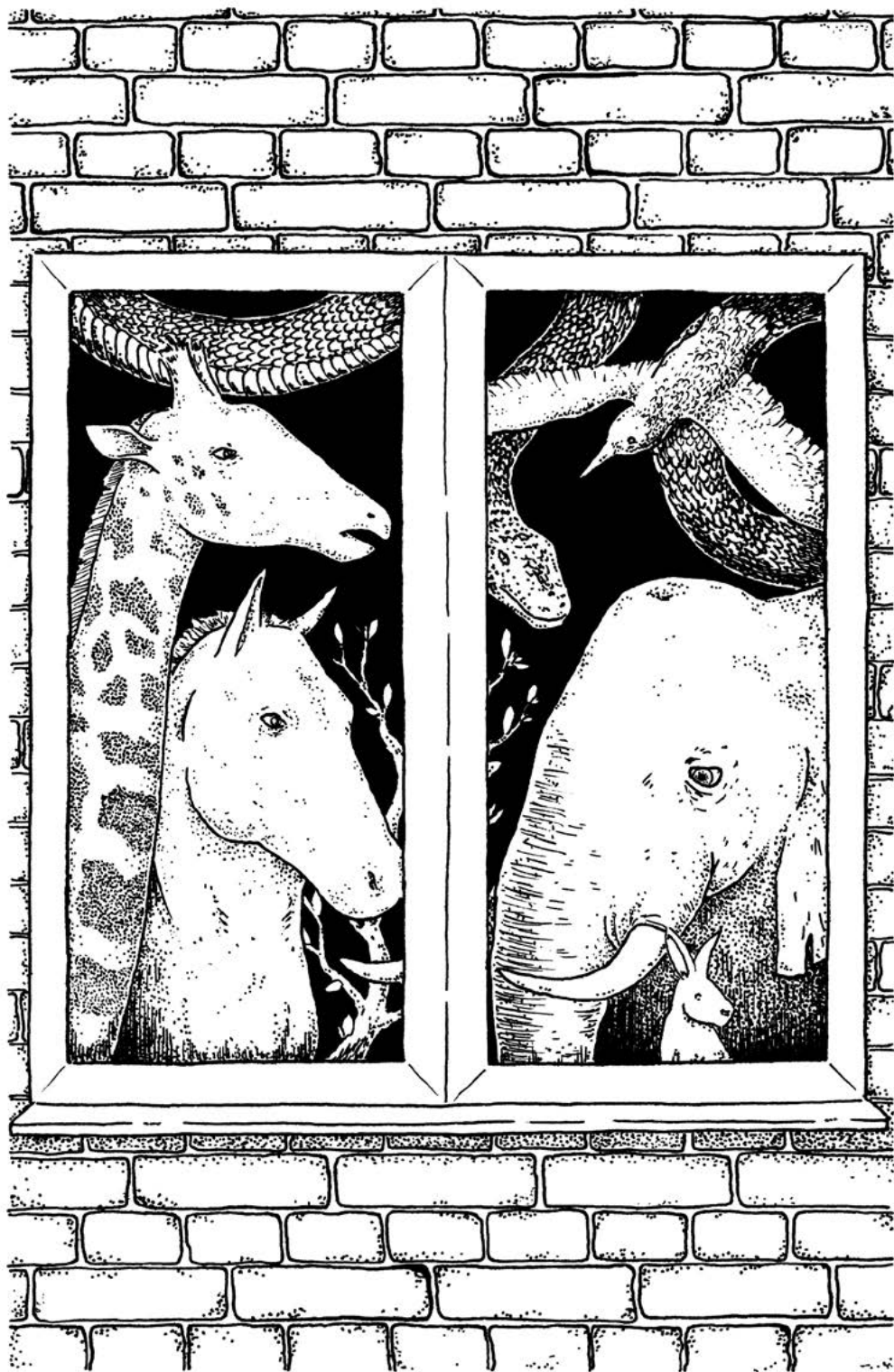
Странная у них планировка в квартире. Кухня большая, можно хоть в футбол гонять, а Варина спальня крохотная. Настоящая каморка — четыре шага поперёк. И окно выходит на соседний дом — невзрачную, старую, плотно населённую пятиэтажку, расположенную так близко, что, кажется, можно рукой достать. Вроде бы её хотели снести ещё до того, как вырос Варин дом. Но вовремя не снесли, дом построили, и теперь они терпят это вынужденное соседство.

Уроки подождут, Варя всё равно сейчас ничего не сообщает. Она уселась за письменный стол, погасив в комнате свет и оставив только настольную лампу. Погрызла карандаш. Конечно, сегодняшний сюжет, как и все остальные, будет воплощён при помощи гелевой ручки. Но первые самые общие наброски она всегда делала карандашом.

Окна в соседнем доме были как карты для игры в имджинариум — такие, с безуминкой. Или как листки адвент-календаря. Варя изучала их по очереди, и они по очереди переставали для неё существовать. А всё потому, что обитатели квартир в большинстве своём вели скучную и неправильную жизнь. Ели, встречались, ругались, пачкали и мыли посуду и с трудом терпели друг друга.

Одно окно всегда оставалось тёмным. В этой квартире никто никогда не жил.

Наверное.

Окно почти напротив, если бы там что-то происходило, можно было бы отлично рассмотреть. Конечно, тёмный прямоугольник, с наступлением вечера становившийся ещё темнее, казался самым таинственным.

Варя решила, что «Наверное» — это и есть закрытое окно, бездонный колодец, неизвестное будущее, в котором ни проблеска, ни ориентира. И ни единой живой души.

Четыре протяжных штриха, обозначающих границы, — и вот уже внутри копошатся то ли звери, то ли люди, то ли птицы. Ни один силуэт не завершён, они плавно перетекают друг в друга, каждый из них становится продолжением и протечей. Всё неясно. Всё в волнах. Ничего не точно. Всё — только наверное.

Для такого и карандаш не нужен. Чёрные линии ложились на бумагу, пока ручка не выдохлась.

Только тогда Варя подняла голову.

В окне напротив горел свет.

4 октября

ВЗРОСЛЫЕ

Только ведь выходные прошли, а мне уже хочется повеситься от тоски.

Я придирчиво оглядел комнату на предмет повеситься. И оказалось, что негде. Не на крючке же от лампы. И не на гардине этой страшной, она и так на соплях держится. Стояк батареи тоже не подходит, верёвку не закрепить. Да у меня и верёвки-то нет.

А если найду? И закреплю, и удавлюсь на самом деле? Как скоро меня обнаружат? Марк, кажется, и не знает, где я. Здешние соседи привыкли к тому, что квартира пустует. Родители звонят раз в неделю, надо думать, они и поднимут тревогу. Но до того времени я уже превращусь в труп со стажем.

Это я, конечно, не всерьёз. Просто в замкнутом пространстве любая ничтожная мысль вырастает до размеров мамонта.

Я поднял с пола телефон — посмотреть, который час. Вот зачем? Высчитывал уже с горя, сколько мне осталось. С точностью до минуты. Мне не понравилось, потому что выходило, что много. Больше, чем уже высидел.

С отвращением телефон отбросил. Уже всё изучил, что можно. Все странички, что попадались накануне. Даже страничку инктобера этого. Листанул пару десятков артов. Ничего, красиво. Вот только какая сегодня тема, не посмотрел, а к списку наверх возвращаться было лень.

Я прислушался к ощущениям. Может, поесть? Да нет, голода я не чувствовал. И потом, если я буду лопать от нечего делать, то останусь в этой квартире навсегда. Потому что в дверь не пролезу.

Может, позвонить кому? Родителям, Марку? Нет, не надо.

Марку точно не надо. Пусть забудет о том, какая я сволочь. Пусть вообще обо мне забудет.

Родители решили, что мы взрослые, сумеем сами о себе позаботиться.

Сначала так оно и было.

Мы оба нашли работу. Типа, помочь старшим нас содержать. Правда, потом оказалось, что нашу помощь мы понимали по-разному. Марк мечтал соскочить с маминной кормушки и содержать себя сам, в том числе и за учёбу платить. А мне надо было на что-то безобразничать.

Не, ну вообще можно же меня понять, да? Позади адский год недосыпа, хождения по репетиторам и эмоциональных качелей. Потом экзамены — и моя фамилия в списке поступивших. Успех!

Кто после такого не уходит в отрыв?

Я, правда, подзатынул с отрывом. Да и учиться мне показалось несложно. После ЕГЭ мне вообще море было по колено!

А потом грянула сессия. Зимнюю я кое-как сдал, но вот с летней не получилось. А в сентябре у меня нарисовались проблемы посерьёзнее учёбы. Мне было не до зачётов. А преподам не до моих траблов.

В итоге Марк теперь на втором курсе, а я больше не студент.

Как сообщить маме с папой, пока не придумал. Но сообщу обязательно. Сам. Я же взрослый.

Марк будет молчать. Ему нет дела до моей жизни. Он теперь мне чужой. Даже с квартиры моих родителей, где мы жили, съехал, ещё до того, как я решил добровольно заточить себя здесь — в наказание.

Когда он услышал, что я собираюсь сделать, усмехнулся и покачал головой. Ну да, взрослые люди так не поступают, по его мнению. Это неразумно. Более того — безумно!

А мне кажется, в этом что-то есть. Это больше чем смысл. Буду думать именно так. Иначе рехнусь.

5 октября

МУЧИТЕЛЬНО

— Скворцова Варвара!

Варя привычно втянула голову в плечи, пока новая учительница литературы, ещё не успевшая запомнить всех учеников, искала глазами ту, что отзовётся на это имя.

— Скворцова? Есть такая?

Варя обречённо встала. Ну всё. Сейчас начнётся. Вот и класс оживился, все одновременно зашуршали-завозились. Ждали развлечения.

Жаль. Учительница, Камилла Валерьевна, молодая, стройная, похожая на чёрного лебедя, Варя понравилась. Рассказывает интересно, почти не ругается. Всех выслушивает и не требует, чтобы ответ совпадал с учебником или с её словами. Наоборот, ей нравится, когда высказывают своё мнение и пытаются рассуждать. Варя, конечно, ничего такого не высказывала, где ей. Но всё равно такое отношение гораздо приятнее.

И задания у неё интересные. Вместо стандартного сочинения — написать письмо литературному герою. Или пробежаться по всем-всем книгам, отыскать описания комнат, воспроизвести их в специальной дизайнерской программе, а потом устроить виртуальную экскурсию.

На прошлом уроке Камилла Валерьевна просила описать события «Капитанской дочки» от лица Маши Мироновой.

А то вроде роман Пушкин в её честь назвал, а высказываются там все, кроме неё. Варя увлеклась и как-то легко написала два с половиной листа.

И теперь вот стояла перед всем классом, перед Камиллой Валерьевной и мучительно краснела. Вот дура, кого интересуют её мысли? Лучше бы списала с какого-нибудь ресурса.

— Варвара, ты молодец, — сказала Камилла Валерьевна. — Блестящее попадание в образ! Ты разрешишь мне цитировать твоё сочинение? Естественно, с соблюдением авторских прав! И ещё попрошу тебя прислать мне электронный вариант. Сделаешь?

Варя молча кивнула. До неё не дошло, что её хвалят. Прежняя учительница читала вслух её сочинения только для того, чтобы продемонстрировать, как писать не надо. Это вроде называлось разбором ошибок. Но каждую Варину ошибку она комментировала так, что Вале хотелось исчезнуть, испариться, провалиться сквозь землю.

Все при этом, конечно, веселились. Может быть, даже Родион. Варя боялась смотреть в его сторону, чтобы не удостовериться раз и навсегда, что он вместе со всеми.

Против неё.

Только Майка не смеялась. Но она вообще, кажется, смеяться не умела. И дела ей ни до кого не было. Ни до Вари, ни до ехидной литераторши.

Она сама по себе, Майка Демьянова.

Варе она не то чтобы нравилась. Скорее, Варя ей завидовала. Тоже ведь не такая, как все. Не красотка, худющая, чем-то галку напоминает, волосы фиолетовые, нос горбатый. Вечно с огромными наушниками, она их даже в школе не снимает. В наушниках — тяжёлый рок. Натуральный фрик эта Майка. Но попробовал бы кто над ней посмеяться! Она так посмотрит, что и слов никаких не надо. А уж если рот откроет...

Кто-то разговаривает — всё равно что жир на сковородке шипит: эмоционально, но без толку. Майка всегда говорит

точно и к месту. Несмотря на то, что секунду назад пребывала не здесь, а в своём мире. Она как-то умудрялась существовать в двух мирах одновременно. У Вари так не получалось.

Майке плевать, что о ней думают. Она в себе уверена, и это главное.

А Варя чувствует себя уверенно только в своей комнате, за закрытой дверью.

Варя уселась перед компьютером, чтобы отпечатать своё сочинение, как просила Камилла Валерьевна. И вдруг ей показалось, что ничего не было! Учительница хвалила её работу? Да ну! Как только Варе в голову могло прийти такое!

Может, спросить у Камиллы Валерьевны? Вот она онлайн.

Варя поколебалась немного. Всё-таки неловко беспокоить человека. Учительницу тем более. Но потом вспомнила Камиллу Валерьевну и подумала, что она не рассердится. Это же не звонок, а сообщение, напоследок убедила она себя.

И настукала по клавиатуре: «Мне точно надо прислать сочинение?»

Камилла ответила сразу: «Конечно. Я же сказала: твоё сочинение ЛУЧШЕЕ!»

Глаза заволокло туманом. Только слово, набранное капсом, долго не исчезало. До того момента, пока Варя окончательно не разревелась.

И никто бы не догадался, почему тема пятого чернильного октября осталась в Варинском скетчбуке портретом Пушкина в заячем тулупе.

6 октября

ПО-СТАРОМУ

— Синицы! — папа ткнул вилкой в сторону окна.

Там три шустрые птички, цепляясь лапками за москитную сетку, прыгали вверх-вниз.

— Да, они часто прилетают, — рассеянно откликнулась мама. — К зиме надо кормушку повесить.

— Я не к тому! — раздражённо сказал папа. — Сетку снять не пора?

— Сниму, — согласилась мама.

— Будь добра...

Мама замолчала. Несколько минут раздавался только стук приборов о тарелки. Варя ела, не поднимая глаз. Ясно же — папа не в настроении. Когда он такой, лучше вообще не подавать признаков жизни. Он к любому слову может придраться.

Но даже молчание не помогло.

— Ты посмотри, какие стёкла! — не унимался папа. — Их когда последний раз мыли?

— У нас берёза под окном. Когда ветрено, она ветками по окну бьёт. Что я могу поделать?

Мама попыталась оправдаться. Зря. Это никогда не работало.

— Я пашу с утра до вечера! И, кажется, могу рассчитывать на уют в доме! И на вкусную еду!

— А еда тебе чем не угодила?

Мама тоже не выдержала, вилка со звоном полетела в раковину.

— То есть макароны на завтрак и макароны на обед — это нормально? А на ужин, вероятно, магазинные пельмени?

— Я не могу каждый день готовить чахохбили и карпаччо! Я, между прочим, тоже работаю!

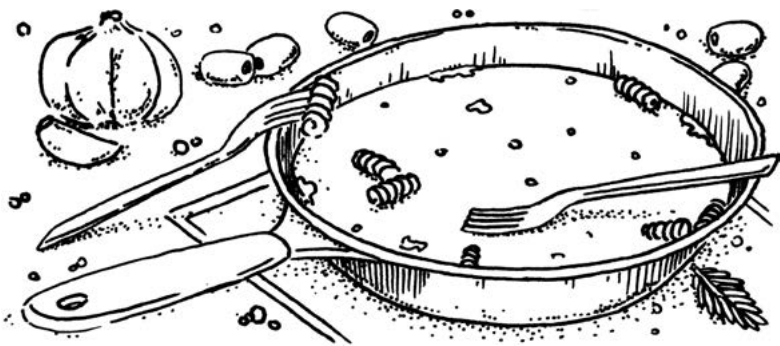
— Правда? И много наработала? На платья и причёски? Да лучше бы дома сидела!

Варя осторожно выскользнула из-за стола. Разговор становился опасным. Хозяйством мама не занимается — так считает папа. Дальше он может упрекнуть её, что она не уделяет внимания Варе. А там и до самой Вари дело дойдёт.

— А берёзу эту давно пора спилить! Я позвоню в зеленхоз, если ты сама этого сделать не в состоянии!

Эти папины слова Варя услышала, уже закрывая дверь своей комнаты. И они больно отозвались внутри, застряли тяжёлым неповоротливым комом. Как это — срубить берёзу? Убить Варино чудо-дерево? Наверное, папа это сгоряча.

Варя оперлась на подоконник. День сегодня неудачный. Не только из-за мамы с папой. Литературы сегодня не было, зато алгебры и геометрии целых четыре урока! На алгебре Варе никто не скажет, что она лучшая!

А ещё она целый день промучилась с положенным артом! Хотелось вернуться к Насмешнику, но она не знала, как увязать его образ с сегодняшней темой. Исчеркала половину блокнота, ничего не понравилось!

А рисовать надо! Вон, на улице темнеет уже! Она обещала. Инктобер есть инктобер.

Варя прислушалась. Родители всё ещё ругались.

Наверное, кроме артов нужно что-то ещё, чтобы её услышали. Чтобы посчитали человеком. А если она так и будет опускать глаза и замирать от каждого окрика — что толку?

Но пока всё по-старому.

Даже окно в доме напротив. Оно, как и раньше, было тёмным. Может, ей только показалось, что в прошлый раз там горел свет?

7 октября

ТОРЖЕСТВО

Марк — сын двоюродной сестры моего отца. Фух, пока этот «Дом-который-построили-Джек-и-родня» объяснишь, сам запутаешься. Он мой троюродный брат, получается.

До того как они осели неподалёку от нас, Хельга — тётка то есть — вела бурную и насыщенную жизнь. Однажды она увлеклась скандинавской культурой, ну и всё. Помешательство оказалось долговременным. Несколько лет она прожила в селении Рейкхольт, где жил знаменитый Снорри Стурлусон. Потом излазила Фарерские острова. Побывала в Гренландии. Хотела отправиться маршрутом Лейфа Эрикссона, но тут иссяк источник дохода. Она развелась с мужем — внезапно, непонятно, но очень шумно.

Вообще-то она Ольга. Просто в образе. Кажется, до сих пор.

Словом, Ольга-Хельга вернулась на историческую родину, купила сарай, в котором они поселились с Марком. Как-то восстановила его до состояния дома. Папа мой предлагал свою помощь, но она всё время отказывалась. Сама. Всё сама.

Я уже говорил, что ни её, ни Марка толком не знал. Но Марк, похоже, не в мать пошёл. Слишком разумный. Наверное, это потому, что хлебнул приключений в детские годы, так что на всю оставшуюся жизнь хватит.

И в то же время странный он. Местами наивный какой-то, шутки не слышит, элементарных вещей не знает. Но упорный, факт!

Он первым из нас нашёл работу. Сначала раздавал флаеры, потом устроился в кофейню окна мыть.

Вообще, его Хельга без помощи не оставляла. Да и мои родители нам на двоих, в общем, деньжат подкидывали, раз уж мы живём под одной крышей. Но он сам. Всё сам. Вот тут он как мать. Адски гордый.

Поначалу я с ним пару дней вместе постоял, пораздавал какие-то листочки пёстрые. Но понял, что это не моё. Людям не нравится, мне не нравится. Какой смысл?

Я слишком много думаю о деньгах. Ну а как иначе, если в них вся проблема? Сейчас я опять всё почти потратил. На припасы, на телефон и на унитаз этот ещё. Ай, ладно, придумаю что-нибудь.

Ну так вот. Хлеб насущный нам обеспечивали родители. А развлечения — это была наша забота. Моя, если точнее. Марк, я уже говорил, всё старался облегчить жизнь Хельге. Похвально, конечно.

Марк идеален во всём. Идеальный сын. Идеальный брат. Идеальный сосед, если разобраться. Но, как всегда бывает при столкновении с безупречностью, сначала тебя всё устраивает, а потом начинает адски бесить.

Но до того момента, когда Марк выбесил меня окончательно, прошло немало времени.

Кто ищет, тот всегда найдёт. Или его найдут. Вот так и со мной. Работу мечты мне подогнал однокурсник Валентин. Точнее, его брат Антон, руководивший интернет-магазином. Торговал всякой всячиной. Валёк и сам на брата работал. Предложил мне почти случайно, к слову пришлось. Я согласился. И стал продавать вейпы и ходовой парфюм.

Оказалось, ничего сложного. Валёк дал мне подробные инструкции, и я почти сразу оказался в теме.

Марк с подозрением ко всему этому отнёсся.

В первый же вечер, когда я разбирался со всеми приبلудами к электронным сигаретам, учил наизусть названия, он сначала с любопытством слушал. Но когда я предложил ему заняться тем же, он подумал и покачал головой:

- Нет. И тебе не советую.
- Почему?
- Как-то подозрительно.
- Да брось! Всё чисто. Это же не наркотики. И даже не настоящие сигареты.
- Они вейпы детям продают.
- Совсем детям — не продают.
- Четырнадцать лет — тоже дети. Да и шестнадцать...
- Ну и что? Их проблемы. И родителей. Пусть лучше за ними смотрят. Я что, паспорт у каждого спрашивать должен?
- Вообще-то должен.
- Ладно, я понял. Остановимся на том, что ты не в деле.

Ну не любил я долгих разговоров. Особенно на тему морали и долга. Да было бы о чём рассуждать! Вейп — безобидная же штука!

Совмещать работу с учёбой, как обещал Валёк, получалось не очень. Может быть, первое время, пока я не въехал полностью. Правда, Валёк и сам далеко не каждую лекцию посещал. Хотя новичком в бизнесе брата уже не был.

Зато спустя две недели я появился перед Марком с пачкой купюр.

- Гуляем! — объявил я, кидая пачку на стол.

Брат готовился к очередному семинару. Увидев деньги, он поднял на меня глаза — большущие за стёклами очков. Я давно уговаривал его купить линзы, но он упорно отказывался.

Надо будет хоть очки годные ему подарить. Я в этот момент такой был радостный и гордый, что мне хотелось весь мир осчастливить. Ну или Марка хотя бы. Чего он! Сидит над своими тетрадками или работает до упаду. Разве это жизнь?

- Поздравляю, — неуверенно произнёс он.
  - Пойдём в клуб, — позвал я. — Оторвёмся по полной?
- Марк качнул головой:
- Заниматься надо.
  - Да брось! Надо же отметить! Ну согласишься, что это круто!
- Ты со своими листовками столько поднимаешь?
- Меньше, — признал Марк, опустив глаза.
- Да, в этот момент я ощущал чистое торжество! Не так уж много этих моментов на самом деле!
- В общем, я умотал веселиться, оставив брата сравнивать участь уборщика и контент-менеджера. Или зубрить лекции.

8 октября

ВОПРОС

Рука двигалась, бесцельно выводя на бумаге кривые линии. Очередная алгебра. И очередная минута позора.

«Выходи к доске, давай разберёмся вместе». Очаровательно! Может быть, с кем-то этот приём и работает, но точно не с Варей. Она, выходя к доске, слышит за спиной приглушённые смешки, обидные комментарии и думает не о верном решении, а о том, как поскорее нырнуть на своё одинокое место у окна.

Что делать? Рука вывела крупный знак вопроса.

Варя алгебру учила ощупью. Но это ведь не выход. Не та наука, пробелы в которой можно восполнить, просто прочитав пропущенный материал. Тут всё со всем связано. Как многоуровневый квест: пока не пройдёшь очередной этап, дальше хода нет. А если проберёшься окольными путями, тебя всё равно выкинут. Или будешь болтаться обманкой, пока самой не надоест.

Варя думала иногда, что, может быть, она не такая уж безнадежно тупая. Может быть, если бы кто-нибудь ей попробовал объяснить... По-человечески, не ругая и не торопя...

Но это невозможно. На уроках вечная гонка. Варя едва успевает просто списать с доски. О том, чтобы спросить про непонятное, она даже подумать не смеет! Однажды

попробовала после звонка — математичка одарила её таким взглядом, что Варя почувствовала себя ничтожным насекомым. Если бы это происходило на уроке, не миновать ей какого-нибудь язвительного замечания. А так — математичка просто заявила, что не может тратить время на объяснение элементарных вещей.

На индивидуальные занятия папа деньги тратить не собирался. Он считал, что репетиторы — это блажь. Школа даёт всё, что нужно, и в том, что Варя чего-то не понимает, она виновата сама.

Всё плохо. Такими темпами она завалит итоговую контрольную, папа разозлится и не станет её слушать. Никакая магия октября не поможет. Тогда всему конец.

«Всем уонец». Так бывает, когда быстро печатаешь и ставишь пробел не там, где нужно. Уонец. Для всех. Это, кажется, сильнее и надёжнее, чем просто конец. И до него не так уж много дней, как кажется.

Вчера она нарисовала что-то пышно-праздничное, сюжетное. Насмешнику нашлось место в самом углу картины. Варя без него обойтись не могла, но в общее торжество он не вписывался. Вот и она чувствовала себя лишней на общем празднике жизни.

Что делать?

Вопросы всегда тревожат. Как черви, бороздят мозг. Щекочут нервы. Вылезают наружу. Легче без них.

Урок закончился. Варя со вздохом перевернула лист блокнота, исчерченный тщедушными червячками-вопросами.

Дверь туалета захлопнулась перед самым Вариным носом. Как некстати одноклассницам вздумалось пошутить. В том, что это злая шутка, Варя не сомневалась: девчонки торопливо шмыгнули в туалет, как только увидели, что она приближается.

Она толкнула дверь, ни на что не надеясь.

— Занято! — прозвучало оттуда.

И смех.

Варя ушла бы, подождала следующей перемены. Но в туалет хотелось нестерпимо. Она забарабанила в дверь, уже со слезами на глазах. На другой этаж она не добежит, не успеет! Умолять, чтобы впустили? Бесполезно! Это их только позабавит.

Варя посмотрела в сторону мальчишечьего туалета. Оттуда не доносилось ни звука.

Она на всякий случай постучала. Никто не откликнулся.

Варя быстро скользнула внутрь, захлопнула дверь кабинки. В голове шумело, из-за стены доносились голоса девчонок.

Сделав свои дела, Варя с облегчением выдохнула. В висках всё ещё стучало. Она уже собиралась осторожно выйти, но тут послышались шаги, дверь скрипнула. Пришлось затаиться.

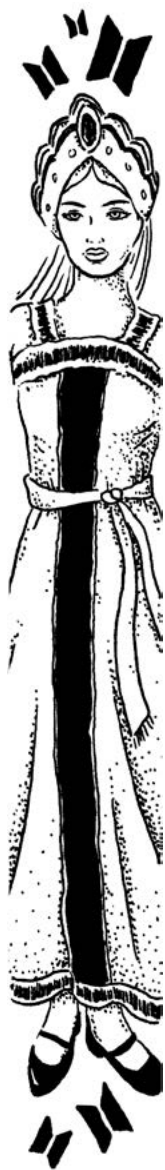
Кто-то вошёл, разговаривая по телефону.

Не кто-то, а Родион! Его голос Варя узнала бы из тысячи! Вот она попала!

— Да, в садик она ходить не будет. Может, временно, может, насовсем. А соседка только до трёх согласна, потом у неё дела. Ну какие-какие? Не знаю! Дела, и всё! Дальше я за сестрой должен присматривать, до самого вечера. С мелкими вообще геморрой, а у меня к тому же... Ты знаешь. Так не вовремя!

Варя замерла в своей кабинке. Конечно, было страшно, что её обнаружат в мужском туалете, вдвойне страшнее от того, кто обнаружит. Но подслушанный разговор делал её как будто ближе к Родиону. У него, оказывается, есть младшая сестра. И какие-то проблемы. Ну, проблемы-то у всех свои, а вот сестрёнка детсадовского возраста...

В класс Варя вернулась уже спокойная. Руки не дрожали, слёзы высохли. На девчонок она старалась не смотреть. Они

при её появлении опять заржали — неужели догадались, ГДЕ она решила свои проблемы?

Урок едва начался, а Камиллу Валерьевну вызвали на какое-то срочное совещание.

— А давайте в «Три факта обо мне»? — предложил кто-то, когда все поняли, что совещание затянулось.

Игра известная. Ты сообщаешь три факта про себя. Два правдивых, третий ложный. Остальные угадывают, в чём ты соврал. Они играли так в пятом, что ли, классе, потом надоело. И вот сейчас игра неожиданно возродилась. Наверное, фактов прибавилось в биографиях, да и врать научились искуснее.

Варя в играх участия не принимала. Зато ей было интересно наблюдать за одноклассниками. Некоторые не ломали голову, что ляпнуть, — их легко было раскусить. «Я не люблю синий цвет» — Лара Морозова. Ага, как же, синее пальто, синяя блузка, даже носки — и те синие!

А некоторые заставляли подумать, ловко сбивали со следа. Полина Кузина сообщила, что увлечена историей русского народного костюма. Никто не усомнился — недавно проект по этой теме защищала. Оказалось — нет, просто взяла готовый материал, а вообще это её ни капли не интересует, она по уши в корейцах, слушает кей-поп, смотрит дорамы и даже берёт уроки корейского.

Или вот Арсений Якушкин. Так подробно описывал, как готовят пчёл к зимовке, что все поверили: он по-настоящему это делал. Оказалось — изучал в теории, а факт ложный.

Варя отметила, что, разгадывая, почти всегда попадает в точку. Она даже удивлялась — чего ошибаются другие?

— Куда? — рявкнула Майка. Варя сначала не поняла на кого. — По очереди!

— А я не в очередь, что ли? — голос из-за соседней парты.

— Сейчас Скворцова!

— Она не играет!

— А ты у неё спросила? Или человек тебе пустое место? Говори! — приказала Майка, теперь уже Варя.

Все замолчали. Варя услышала, как шумит кровь у неё в ушах. Она хотела уже отказаться, но посмотрела в сощуренные Майкины глаза...

— Я люблю рисовать, — произнесла она в обступившей её тишине. — Я люблю алгебру. И... — она зачем-то встала, точно отвечала урок, и нечаянно взглянула на Родиона.

Тот, кажется, до этого момента не очень следил за происходящим, но сейчас на Варю смотрел внимательно. Все на неё смотрели.

— Я очень люблю детей, — закончила Варя.

Оригинально, ничего не скажешь. Ну, она и не готовилась, не думала даже, что позовут в игру. Потому и раскусили её как-то мимоходом, и сразу же загалдели о другом. Варя опустила на стул, успокаивая встревоженное сердце.

Больше внимания на неё никто не обращал, даже Майка, а Варя очень хотелось поймать её взгляд и хоть попытаться угадать: зачем она её вызвала? Чего добивалась? Поддержать хотела или наоборот? Но Майка нацепила вечные свои наушники и до конца дня к обществу одноклассников уже не возвращалась.

Варя медленно спускалась со ступенек школьного крыльца, когда её окликнули. Перед ней стоял Родион.

— Это немного странно, — предупредил он. — Ты сказала, что любишь детей?

Он потрогал пальцем переносицу. Смущается? Вышло у него так просто и мило, что Варя забыла, как дышать.

— А ты не могла бы время от времени присматривать за моей младшей сестрой? Типа няни. Я бы даже заплатил... Варя молчала.

Родиону очень нужно решить эту проблему с сестрой. Что у него за дела, что он не может провести время с мелкой, Варя пока было неинтересно. И не важно.

Важно другое. Она нужна ему! Пусть и в качестве няни. Нужна!

Очень хотелось крикнуть: да какая оплата? Даром! Всё, что захочешь!

— Ну? Что скажешь? Варь?

Вопрос повис в воздухе. Вместе с именем, произнесённым ЕГО губами.

— Не надо денег, — тихо сказала Варя. — Я хочу попросить тебя о другом.

9 октября

ДИРИЖАБЛЬ

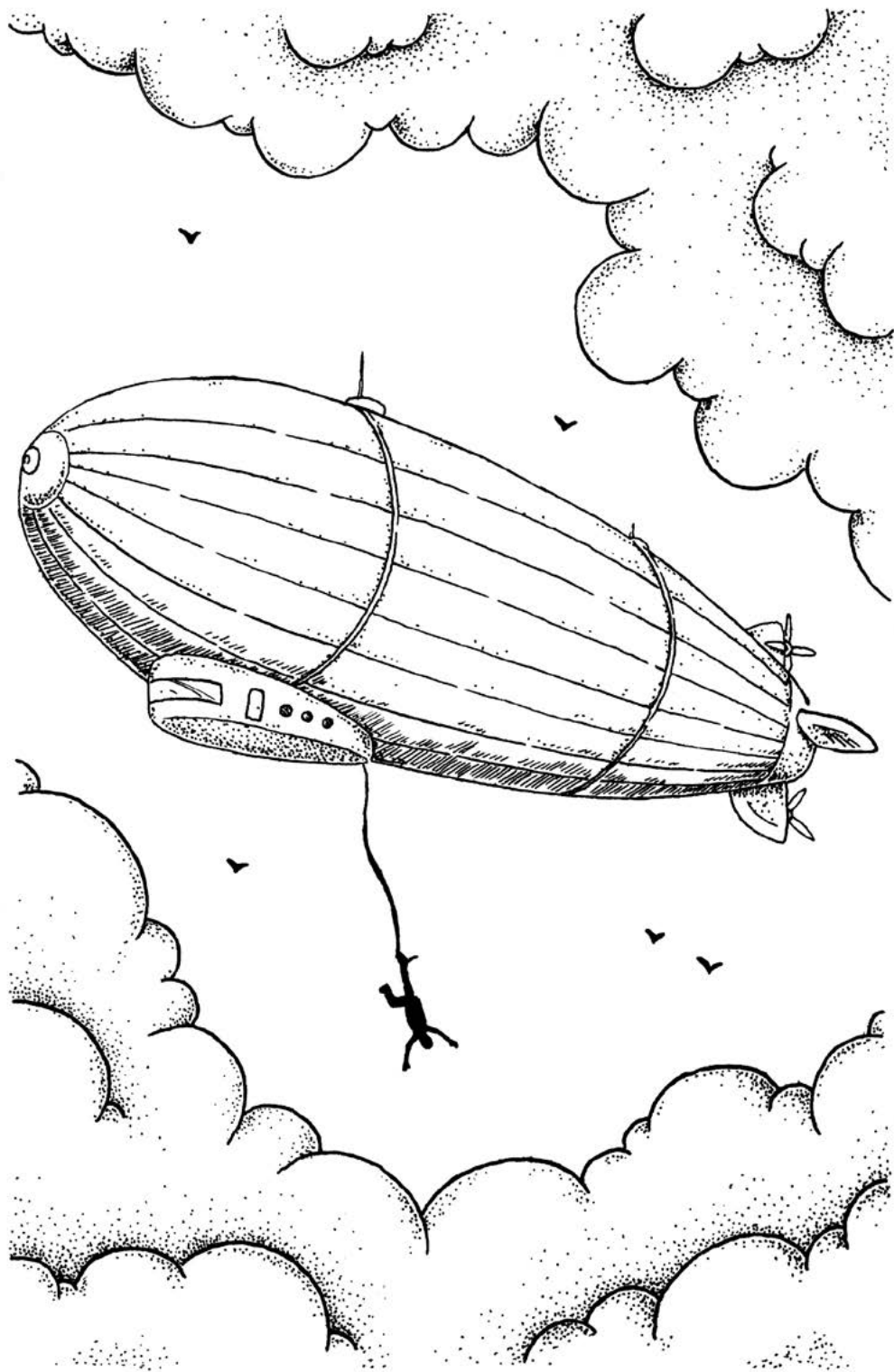
Я сидел на подоконнике и смотрел вниз. Там суетились люди. Суетились — громко сказано, конечно. Просто ходили по узкой дорожке между двух домов, кто-то выбирал мой, кто-то сворачивал в тот, что напротив.

От нечего делать я стал считать тех и других. Как игру вёл. Примерно вничью: там двухподъездная девятиэтажка, а тут этажей всего пять, зато по восемь комнат на площадке. Ничего такой муравейник! Я увлёкся, даже комментировать стал, как во время матча. Очнулся, плюнул.

Ну почему как выходные — так накатывает тоска? Я-то думал, что начинаю привыкать...

Марк всё-таки явился тогда в клуб. Чтобы увезти меня домой. Я бы сам не добрался. Он хорошо поступил, правильно. К слову, это было не последнее моё такое приключение, но он каждый раз забирал меня без возражений. Даже не упрекал.

Не подвиг, конечно, но поступал ведь как порядочный брат. Я вроде как благодарность должен был испытывать, но почему-то испытывал неприязнь. Или чувство вины. Или ещё что-то. Есть люди, у которых с эмоциями всё просто. Они злятся, либо радуются, либо обижаются. У меня же сразу туча всего, поэтому мне сложно определить, что я испытываю. А модное проговаривание чувств только злит.

В общем, бесил он меня. С каждым разом всё больше и больше, а когда я в таком состоянии, я быстро воспламеняюсь. Не человек, а дирижабль.

Знаете, почему дирижабли не прижились? Если даже не считать их взрывоопасности? Один ангар стоит в сто раз дороже, чем сам дирижабль. И обслуживают его восемьдесят человек минимум. Современные технологии, наверное, изменили бы что-то в лучшую сторону. Но всё равно. Нерациональный аппарат. Обречён на вымирание.

Вот и я. Боюсь, что тоже.

Обречён.

Я ткнулся лбом в стекло. Что ж так тошно-то? Плохо то, что я алкоголем не затарился. Сделал ставку на выдержку: должен в трезвом уме через всё пройти. Переоценил себя — ломало меня так, что мама не горюй. Возникла даже мысль нарушить на полчаса своё заточение, пойти купить чего-нибудь... успокоительного. Вроде пялиться на прохожих, потягивая пиво из горла, — значимо и атмосферно. А просто так — тупо, да. Не знаю. Такие традиции.

Думаете, победила выдержка? Щаз! Просто обуваться и искать одежду было лениво, а топать до магазина страшно, я уже от людей отвык, общаясь с призраками прошлого да с игрушечными людьми внизу. В итоге не пошёл. Завалился спать, как всегда.

10 октября

НОВОЕ ПЛАТЬЕ

Варя не лукавила. Она в самом деле любила детей. Она иногда слышала, как одноклассники жалуются на младших, как те мешают, надоедают, отбирают что-то и вообще вредничают.

Она этого искренне не понимала. Конечно, старшие чаще всего жалуются не всерьёз, но всё равно — как можно жалеть что-то для маленького, не важно что — пиццу, общий компьютер или свободное время? Будь у неё брат или сестра, она бы нянчилась с ним (или с ней) сутки напролёт! И он бы не стал вредничать (она бы не стала) — какой смысл, если и так получит всё и с избытком?

Варя сидела на скамейке возле детской площадки и ждала Родиона с его сестрёнкой. Временами сердце проваливалось куда-то, Варя не знала, из-за Родиона или из-за сестры: а вдруг она её не примет? А может, вообще из-за нового ощущения — она впервые что-то потребовала для себя. Не как обычно — посчитала чужую просьбу своей обязанностью, а показала, что её усилия чего-то стоят.

Чтобы заглушить волнение, она достала привычное: скетчбук и ручку. К моменту, когда на площадке появился наконец Родион, Варя успела набросать с десяток сюжетов.

— Вот, — сказал Родион. — Знакомьтесь. Варя — Михалина. Всё в силе?

Варя кивнула.

Они договорились так. Варя «пасёт» Михалину, Родион в свободное время объясняет ей алгебру. Когда Варя выговорила это условие, сама испугалась. Какое может быть сравнение: погулять с ребёнком и вдолбить формулы и задачи в её тупую башку? Но Родион кивнул, даже не удивившись. Для него, видимо, всё было наоборот. Да и не в трудности суть — Варя вспомнила подслушанный разговор: какие-то у него имелись дела на время прогулок с Михалиной.

Оставшись вдвоём, девочки — большая и маленькая — сначала молчали.

— Родя сказал, что ты красиво рисуешь, — произнесла наконец Михалина.

Она серьёзно смотрела на Варю серыми (как у Родиона!) глазами и, кажется, ни капли не смущалась.

И у Вари вдруг пропала всякая робость. Она против воли заулыбалась — надо же, Родион её похвалил, хотя бы и перед младшей сестрой!

— Это правда? Нарисуешь мне пони?

— Нарисую, — легко согласилась Варя. — И пони, и жирафа, всё, что захочешь!

Минуту спустя они сидели на широком бортике песочницы — пока знакомились, все скамейки оказались занятыми — и рассматривали Варин скетчбук.

— Ничего красивее не видела! — восхитилась Михалина.

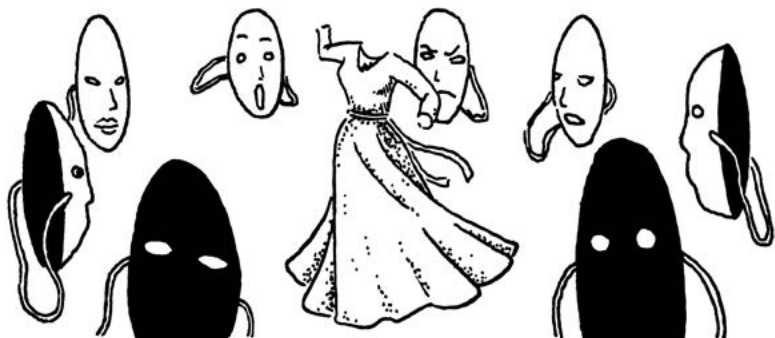
Очень скоро Варя поняла, что Михалина вообще изъяснялась не как пятилетка, а совсем по-взрослому.

— Я могу подарить тебе какой-нибудь рисунок, если хочешь, — предложила Варя.

— Хочу. Вот это!

Михалина уверенно ткнула пальчиком в понравившийся арт.

Ох! Вообще-то это была лучшая Варина работа. И по замыслу, и по воплощению. Варя даже опасливо думала, что

в галерее «чернильного октября» она смотрелась бы не хуже других.

Она нарисовала хоровод из масок, а в центре круга — платье без хозяина. Платье само по себе изогнулось в динамичном танце. А маски были разные: насмешливые, хнычущие, презрительные, ехидные, злобные. Ни одной доброй! Немного жутковатая получилась картинка, непонятно, чем она привлекла девочку. Не иначе — платьем.

— Хорошо, — согласилась Варя. — Только давай я отдам тебе рисунок, когда ты пойдёшь домой. Нам гулять ещё долго, ты можешь его помять. Или разорвать.

Михалина помолчала, обдумала — и согласно кивнула, потряхнув бубенчиками на шапке. Серьёзная барышня!

Вокруг шумели люди. Худенькая девушка в берете качалась на качелях: сначала потихоньку, потом с увлечением. Бабушка, проходившая мимо, увидела, как голуби расклёвывают кусок бублика. Она попросила молодую маму с коляской пощипать бублик помельче, а то один крупный голубь никому не даёт. Поделит на всех, улыбнулась мамочка. Ребёнок в коляске внимательно наблюдал за голубями, которые принялись каждый за свой кусок, и неожиданно улыбнулся. Во рту у него успело вырасти только два нижних зуба. И Варя улыбнулась. Она не посторонняя

на этой площадке, а полноценный человек, тоже присматривает за ребёнком!

— А рисунок? — напомнила Михалина, когда уже явился Родион, чтобы её забрать.

— Ах да! — спохватилась Варя.

Она почти свыклась с мыслью о том, что с сегодняшней страничкой инктобера придётся расстаться. Ну и что, что «Новое платье» будет у Михалины. Это же всё равно считается, правда? Зато Родион сказал спасибо, а улыбка Михалины окончательно убедила её в том, что эта девочка теперь её маленький друг.

А вечером Варя увидела Насмешника. Не у себя в голове, не во сне, а по-настоящему.

Он сидел на подоконнике того самого окна напротив. Живой и голый. Не совсем голый, конечно, в трусах, но живой ведь! И это было почти волшебство! Варя так удивилась, что не отвела глаз даже в тот момент, когда он повернул голову и посмотрел прямо на неё.

11 октября

ПОБЕДОНОСНЫЙ

Меня разбудил звонок. Я сначала думал — будильник. Хотел заглушить, хватанул спросонья телефон, не удержал в руках, он грохнулся на пол и замолчал.

Но через секунду запел снова, уже из-под кровати.

Я зарычал, сполз вниз. Понял, что сон закончился.

— Здоров, сынище! — бодрый голос отца. — Чего не отвечаешь?

— Сплю, — не подумав, ляпнул я.

— Что за «сплю»? А лекции?

— Мне ко второй паре, — нашёлся я. — А вчера допоздна засиделся, к семинару готовился.

— А-а, ну ладно. Как ты там вообще?

— Да всё норм.

— Как Марк? Что-то ему дозвониться невозможно.

— Марк тоже в порядке. Он ушёл уже, — на всякий случай добавил я, побоявшись, что брата, чего доброго, потребуют к телефону.

— Ага. Ну держитесь там. С мамой поговори, а то она у меня трубку вырывает.

— Алло, сыночка! — папу перебил взволнованный мамин голос. — Ты здоров? Сыт? Как дела с учёбой? Сильно нагружают? Мы соскучились!

Я размеренно поддакивал. Не болею. Не голодаю. Тоже соскучился. Нет, с Марком не ссоримся, живём душа в душу, ты что!

Вообще, ответы можно было записать на диктофон и включать во время разговора. Одно и то же, каждый раз.

Тут очень не вовремя проснулся кран и загудел.

— Это что? — удивилась мама.

Услышала даже по телефону. Ещё бы — рычало так, что трубы дрожали.

— Кран, — сказал я.

— Что? Какой кран? — всполошилась мама.

— Да ерунда, мам! — спохватился я. — Тут воду на несколько дней отключали, но всё уже хорошо.

— А-а, ну ладно. Ну всё, сыночка, мы побежали! Береги себя!

— Гошка! — снова папа, и это тоже каждый раз одинаково. — Мы тебе денежку кинули, на поддержание штанов. Давай, пока!

— Спасибо! — это я произнёс, уже перебивая короткие гудки.

Несколько минут после разговора я пребывал в прострации. Машинально проверил счёт — «денежка» пришла. Вернулся к истории звонков. Мелькнула безрассудная мысль перезвонить и рассказать всё как есть. Поговорить хоть раз в жизни с родителями не по заученному тексту!

Но, поразмыслив, я понял, что не смогу. Не знаю. Не смогу, и всё! С другими — запросто, с другими я Гошка-приколист. А с ними...

У меня нормальные отец с матерью. Больше чем нормальные. Я знаю, что многим такие родители за счастье. Они никогда не лезли в мою личную жизнь. Всё разрешали. Ну, почти всё, но это детали. Никаких санкций, запретов, никаких «недель без телефона» в наказание. Даже никаких нравоучений. Они просто ставили передо мной цель и ждали результата. Положительного, разумеется. Оба думали, что именно так вырастают благополучные и успешные люди.

Может, и так.

Вот только к этому привыкаешь. К тому, что жизнь состоит из побед, а люди делятся на конкурентов и почитателей. Может, оттого я и с Марком чувствовал себя неуютно, что он не вписывался ни в одну из этих категорий.

Между делом я набрал его, но абонент в самом деле был недоступен.

Так-то меня всё устраивало. До тех пор, пока не стало ясно, что лимит побед исчерпан. Жаль, что этот счёт нельзя пополнить.

Оказалось, что ставить цель самостоятельно я не умею. А ещё я не знал, как живут те, кого раньше считал неудачниками. Как они справляются, как выбираются из ямы. Та же Хельга, тот же Марк.

Сейчас мне просто хотелось, чтобы кто-нибудь взял меня за руку и повёл за собой. Потому что путь иногда важнее цели.

Я бы и от более простых вещей не отказался. Чтобы кран перестал выпендриваться. Чтобы Марк ответил на звонок. Чтобы кто-нибудь пожарил для меня котлеты, я уже смотреть не мог на консервы и концентрированные супы.

Когда на улице стемнело, я подошёл к окну. Шторы я так и не повесил, и, наверное, в доме напротив могли меня видеть, как на картине. Да плевать!

Однако через несколько минут я почувствовал себя неуютно. Как будто голый стою. Вообще-то почти. Трусы не одежда. Но ещё вчера меня это несколько не смущало. Я даже на подоконнике сидел, пусть кто хочет пялится, не жалко. Но сегодня что-то изменилось.

Дом напротив надменно смотрел на меня всеми своими разноцветными глазищами. Фиолетовыми: хозяева — любители растений, выращивают зелень и рассаду под специальными лампами. В октябре, ну! Слепыми — там, где шторы наглухо задёргнуты. Пара окон назойливо мигала гирляндами.

Только окно напротив светило как-то по-домашнему. За прозрачной шторой кто-то жил. Ходил по комнате, менял освещение с большого света на настольную лампу. Потом свет вообще погас. Вот и вчера — этот *кто-то* точно так же погасил лампу и, кажется, стал наблюдать за мной.

Я отшатнулся. Всё. Приехали. Это паранойя, Гоша. Но ты не переживай, это лечится.

Блин!

Я тоже выключил свет, но так показалось ещё страшнее. Теперь дом не кидал взгляды свысока, а заглядывал прямо внутрь — в моё единственное убежище.

Я потянулся к выключателю в состоянии, близком к панике.

И тут, в завершение всего, раздался телефонный звонок.

12 октября

ВЕРОЛОМСТВО

Неприятная выдалась ночь. Да что там неприятная! Одна из самых ужасных ночей в моей жизни! Уснул я только под утро. Ну и проспал почти до полудня. Потом ещё долго валялся в постели. Вставать не хотелось, но, конечно, пришлось. Сходил в туалет, что-то приготовил, съел.

Время тянулось, как всегда, медленно. И всё же я не заметил, как день прошёл и за окном опять сгустились сумерки, а за ними опять накатили тревожные предчувствия.

Вчерашний ночной звонок я сбросил. Он был от анонимного абонента. Но что-то мне подсказывало, что вряд ли это кто-то ошибся номером. И вряд ли это единственная попытка меня достать.

Я присел на край кровати и стал ждать. И дождался!

Звонок прозвучал адски громко. Я скользнул к нему в темноте, всё ещё чувствуя себя загнанным в клетку зверем. Обо что-то ударился по пути, чёрт его знает обо что, я ведь даже одежду не убирал, а просто сбрасывал на пол. Но ударился больно.

Сосредоточившись на ушибленном бедре, я даже не осознал, кто звонит, хотя теперь номер был знакомый: я прекрасно видел не только имя, но и пафосную аватарку.

— Привет, — хорошо знакомый голос вернул меня к реальности.

Голос — единственно приятное, что имелось у Эльзы. Всё остальное, от имени до её аватарочной улыбки, было насквозь

фальшивым. А ведь когда-то я так не думал! И за то, чтобы услышать этот голос, готов был ужом вертеться!

— Здорово, Лизок!

Я нарочно назвал её именем, которое она сильнее всего ненавидела. И, конечно, добился чего хотел.

— Не беси меня! — сквозь бархатный голос звякнула сталь. — Не в твоих интересах.

— Чегой-то? — наивно поинтересовался я.

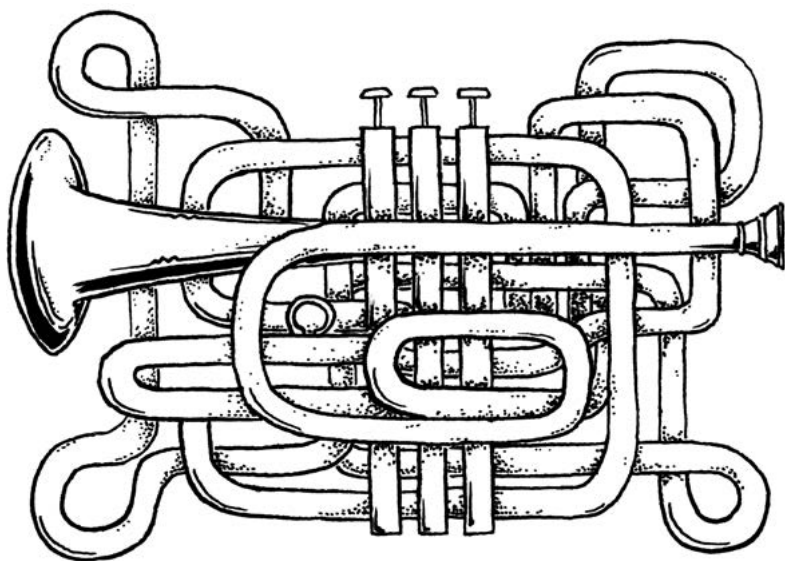
— Тогой-то! — передразнила Эльза. — Ты по уши в дерьме, если не заметил. Так что должен мне льстить и угождать, чтобы я тебя не притопила в гневе. А ты хамишь. Такой отважный?

— А я бессмертный. У меня прадедушка Кощей!

— У брата твоего тоже? Или ему меньше повезло? Вы вроде сводные.

— Не сводные, а троюродные!

— Да мне фиолетово! Я звоню, он не отвечает! Что случилось?

— Лизонька, — я старался говорить вкрадчиво: ей назло, конечно. — Чего ты от меня хочешь? Я не знаю, где Марк. Мы не общаемся.

— Тварь ты! — от бархатного голоса ничего не осталось, Эльза почти визжала. — Из-за тебя всё! Натворил дел, а теперь в сторону? То, что я его ищу, — ерунда! Его Антон уже хочет достать!

— Он тут при чём?

— А ты думаешь, Валя сам всё разруливать будет? Он на такое не способен, ему проще другого натравить. Сволочи вы оба!

— Спокойно! — перебил я. — Ничего ещё не случилось.

— А надо, чтоб случилось? Ты Валю плохо знаешь! Теперь если не тебе, то Марку придётся расплатиться. Не деньгами, так здоровьем. А потом всё равно деньгами. Антон шутить не любит. Короче! — прервала она саму себя. — То, что ты вне зоны видимости, тебя не спасёт! Вечно прятаться невозможно.

— Да кто прячется-то? — не выдержал я.

Я здесь живу не потому, что скрываюсь, но не будешь же ей объяснять.

— Я сказала! — рявкнула она. — На тебя мне плевать, а на Марка нет. Если с ним что-нибудь случится, я тебе отомщу!

— Я проникся, — заверил я. — Всё ради твоего спокойствия... Лизок! — мстительно добавил, хотя самого начало потряхивать изнутри.

Она бросила трубку.

Первым желанием было расколошматить телефон о стену. Но я мысленно перехватил собственную руку, а потом набрал Марка.

По-прежнему недоступен. Вот что мне делать? Хоть беги искать его в ночи, и гори он разноцветным пламенем, мой добровольный ретрит! Только куда бежать?

Я подскочил к окну со странным чувством — высмотреть там что-нибудь связанное с Марком. Но снова наткнулся на многоокий взгляд бетонной громады.

А в окне напротив происходило что-то странное. От уютного лампового света не осталось и следа. Шторы были задёрнуты, а по ним метались бешеные тени. Но метались как-то... осмысленно, что ли. Замирали зловещими рогатыми фигурами и рассыпались, уходили во тьму.

Я посмотрел-посмотрел, а потом взял телефон и перевёл на Валькин номер почти всё, что мне досталось сегодня от родителей. Хотелось приписать: «Подавись, тварь!», но даже просто «Подавись» не смог, пальцы дрожали.

Это лечится, точно лечится, убеждал я сам себя, когда уже лежал поверх одеяла, с силой зажмурил глаза.

Как уснул, не помню.

13 октября
ЛИЦЕДЕИ

Варя рисовала. Она даже не раздумывала, что изобразит на этот раз, потому что вчерашний вечер подарил ей готовую идею. Это был хороший знак.

Вчера к ней явилась Майка. Довольно поздно, на улице уже стемнело.

Варя мало сказать что удивилась. Сам факт, что кто-то из одноклассников явился к ней домой! Да ещё без повода! Да ещё если это Майка!

Неужели подвох? Майка Демьянова вроде не из тех, кто постоянно обижал Варю. Но это ещё ни о чём не говорит. Никогда не поздно начать.

— Ну что застыла? — грубовато произнесла наконец Майка. — Может, уже зайдём? Или прогонишь?

— Нет... Ой, нет, что ты! — спохватилась Варя. — Заходи, конечно!

Не вынимая рук из карманов, Майка сбросила кроссовки и сделала пару решительных шагов. А потом обернулась к Варе, словно спрашивая, куда двигаться дальше.

Варя торопливо указала в сторону своей комнаты.

— Чай будешь? Может, кофе сделать?

Она проговорила это в Майкину спину, когда та уже открывала дверь.

— Не суетись, Скворцова. — Майка достала из рюкзака бутылочку воды и отпила из горлышка. — Обойдусь без чая.

Она пошарила глазами вокруг, плюхнулась в кресло и уронила рюкзак рядом с собой.

— Ну ничё так конура у тебя, — оценила она, снова делая глоток.

Варя несмело улыбнулась. Она слушала Майку и одновременно соображала, куда бы присесть самой. За стол — это значит спиной к Майке, но стул по-другому не поставишь. А кровать ужасно скрипучая.

— Хочешь знать, зачем я пришла? — Майке не было никакого дела, конечно, до Вариных сложностей. Да по ней, что это за сложности! Она бы устроилась на полу, наверное, вот и всё!

Варя пожала плечами и опустилась всё-таки на краешек кровати.

— Зачем? — спросила она.

— Версия для тебя: просто так!

Варя сглотнула.

— А на самом деле?

Она хотела мысленно это спросить, но слова вырвались сами. Впрочем, ответа она всё равно не получила. Майка усмехнулась и потянулась к рюкзаку — положить бутылку.

Потом встала и принялась рассматривать Варину рабочую стену. Варя крепила сюда наброски, и готовые рисунки, и просто записки, чтобы не забыть нужного. Список «чернильного октября» тоже висел здесь. Варе очень захотелось его убрать подальше от Майкиных глаз, но та, кажется, не обратила внимания на невзрачную бумажку.

Она смотрела на большую картину. Первая Варина работа, написанная красками. Варя считала её не очень удачной. Чем дольше она висела, тем явственнее проступали недостатки, не замеченные в процессе: неуместный контраст, размазанные линии.

А вообще картина была похожа на мрачноватое окно в другой мир: узкая средневековая улочка, ночное небо

и фантастическая ползучая тварь внизу. Варя хотела изобразить что-то вроде василиска, как в «Гарри Поттере», но тварь получилась не злобной, а жалостливой, уязвимой и, кажется, раненой.

— Неужели сама? — спросила Майка, через плечо оглядываясь на Варю.

Варя кивнула.

— Кул, — одобрила Майка.

И Варя вдруг поняла, что всё это время сидела замерев, как будто в ожидании приговора. Ждала, что Майка скажет. Какая же она всё-таки зависимая!

— Слушай, а включи лампу. Вот эту, — Майка кивнула в сторону настольной лампы с апельсиновым абажуром. — И поставь на пол. А свет погаси. Мне кажется, будет атмосфернее!

Варя торопливо переставила лампу вниз. За окном было уже совсем темно. Теперь свет шёл только от оранжевого

источника. Странное дело: на столе свет казался уютным, домашним, а на полу сгустился и теперь напоминал сполохи зарождающегося пожара. От этого стало тревожно.

— Я же говорила, будет круто! — сказала Майка.

Она продолжала смотреть на раненого полувазилиска, в глазах которого теперь тоже появился загадочный огонь.

— У тебя реально такие проблемы с алгеброй? — вдруг спросила Майка.

— А что? Хочешь помочь?

Варя снова удивилась, что осмелилась такое спросить. Майке действительно есть дело до её проблем?

— Я похожа на Эйнштейна? — фыркнула Майка. — Нет уж. Тем более у тебя вроде есть помощник.

Варя почувствовала, что краснеет. Сильно краснеет, даже освещение не скроет пылающих щёк и ушей.

— Родион? Это не помощь, это... Он мне... Мы... У нас договор! Я ему тоже помогаю!

— Серьёзно? Развлекаешь мелкую? — Майка насмешливо приподняла бровь.

— Почему нет?

— Ну, не знаю. Я бы застрелилась сразу. Дети такие скучные!

— Только не Михалина! Ты не представляешь...

Варя разулыбалась, вспомнив Родионову сестрёнку.

— Ладно! — Майка не позволила Варе перейти к любимой теме и прервала восторженные Варинны признания. — Ненавижу слушать про детей.

— Ты детей вообще не любишь?

— Не детей, — поправила Майка. — А когда про них рассказывают. Это так тупо звучит!

Майка уселась на пол. От её движения по шторе и по стенам поползли гротескные тени. Она это заметила, специально приблизила ладонь к лампе и пошевелила пальцами.

— Я люблю сидеть на полу, — сообщила она. — Я дома даже уроки так делаю.

Варя кивнула. Кто бы сомневался!

— Чего стоишь как неродная? Давай, падай рядом! Сейчас будет театр теней!

И она принялась строить фигуры из пальцев. С выдумкой, надо признать: фантастические твари выходили у неё живыми и жуткими. Майка заставляла их изгибаться и танцевать, они металась с потолка на стены, по шторам и обратно.

— Теперь ты! — потребовала она.

Варя попыталась изобразить какое-то подобие птицы. И тут же убрала руки за спину.

— Я не умею, — смущённо признала она.

— А если так?

Майка выдернула один из наушников. Сегодня она пришла с «ракушками» вместо своих обычных огромных. Воткнула его Варе в ухо.

Прямо в мозг ударили барабаны и бешеный ритм электрогитары. Варя не сразу различила мелодию в этой лавине звуков. Но Майка смотрела на неё, чуть улыбаясь и энергично кивая в такт музыке. Второй наушник был у неё, они слышали одно и то же.

Это было странно и хорошо. Несмотря на запредельно бешеный темп и ненормальный голос, Варя ощутила вдруг невероятное спокойствие. Если ты не поспеваешь за мелодией, просто расслабься, не сопротивляйся, пусть тебя уносит стремительное течение.

И она расслабилась. Доверилась. Оказалась в плотном коконе из музыки. Сейчас её не волновало даже то, что родители должны прийти домой, а она может не услышать, как они звонят и стучат. Реальным и настоящим казалось только это: музыка на двоих и театр теней в четыре руки.

— Хорош!

Майка резко вырвала «ракушку», не дождавшись конца композиции. И так же резко вскочила, едва не опрокинув лампу.

Она казалась угрюмой, когда обувалась у порога, но Варя уже не ломала голову над тем, что сделала не так. Всё равно «так» для всех разное. Да и вообще, надоело сомневаться! Сегодня она почувствовала, каково это — идти (нет, лететь!) напролом, напрямую, без оглядки, пусть даже с риском! На несколько минут всего — но почувствовала. И, может быть, поняла, почему Майка такая. Безбашенная и независимая.

— Скворцова, ты цены себе не знаешь, — объявила вдруг «безбашенная» Майка.

Вздыхнула и замерла, будто собиралась что-то сказать. Но передумала и махнула рукой:

— Ай, ладно! Твои проблемы!

Варя подняла голову. Ну вот, очередной рисунок завершён.

В комнате всё оставалось по-прежнему. Лампа, тени, рисунки на стенах.

Вчера был странный вечер. Майкин визит порадовал её даже больше, чем время наедине с Родионом, когда он сидел напротив и терпеливо объяснял ей задачки.

Варя поднялась и приникла к окну.

У Насмешника горел свет, а сам он ходил по комнате взад-вперёд. Ему больно? Или страшно? Или у него беда? Варё стало тревожно. Всего-то один раз они почти встретились взглядами, а ей уже не всё равно. Но как же можно быть равнодушным к тому, кого выдумала сама?

Насмешник метнулся к стене, протянул руку, и окно стало тёмным. У него нет штор, выключить свет — это единственный способ стать невидимым.

14 октября

ИНФОРМАЦИЯ

Я уже не знал, что делать, где его искать! Убеждал себя, что, может, и не надо, проблема ведь решена. Хотя бы временно и частично — денег всё равно не хватило, чтобы вернуть долг целиком.

Долг, блин!

Я заставил себя не закипать и переключил внимание с Валька и Эльзы на брата моего Марка. Полез на его страничку в ВК. Он заходил вчера вечером. Значит, жив, хоть что-то. И тут же накрыло опять: да кто сказал, что жив? Любую страницу взломать — раз плюнуть!

Нет, у меня точно паранойя!

Надо позвонить кому-нибудь из его знакомых. Задумавшись об этом, я понял, что никого из его друзей-то и не знаю. Как-то не приходилось встречаться. Ни случайно, никак.

— Давай, Гоша. Напрягись, — бормотал, листая телефонную книгу. — Не может быть, чтобы вообще никого!

После телефонной книги я перешёл на френдленту. Она у Марка была короткая. Посторонних нет. На русском или английском — без разницы.

А меня-то он пока не удалил, мимоходом отметил я. Но почему-то это совсем не обрадовало. Наверное, потому что тревога глушила все остальные чувства.

А потом я всё-таки вспомнил.

—

Они стояли возле трёхглавых контейнеров с отдельным мусором. Марк и щупленький паренёк. Оба в очках, озадаченные какие-то.

— Привет! — я хлопнул Марка по плечу. — Какие-то проблемы?

— Да не то чтобы, — Марк кивнул. — Этот вон флешку в мусор выбросил.

— Я Сева, — представился очкарик.

— Зачем выбросил? — спросил я, пожимая сухую ладонь.

— Случайно, — Сева сдвинул брови, но у него было очень гладкое, детское какое-то лицо, поэтому хмуриться по-настоящему не получалось.

— Шёл за мной следом, я выбросил стакан от капучино, а у него в руке флешка была.

— На автомате тоже швырнул, — добавил Сева.

Они переглянулись и засмеялись. Хотя чего смешного? Идиотский какой-то поступок.

— И что теперь? — мне даже любопытно стало.

— Ну что? Думаем, как её достать. Там важная информация. Да и флешку жалко.

— Чего думать-то?

Я схватился за мусорный контейнер. Но он оказался привинчен к полу. Или приклеен, уж не знаю. Вытащить мешок тоже не получалось — он был как-то хитро закреплён внешним ободком. Пришлось мешок подтягивать, а потом рыться среди кофейных стаканчиков и скомканных листочков.

На нас уже косились. Ещё бы!

— Нашёл! — торжественно объявил Сева, показывая нам свою многострадальную флешку.

— Хорошая всё-таки вещь сортировка мусора. Правильная, — заметил я. — В яблочных огрызках копать хуже.

— Спасибо! — Сева поблагодарил меня с такой искренностью, что я даже смутился. Чего я там помог? По приколу и вмешался-то.

— Ну вот такой он, — пояснил Марк, когда мы уже посадили Севу на его автобус и топали домой.

Марк рассказал смешную историю про этого Севу. Как тот однажды пришёл в аптеку купить обезболивающее. У него болел зуб, говорил он непонятно, и ему по ошибке продали ингалипт-спрей. Он безропотно купил, а потом стоял с несчастным видом, а зуб продолжал болеть. Потом разобрались наконец, продали ему нужное лекарство, а в утешение подарили игрушечного слоника — маленького такого, из киндер-сюрприза. Он стоял на витрине и привлекал внимание. И достался Севе.

— Теперь он талисманом работает. Севка его Ингалиптом назвал, — закончил Марк. — Теперь ты понял, какой он? Ведомый...

— Слон Ингалипт? — не удержался я.

— Севка! — поправил Марк. — Даже движения за мной повторяет.

Но сейчас что-то мне подсказывало, что если у Марка случилась беда, то за помощью он пойдёт не ко мне (это уж точно!), а к этому ведомому Севе.

А вернее всего, ни к кому.

Телефона Севы я, конечно же, не знал. Фамилию его тоже. Сева, однокурсник. Вот и вся информация.

В ленте у Марка нашёлся только один Сева. Фотографии на аватарке не было, но я решил, что это он. Вот прямо так: Сева Орлов. Прелесть какая, с пятого класса, что ли, ник не менял.

Хотя...

Я примерил к очкастой его физиономии имя «Всеволод», получилось ещё чуднее.

«Как поживает Марк?» — написал я, не тратя слов на приветствия и предисловия.

Ответ пришёл минут через десять: «Как обычно».

«А как обычно?»

«А ты кто?»

Спохватился, блин!

«Георгий», — и на всякий случай добавил: «Брат».

Следующего ответа мне пришлось ждать минут сорок. Он только на переменах, что ли, за телефон берётся? Не исключено.

«У Марка большие проблемы. Он их решает прямо сейчас».

Вот и всё.

Вот и доигрались.

Адски несправедливо!

Всё это я додумывал, уже натягивая джинсы и куртку, а потом сбегая по лестнице, чтобы, не останавливаясь, рвануть на автобусную остановку.

Конечно, мне казалось, что автобус слишком медленно тащится, бегом быстрее бы получилось. И светофоры, конечно, работали исключительно на пешеходов. Но как только я вышел из автобуса, они вероломно перестроились в пользу тех, кто на колёсах.

Но хотя бы в универе мне повезло: попал в паузу между парами. Взлетел на нужный этаж и сразу же увидел Севу. Он меня тоже узнал: открыл рот, собираясь что-то сказать, или просто хотел поздороваться.

— Где? — выдохнул я.

Сева кивнул, указывая глазами куда-то за мою спину. Я обернулся.

Марк сидел возле дверей учебной аудитории прямо на полу. У них тут принято, что ли, так, в Институте информационных технологий. Сидящих на полу вдоль коридора я насчитал с десятком. Марк листал книгу и что-то жевал. Даже не заметил, как я подошёл.

— Что случилось? — начал я, даже не поздоровавшись.

Он слегка вздрогнул, медленно поднялся на ноги.

— С каких это пор тебя интересует моя жизнь?

Прозвучало невежливо, но я проглотил.

— Так что там за проблемы?

— Свои проблемы я решаю сам! — отрезал Марк.

— Это смотря какие проблемы! — возразил я.
— Ты хочешь сказать, что в состоянии помочь ему сдать теорию чисел?

Сева.

Он, оказывается, стоял у меня за спиной.

— Теорию чисел? — переспросил я.

— Да. Без этого не поставят зачёт, — серьёзно повторил Сева.

Марк пожал плечами.

Я чуть не рухнул на пол, в лучших традициях здешних информатиков.

Ну да. Зачёт по теории чисел. Это же адская проблема, ёлки! Так разозлился, что ничего больше спрашивать не стал. Ни про Вальку, ни про долг. Пусть как хочет, в самом деле!

По улице я шёл широкими шагами. Много прошагал, прежде чем заметил, что иду в направлении родительской квартиры. На секунду остановился и пошёл дальше, не меняя маршрута.

Да гори оно всё! Из-за этого дурацкого Марка я так и так всё нарушил. Теперь не в счёт никакое добровольное заключение. Две недели! Половина срока! И всё насмарку из-за неверно истолкованной информации!

Ну, значит, я вернусь сейчас в свою нормальную квартиру, в прежнюю свою жизнь. Без универа, конечно, но потом решим, может, и с этим что-нибудь можно сделать. По пути ещё вкусностей куплю каких-нибудь.

Но при мысли о вкусностях я вспомнил, что денег у меня нет. Стало ещё тошнее.

Квартира выглядела точно так же, как в тот день, когда я отсюда уходил. Ясно, что никто здесь не появлялся. Марк, уходя, ключи оставил. Я пошарил по полкам. Еды в доме не оказалось. Вообще никакой! Даже крупы, даже пакетика супа!

Ну и ладно.

Я разделся, принял душ и улёгся на диван в гостиной. Умру с голоду, зато чистый и в своём доме, с комфортом.

На улицу я вышел, когда почти совсем стемнело. Мне показалось, что стало прохладно, поэтому я сразу взял быстрый темп. Ещё простудиться не хватало. Лекарствами-то я тоже не запасся.

Но вскоре я понял, что зябкость эта — с непривычки. На самом деле погода стояла — лучше не бывает. Я вдохнул полной грудью и стал как воздушный шарик. Раньше не замечал, какое это наслаждение — дышать на улице воздухом. Я расслабился и сбавил обороты. Оставшиеся две недели буду мечтать о том, чтобы выйти на улицу и точно так же пройтись, никуда не спеша.

15 октября

МЕЧ

Варя услышала голоса мамы и папы, как только открыла дверь своим ключом.

И с порога будто провалилась в пропасть.

Родители ругались у себя в спальне. Оба говорили одновременно, и оба — на критических оборотах. Можно было предвидеть: папа с утра дольше обычного стоял под душем, за завтраком придрался к Варе — за то, что сидит за столом с распущенными волосами, к маме — за то, что как-то не так подала ему чай.

— Ты специально мне под левую руку ставишь? Как я должен, по-твоему, братья за ручку, если она по другую сторону чашки?

Мама в этот раз, похоже, не желала ни уступить, ни смягчать:

— Я в следующий раз тебе в гранёный стакан налью!

Папа только хмыкнул, разворачивая свою любимую чашку «правильной» стороной.

И вот теперь ругаются.

Варя тихонько разулась и прошмыгнула к себе. Есть сразу расхотелось, хотя она и мечтала всю дорогу о яичнице с колбасой. Или хотя бы о чае с булкой. Семь уроков, потом, почти без перерыва, занятие с Родионом. Она устала!

Но сейчас пойти на кухню и сделать себе бутерброд равноценно вылазке на минное поле.

Во время родительских ссор Варю накрывало чувство вины. Ей казалось, что ругались они чаще всего из-за неё. Упрекали друг друга, выясняли, кто её хуже воспитывает, из-за кого Варя такая.

Неуклюжая, некрасивая, неуверенная.

Всё, что она так любила в своём мире, все утешительные сказки убеждали в том, что так не бывает — чтобы родители не любили своих детей. Но в настоящей жизни она этой любви не чувствовала. На мамином ухоженном лице иногда мелькала тень удивления: мой ли это ребёнок? А папа даже не скрывал своего отвращения.

Может, её и правда в роддоме подменили?

И Варя принималась мечтать. Придумывалось, что она дочь известного какого-нибудь актёра, художника, музыканта. Ну, может, не совсем известного — Варя и в мечтах была несмелая, вот и спохватывалась, что сильно известные личности вряд ли будут рожать в районном роддоме. Но пусть — даже не очень известные, они всё равно из другого мира. Весёлого, яркого, разноцветного, живого!

Варя достала блокнот и вывела на чистой странице первую чёрную дорожку. Сегодня она избегала резких штрихов. Хотелось закончить рисунок единой линией, почти не отрываясь. Как будто ещё одно правило игры.

С алгеброй, ей казалось, стало чуть лучше.

Страницу разделил нарисованный клинок.

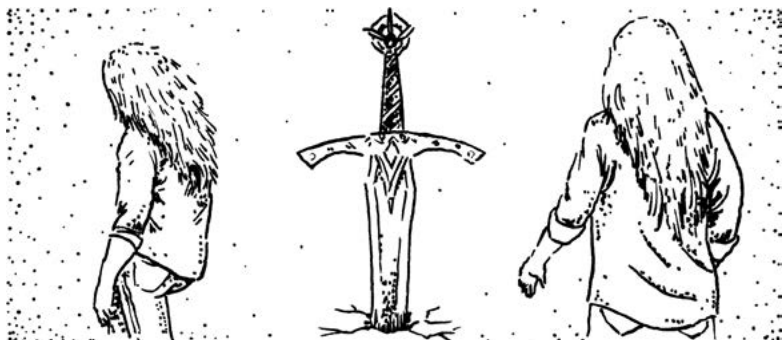
До и после.

Внутри и снаружи.

Настоящее и придуманное.

Что должен отсечь от её жизни меч судьбы? Воображаемый, но от этого не менее беспощадный.

Родион очень понятно объяснял, он молодец всё-таки, недаром числится в лучших. Но и Варя оказалась не такой

уж тупицей. Она, конечно, просила объяснить некоторые моменты по несколько раз (пересиливая себя), но потом дело пошло быстрее.

Враги и друзья.

Родители и дети.

Сначала Варя хотела нарисовать с одной стороны маму, с другой — папу. Меч посередине. Но сама испугалась того, о чём подумала. Поэтому нарисовала себя. С обеих сторон. Одна Варя уходила прочь с белого поля. Другая пыталась её догнать. А может, просто смотрела вслед.

16 октября

ПОВЕЗЛО

А как он познакомился с Эльзой? Я точно не помню.

Эльза с Вальком время от времени ко мне заходили. Но не уверен, что они с Марком совпадали по времени.

Зато определённо помню, как Эльза помогала ему тащить меня домой. Марку то есть помогала.

Сначала мы нормально шли по улице. Эльза с Вальком и я. Потом выбрали где-то Марка. Вечерело уже, фонари зажигались вдоль проспектов. Всё было бы хорошо, но меня угнетали мысли о том, что я задолжал Вальке. Не сильно много, но сама ситуация...

А все, как нарочно, развеселились, ржали как кони надо всем, что по пути встречалось. Даже Марк улыбался.

Я старался больше всех, хотя на душе было мутно. Я предчувствовал объяснение с моим, блин, партнёром по бизнесу. Не утешало даже то, что на середине пути Валёк свалил куда-то. (Валя свалил, Валя валит — прекрасно звучит!) Но рядом осталась Эльза, а она девица хищная, это только на первый взгляд она вся из улыбок и трепетных ресниц.

Марк, кстати, на ресницы-то и повёлся. Реально. Он шагал, глаз с неё не спуская, когда думал, что она не видит.

Вообще-то она мне тоже нравилась. Даже очень. Я пытался с ней флиртовать. Сначала осторожно — всё-таки Валёк мой приятель, почти что друг. Потом с планами на будущее — потому

что мне всё больше казалось, что они не пара. Оказалось, ошибся. Эльза отшивала довольно жёстко — так что Марка я даже пожалел.

На перекрёстке мы остановились, задрали головы и стали изучать баннер. Реклама такси, там вместе с номерами трепался на ветру какой-то заурядный слоган. То ли «Повезёт», то ли уже «Повезло» — толком не разобрать, полотно висело под углом к нам, да ещё надувалось, как парус.

Нужен нам был этот баннер! Мы бы и внимания на него не обратили, но он хлопал очень громко — видимо, что-то где-то неплотно приладили.

А я расходился всё сильнее, нёс всякую чушь, но не мог остановиться. Что поделать: если на меня давят — обстоятельства или люди, без разницы, — во мне просыпается дикий зверь. А я что, похож на укротителя диких зверей? Хорошо ещё, зверь не хищный, а просто необузданный.

Одним словом, я что-то вещал, стоя лицом к Марку с Эльзой, как вдруг раздался звук, похожий на выстрел.

— Пригнись! — крикнул Марк.

Прямо над нашими головами просвистел металлический трос, а оторвавшееся полотно баннера упало и не шевелилось. Будто обессилело.

— Ещё раз!

Марк шагнул в мою сторону и сделал движение, будто силой хотел заставить меня пригнуться. Я отстранился, но в следующую секунду понял его намерения. Трос оказался длинным и теперь раскручивался обратно.

— Ох ты ж...

Наверное, так смотрят в лицо стихийному бедствию какому-нибудь. Цунами или наводнению. Когда убежать хочется, а уже нельзя. И продлить последние мгновения можно, только прогнав от себя панику.

Другая мысль подсказывала мне, что верёвка, сплетённая из металлических волокон, — всё же не цунами, от неё убежать

реально. Тем не менее я продолжал, как заколдованный, смотреть, как она ко мне приближается — фантастическая змея, невеста откуда взявшаяся в нашем мире сплошных должников и кредиторов.

Этот мир опрокинут, я давно подозревал. Даже небо здесь поменялось местами с землёй.

— Гоша!

Голос Марка я в первый момент не узнал. Слух мой, настроенный на другие звуки, с трудом возвращался в привычное русло.

— Ты как? Встать сможешь?

Надеюсь, что да.

— Ты меня узнаёшь? — не отступал Марк.

Я кивнул.

— Как себя чувствуешь? Голова кружится? Тошнит?

Я прислушался к ощущениям. Голова кружится, но не сильно. Неподальёку растянулся злополучный трос. Он всё ещё подрагивал, как живой. Интересно, это я сам упал или Марк меня опрокинул? Впрочем, без разницы — если бы мне прилетело в лицо этой штукой, было бы хуже.

Вокруг уже собралась толпа сочувствующих и любопытных. Одни интересовались мной, другие баннером. Первые ненавязчиво предлагали помощь, вторые возмущались халатностью рабочих. Марк ни на кого не обращал внимания. Он стоял надо мной на коленях и продолжал допытываться насчёт моего самочувствия.

— Как голова?

Эльза тоже стояла здесь: и рядом, и одновременно в толпе. Лицо вроде озабоченное. Может, получится отложить разговор о деньгах?

Я скривился:

— Так себе.

— Тебе надо в больницу!

Ой, нет! Переигрывать-то не стоит.

— Для начала домой. В больницу всегда успеем.

Я принял его руку и поднялся на ноги.

Эльза подошла с другой стороны и взялась за локоть. Я не стал протестовать. До дома оставалось немного. По пути я старательно делал вид, что мне плохо. Но голова и правда разболелась, я доковылял до кровати и так и повалился — одетый и поверх одеяла.

Сознания я не терял, но мир ощущался сквозь боль каким-то нереальным. Шелест снимаемой одежды — слишком громкий. Чай — с мёдом, кажется, — прямо во рту менял вкус. А потом Марк с Эльзой в соседней комнате говорили инопланетными голосами. На самом деле почти шёпотом — это я улавливал, когда усилием воли возвращался к нормальному состоянию.

Эти попытки кое-как поддерживали во мне уверенность в том, что всё со мной в порядке. Если я могу сохранять контроль, значит, всё хорошо. И я пробовал снова и снова, пока не обессилен и не провалился в глубокий сон. Без видений и без звуков.

Проснулся поздно. Почему-то сразу понял, что поздно, хотя окно было плотно зашторено, никакого света, а квартира давила тишиной.

Я осторожно спустил ноги с кровати, стараясь не шевелить головой. Ничего не болело, но безмятежность организма казалась какой-то шаткой.

Прошлёпал на кухню. Очень хотелось пить. В прозрачном кувшине увидел остатки вчерашнего чая. Понюхал. Марк что-то намудрил с мёдом и травами. Но, судя по моему самочувствию, отравить не пытался. Я бы на его месте воспользовался ситуацией.

Думая о том, что мрачное моё ЧЮ возвращается, а значит, спасибо, что живой, я хлебнул прямо из кувшина. Скривился. То ли травы настоялись слишком, то ли вчера я вкушал то же самое в состоянии сильно изменённого сознания. Но пить это добровольно невозможно.

И тут появилась Эльза. Я чуть не поперхнулся. Она что, здесь ночевала? У них с Вальком, конечно, свободные отношения, но всему же есть предел!

В то, что она из сострадания дежурила возле моей постели, верилось с трудом. Не видел я её возле своей постели, даже в бреду не видел! Но в то, что она здесь из-за Марка, верилось ещё меньше.

Хотя где-то она спала ведь? Не на кухонной кушетке, не в коридоре. Остаётся комната брата.

Но, заведя вползающего в кухню Марка, я отмёл эту мысль.

— Ты выглядишь хуже меня, — заметил я.

— Это ты в зеркало не смотрел, — парировал Марк, но как-то неохотно.

Эльза отвернулась к раковине и принялась наполнять фильтр водой. Умничка какая, а я не догадался!

— Повезло тебе с братом, — произнесла она, не поворачиваясь.

Оттого, что я не расслышал, каким тоном она это сказала, с иронией или всерьёз, я не понял, к кому из нас она обращалась. Кому повезло: мне или Марку?

Не дожидаясь, пока вода очистится полностью, она налила себе из фильтра, сколько уже набралось, и принялась пить маленькими глотками. При виде этой картины я снова вспомнил про свою жажду, даже скривился. Получилась, наверное, очень страдальческая рожа, потому что Эльза неожиданно обозлилась:

— Хватит уже! Наигрались!

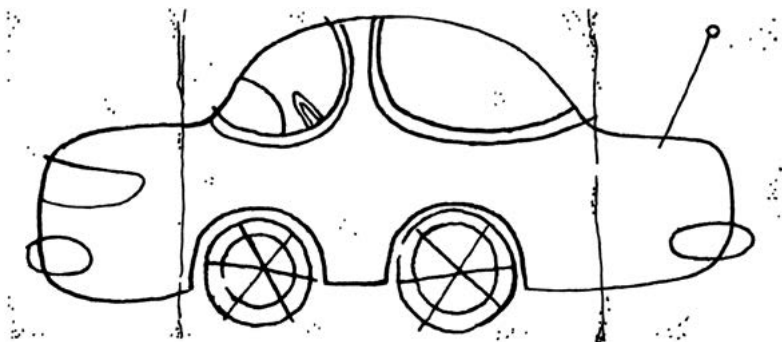
Бросила стакан в раковину и протопала в прихожую.

— Кажется, ушла, — удивился я, услышав хлопок входной двери.

— Я тоже пойду, — отозвался Марк. — Может, хотя бы к последней паре успею.

Он помолчал. Потом сказал:

— Вчера тебе здорово повезло.

— Сговорились, что ли? — проворчал я, когда остался один.

Повезло так повезло, ага! Поташило, можно сказать. Против желания, по всем кочкам и ухабам.

«Повезло» — тема сегодняшнего дня, между прочим. Потому и вспомнилось. Я за каким-то чёртом следил за списком инктября, не понимая, зачем мне это надо. И почему не отпускает-то? Может, тоже что-нибудь нарисовать?

Усмехаясь про себя, взял карандаш и принялся чертить прямо по обоям. Стиснув зубы, прорывая насквозь плотную бумагу, хрупкую от старости. Кто-то, находясь в плену или на необитаемом острове, отмечает зарубками прошедшие дни. А я буду рисунками. Не зря же меня достаёт этот адский инктобер.

Вышел грубо нарисованный автомобиль — как его рисуют дети: два колеса и волнистый корпус с окошками. Что ж, пусть... повезёт.

17 октября

ДОЛГОВЯЗЫЙ

По стеклу бежали неровные струи. От этого картинка за окном казалась вытянутой по вертикали и какой-то зыбкой, не совсем реальной.

Родителей дома не было. Мама по телефону сообщила, что ей нужно побыть у бабушки. А папа даже не позвонил. Он уехал в командировку, но об этом Варя узнала от мамы.

Варе предстояло ночевать одной. Первый раз в жизни.

Ей было немного жутковато. Особенно когда стемнело и снаружи зашелестел дождь.

Варя плотнее прикрыла дверь своей комнаты. Не то чтобы она очень боялась темноты. Потаённые углы комнат и коридоров, как и многим, казались Варе обитаемыми. Но невидимых монстров она боялась меньше, чем реальных людей. С монстрами, казалось, договориться легче.

Но сейчас квартира напоминала территорию, от которой все отступились. Где никто не хочет жить.

Странно, но улица за окном, мокрая, иссечённая полосками дождя, казалась уютнее, чем молчащий коридор и пустые комнаты. Может быть, потому что Варя воспринимала улицу как часть своего окна, живую картину. Особенно один её фрагмент...

Насмешник тоже смотрел на дождь. Он кутался в плед и обнимал себя за плечи. Мёрз, наверное.

Варя помнила, как он метался из угла в угол, наступал на разбросанные по комнате вещи. И на этот самый плед, наверное.

Она медленно подняла руку, словно никак не могла решиться. А потом помахала человеку в окне. Видел он её или нет? Варя сама не знала, хотела она, чтобы увидел, или не хотела. Вызвать ответ — разве это не обязывает к продолжению разговора? Лучше уж помахать в пустоту. Грустно, но привычно.

Но человек напротив вскинул обе руки в приветственном жесте. Плед упал, сначала с одного плеча, потом вообще на пол. Он, казалось, больше в нём не нуждался.

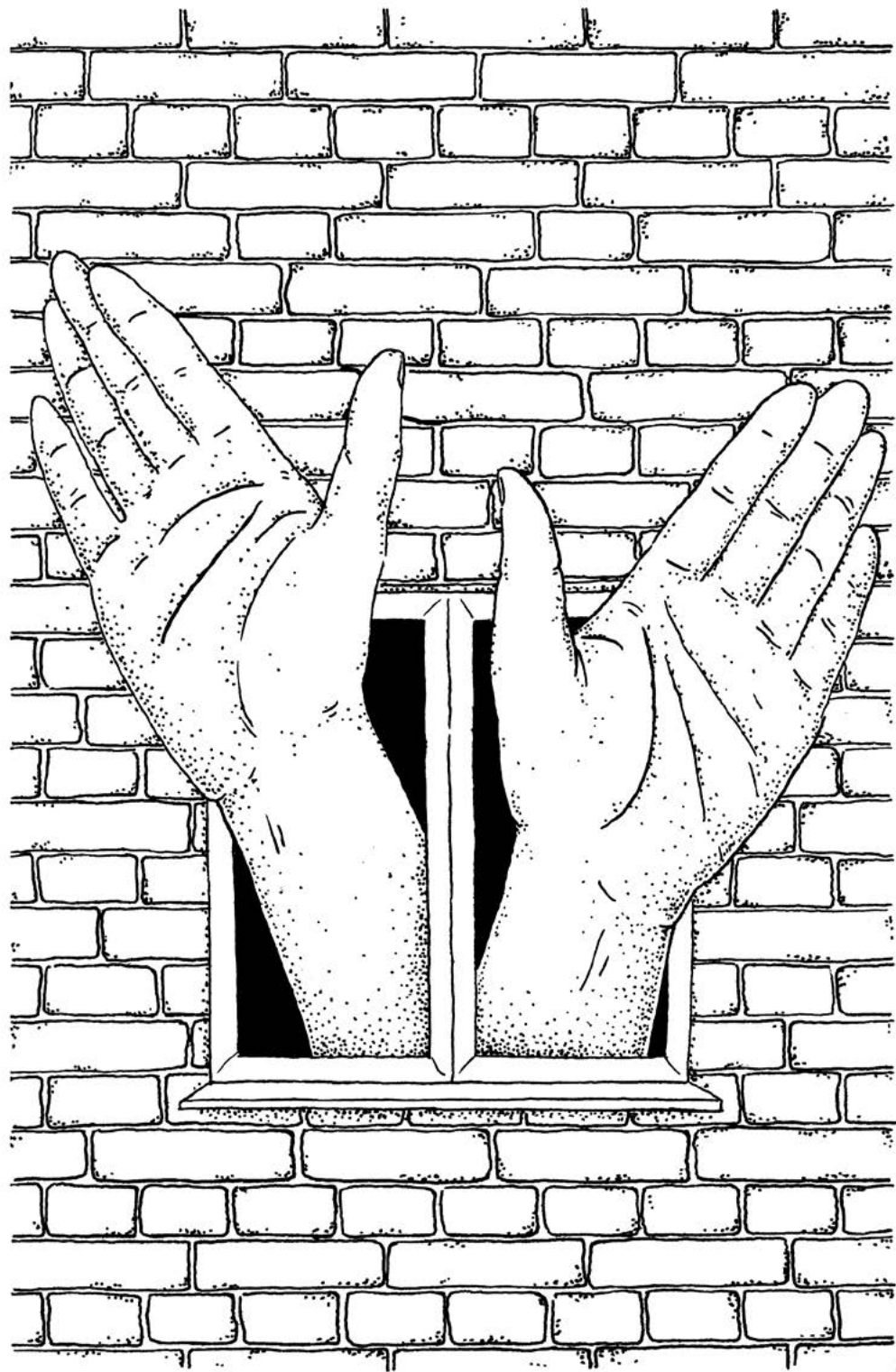
Варя едва преодолела первый импульс — отпрянуть от окна, спрятаться, сжаться в глубине комнаты. Как ребёнок, залезть под стол и закрыть глаза. Хорошо, что не спряталась, потому что в следующее мгновение её охватило чувство свободы. Безнаказанности даже. С этим человеком её не связывало ничего, кроме искусственного света и уставившихся друг на друга окон. И в то же время связь эта была настоящей — они сотворили её, сплели из общего одиночества, неровных струек дождя, молчаливого октября и ещё тысячи мелочей, которые сами появляются под рукой из ниоткуда.

А дальше — другие окна, другие люди, которые жили каждый за своей стеной. Большинство из них и не выглядывали наружу — что там высматривать, дождь он и есть дождь. Но Варя видела их, всех сразу, сквозь стены и шторы.

Это было даже не удивление, а почти испуг.

Так много людей, так много историй! Как можно всё это вместить! И почему из огромного потока встречаются единицы? Схлёстываются взглядами и перестают быть чужими? Кто этим управляет? Ведь не сами же они?

Наверное, у Вари получилось бы даже заговорить с незнакомцем. Легко и непринуждённо, почему нет? Хотя до сих пор у неё это получалось только с Михаиной.

Варе нравился Насмешник, но она даже не думала о том, что можно в него влюбиться. Он же не Родион.

Родион вообще один такой!

Это капли дождя похожи одна на другую. А вот снежинки имеют уже уникальную форму. Даже двух одинаковых нет! Нужен контраст — от тепла к холоду, от страха к доверию, — чтобы эта уникальность проявилась и стала видимой. Для того и существуют отношения, самые разные — и по прочности, и по глубине, и по окраске!

Насмешник снова помахал, пытался что-то сказать, но в этом жесте не чувствовалось напряжения, отчаянного желания, чтоб поняли. Так — ни к чему не обязывающий танец.

Варя засмеялась и задёрнула штору.

В этот вечер в её блокноте появились стихи.

Дождь долговязый
Длится довольно долго...

Красивым изысканным шрифтом, в чём-то повторяющим неверный танец капель на стекле.

18 октября

ШАМАН

Утро началось...

Не с кофе, а с того, что я обнаружил его нехватку. Максимум дня на три хватит. Если пить его только утром. И по одной чашке. И некрепкий.

Решил, что оно того не стоит, высыпал остатки в турку, залил водой и поставил на плиту. Лучше один раз, да нормальный кофе, чем три дня травиться бурдой. Н-да, как же это я не рассчитал.

Хотя я многого не рассчитал. Сахар вот тоже заканчивается. Я уж не говорю про лапшу. Есть, правда, гречка и картошка, да кто ж их будет готовить? А ведь буду, вот только подгрызу лёгкие запасы.

Мысли ворочались унылые, но безболезненные — не проснулись ещё, наверное.

В ожидании кофе я выглянул наружу. Прямо ритуал какой-то. Окно напротив было занавешено. Вот и хорошо, подумал я с раздражением. Мысли просыпались, ошетинились, набирали злобу. А то вчера эта Рапунцель с четвёртого этажа вздумала, кажется, со мной заигрывать. Малолетка, а туда же!

Вспомнил про кофе, опрометью ринулся к плите. Успел! Пока тянул напиток (вкусный, кстати, получился), мысли расслабились, опустили щупальца, растеряли враждебность.

Ну пофлиртовала девчонка, и что? Не она первая, не она последняя. Может, у неё настроение хорошее случилось? Или,

наоборот, она его мне поднять решила? В последнее верилось с трудом, конечно, но вдруг? А может, я ей реально понравился? На расстоянии, да! Это как раз очень способствует! Я увлёкся и глотнул кофе вместе с осадком. Тьфу, блин!

Да что мне за дело до той девчонки! Она, хоть и Рапунцель, в заточении не сидит. В отличие от меня.

А вот взять и проучить! Вычислить квартиру (это нетрудно) и заявиться со зверской мордой, когда дома никого, кроме неё, не будет. Урок безопасности, ага! Чтоб неповадно было строить глазки незнакомым взрослым мужикам!

Кинул не глядя чашку в накопившуюся гору посуды. Кажется, разбил. Проверять не стал. Посуду отложил на потом.

Вместо этого присел возле стены, где на обоях красовались мои рисунки. Ещё один ритуал, чо!

— Шаман! — объявила Эльза недовольным голосом.

Марк кивнул, перестал жестикулировать.

Мы играли в «крокодила» и угадывали всё, кроме Марковых пантомим. В тот раз вечеринка была у нас в квартире, поэтому пришлось взять его в компанию. Так вот, никто не угадывал, чего он там изображал. То ли замороженный он всё-таки, то ли голова у него как-то не по-нашему работает. Взять того же шамана. Ну, изобразил бы камлание с воображаемым бубном или пляску дикаря. Но он сначала задумался, а потом принялся выписывать сложные узоры руками. С серьёзной мордой.

— Это астральное путешествие по древу Иггдрасиль, — объяснил он.

— Не выражайся, э! — возмутился Валёк.

У нас была текила, но пили не все, только кто хотел. Валёк хотел всегда, он успел выпить порядком и теперь выглядел возбуждённым.

Марк сверкнул глазами из-за очков.

— Я говорю правду! — выкрикнул он. — Это самая древняя магия Севера!

— Ай, всё! Никому не интересно! — отмахнулся Валёк, приобнимая Эльзу.

Эльза дёрнула плечом, но не отстранилась.

Последние дни она проводила — трудно поверить! — с моим братцем. Уж не знаю, как они с Вальком договорились, но с того дурацкого случая с баннером не помню вечера, когда Эльза с Марком не уединялись бы в его комнате. И вряд ли они там методы информационной безопасности обсуждали.

А теперь она сидела рядом с Вальком и всячески демонстрировала Марку, что ей тоже неинтересно про Иггдрасиль. Марк замолчал, стиснул зубы — я видел, как тени на лице заиграли. Отошёл в сторону, видно, обиделся. Но никто не обращал на него внимания, все уже ухохатывались над новым заданием.

Краем глаза я заметил, как Марк опрокинул стопку. Без лимона, без соли. Чудила, учить его и учить. Хотя мексиканцы, кажется, так и пьют. Ладно, сам разберётся.

Я выпустил его из поля зрения и снова поймал, только когда расслышал непривычно громкий голос.

— Я видел реального шамана! Шаманку! — Марк вещал, а его слушали, что удивительно. — Она обыкновенно выглядела! Обычная современная женщина. И одежда современная. Ей хватает пояса с амулетами. Бубен да, бубен нужен.

И Марк принялся объяснять, в чём смысл бубна. Валёк поднялся с места и двинулся к нему.

Марк тоже встал, его завидев. Я немного напрягся. Только разборки не хватало. Но Валёк улыбнулся, плеснул текилы себе и Марку.

— Расслабься, — посоветовал он, разжёвывая лимон.

Я выдохнул. Разборки отменяются. Подошёл к Эльзе, которая так и сидела нахмурившись, и процитировал известный стихок.

Евгений не любит тощих,
Наташа — носящих мех.
С Эльзой всё как-то проще:
Она ненавидит всех!

Эльза зашевелилась. Но в ответ не огрызнулась — а я-то считывал! Вместо этого устало вздохнула:

- Как можно жить с таким характером!
- Ты не поверишь: отлично!
- Я не про тебя, — презрительно бросила она.

Я проследил за её взглядом.

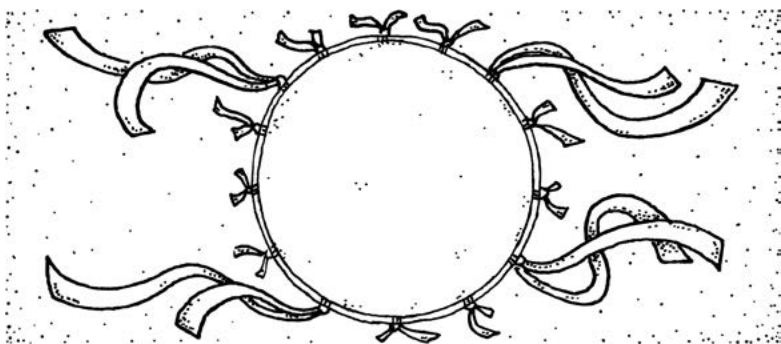
Марк уже забыл про шаманов, и древних, и современных. Зато цеплялся ко всем и грозил, что сейчас принесёт из моей комнаты самый приторный женский парфюм и забрызгает тут всех. Народ хохотал — не то чтобы шутка удачная, просто уже всё равно было, над чем смеяться.

Эльза не смеялась. Она смотрела на моего брата сузившимися глазами.

Никогда не умел рисовать людей. По-моему, бубна будет достаточно, чтобы представить себе шамана. Шаман и бубен, бубен и шаман, они нераздельны. Да нет, если верить Марку, шаманят и без бубна. Но это детали, которых никто, кроме него, не знает.

Что там у нас помимо круга? Ленточки, бусины, амулеты? Бубенчики-тряпочки какие-то.

Бубен вышел у меня похожим на солнце. Нервное такое солнце с трясущимися лучами.

19 октября

УБИВАТЬ

Говоря откровенно, Варя рассчитывала на большее, чем три. Последнюю проверочную она писала довольно уверенно. И вообще написала неплохо! Только одно задание не сошлось с ответом, в другом были недочёты в оформлении. Вполне можно поставить четвёрку.

Обидно.

Красная цифра надменно выпятила нижний хвостик и как будто не смотрела на Варю.

Краем глаза Варя видела, как Родион с соседнего ряда пытается привлечь её внимание, спросить, как она справилась. Не всё равно ему, надо же! Учительский азарт проснулся?

Но сейчас его внимание Варю не радовало. Она не могла заставить себя оглянуться и ответить.

Она уже готовилась заплакать. Пытаясь сдержать слёзы, сжала в пальцах карандаш. Да так, что он надломился, часть с заточенным кончиком отлетела куда-то в сторону.

Это, как ни странно, отрезвило. На смену отчаянию пришло возмущение.

Почему?

Математичка даже мысли не допускает, что Варя способна больше чем на «удовлетворительно»? Варя и сама от себя не в восторге. Сама понимает, что до настоящего результата ещё работать и работать. Но это же просто несправедливо!

После звонка она не пошла вместе со всеми, дождалась, пока остальные покинут класс. Родион всё-таки узнал о тройке, но никак не прокомментировал, только сдержанно кивнул. Сердце у Вари сжалось — не смогла она его порадовать.

Только Майка возилась за своей партой, пытаясь поудобнее втиснуть учебники в рюкзак.

Варя решила и направилась к учительскому столу.

— Зоя Борисовна, — начала она. — Можно узнать, почему у меня три?

Математичка уставилась на Варю поверх очков. Она напоминала Варе сову.

— Красная ручка тебе в помощь, Скворцова. Красным я подчёркиваю там, где вы напортачили. Что не ясно?

— Я понимаю, но...

— А на что ты рассчитывала?

— На че... четыре. Ошибка ведь не грубая.

— Это мне судить, грубая или нет! Четыре она захотела! Может, сразу пять и золотую медаль в придачу? Ты себя адекватно оцениваешь, Скворцова?

— Но ведь я почти всё правильно решила!

К горлу снова подступили слёзы, но отступить сейчас Варе казалось ещё позорнее. Зачем тогда начинать?

— Скорее всего, случайно! Я знаю твой потолок, дорогая! Не первый год работаю, с вашим классом в частности! Так что будь довольна тем, что имеешь! А ты что там копаешься? — набросилась она на Майку. — Выходите обе, я сейчас здесь окна открою, мне класс надо проветрить!

— Уже, — пробасила Майка.

У неё сегодня был какой-то охрипший голос.

— Пошли, — кивнула она.

Как будто её обязанность — увести расстроенную Варю от разбушевавшейся математички.

— Что, трудно менять шкуру? — спросила Майка, когда они оказались уже за дверью.

— Какую шкуру? — прошептала Варя, смахивая слёзы — не удержалась-таки.

— Трудно, — сама же ответила Майка. — Я знаю.

Она замолчала, оглядывая Варю своим непонятным взглядом. То ли оценивает, то ли насмехается. Но Варя знала, что Майка может быть другой, не такой суровой, она уже не так её боялась.

— Слушай. А пойдём теперь ко мне, а? — предложила вдруг Майка.

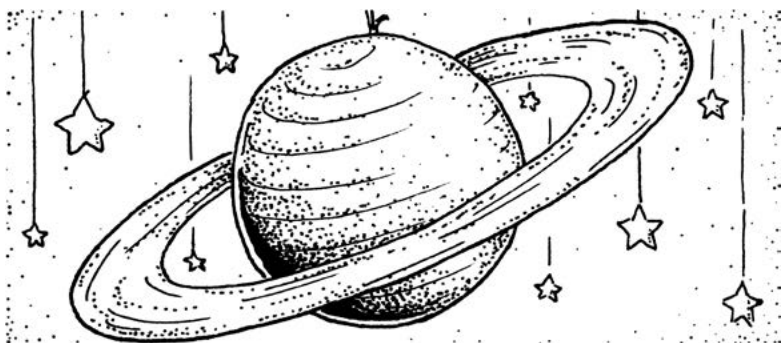
Варя на минутку задумалась. Вообще-то можно. С Родионом они сегодня не встречаются — маленький перерыв после зачёта. Михалину — так совпало — тоже выгуливать не надо. Почему нет?

— Вот и отлично! — кивнула Майка.

Примерно так Варя и представляла себе Майкину комнату. Стол, ноутбук, угловая полка с книгами и всякой всячиной. На стенах — колонки и рокерские плакаты. На потолке — светильник в виде Сатурна с кольцами.

— Круто, да? — Майка заметила, что Варя, задрав голову, рассматривает Сатурн. — Моя гордость!

Она щёлкнула выключателем. Варе показалось, что в комнате от такого освещения стало, наоборот, темнее. Весь свет уходил в потолок. Но таинственно и необычно, это да.

— Тебе надо научиться орать, — заявила Майка.
— Зачем?
— Затем, чтобы давать отпор. Ты уже идёшь этой дорожкой, только пока на ощупь. Я могу подсказать.
— Зачем?
— Я уже объяснила: лучше орать самой, чем когда орут на тебя.

— Я не об этом. Тебе это зачем?

Майка скорчила рожу.

— Ну... интересно. Знаешь, как это выглядит со стороны? Как люди не хотят принять тебя другой? Подожди, они ещё из кожи вон лезть будут, только бы не позволить тебе высунуться дальше положенного!

Она осеклась и закашлялась, держась за живот.

— Что у тебя с горлом? — обеспокоенно спросила Варя.

— А! — Майка махнула рукой. — Осваиваю экстрим-вокал. Жёсткая штука, у меня даже мышцы живота болят. Ладно, хватит болтать. Камон!

Она распахнула окно и позвала Варю.

— Попробуй окликнуть кого-нибудь в полный голос. Вон того парня, например.

— Я не могу! — испугалась Варя.

— Чего ты боишься? Просто оклики. Это же не оскорбление!

Варя молчала. Она уже пожалела, что поддалась на Майкино приглашение, лучше бы пошла спокойно домой, сейчас бы пила чай, рассматривала птиц на берёзе...

— Никто тебе ничего не сделает! В худшем случае погрозят и пройдут мимо. Давай! — уговаривала Майка. — Парня упустила, ладно. Кто там ещё? Вон мелкие идут, позови!

По тротуару медленно шли два младшеклассника, оба с огромными рюкзаками. Они что-то сосредоточенно обсуждали. Ну да, вполне безобидные. И маленькие ещё. Варя ведь может спросить у них... Что бы спросить?

- Эй! — позвала она.
- Громче! — скомандовала Майка.
- Э-эй!

Ребята заозирались. Варя отступила назад, хотя мальчишки так и не поняли, откуда звук.

Майка цокнула языком.

— Слушай, как надо. Здорово, парни! — заорала она, как будто и не хрипела минуту назад. — Это не вы гипс потеряли?

Тут ребята, конечно, её увидели. И её, и гипс — настоящий, судя по всему, снятый с коленки, он и правда лежал на краю тротуара.

— Не-е, не мы, — ответил один из мальчишек.

— А кто? — строго спросила Майка.

— Не знаем.

— Тогда вот что. Берите эту штукину и несите вон в ту урну! Нечего ей здесь валяться. Поняли?

Мальчишки помедлили и нагнулись к гипсу. Может быть, они вообще и не Майкиного строгого голоса испугались. Может быть, им просто стало любопытно, как гипс оказался на плешивом газоне, кто же его умудрился снять с коленки. Но ведь послушались же!

— Только перчатки наденьте! Вот, держите! — крикнула Майка, бросая наружу свёрнутые в комочек одноразовые перчатки. — Вдруг там зараза какая.

Это она произнесла, уже закрывая окно.

— Тогда просто поори. Никому. Просто для себя. Вот так: а-а-а-а! Теперь ты!

Варя откашлялась.

— А! — выкрикнула она.

Вышло настолько жалко, что захотелось выпрыгнуть в это самое окно. Молча.

— Кхм. Ну, сейчас это, конечно, жуткий кринж, — подытожила Майка. — Ничего. Будем учиться. Урок первый.

Она поколдовала над столом, засветился экран ноута, и ожили динамики на стене.

Музыка показалась Варе знакомой. Да нет — просто её оглушило так же, как в первый раз, когда Майка воткнула ей наушник. На самом деле они были разные, Майкины любимые композиции.

Она не слышала своего голоса, но это даже хорошо. Варя не была уверена, что ей бы понравилось. Рёв динамиков заглушал и заполнял всё, от пола до потолка, а может быть, и больше, забирая её жалкий писк, заставляя ничтожного котёнка чувствовать себя рычащим тигром.

Потом они с Майкой лежали на полу, совершенно бесценные.

— Это и есть твой... экстрим-вокал? — спросила Варя.

— Нет. Это просто ор, — ответила Майка.

По батарее запоздало застучали. Хотя почему запоздало? Может, наоборот, соседи опытные. За музыкой-то стучка не расслышишь, а сейчас самое время.

Майку это не смутило. Не поднимаясь с пола, она вытянула руку и отбила ответную дробь. Ножницами, заметила Варя. Специально они у неё тут лежат, что ли?

— Ты спрашивала, зачем я тебя вытаскиваю, — сказала Майка, когда они уже стояли перед входной дверью. — Я была такой же, как ты. Давно, — она состроила гримасу, то ли вместо улыбки, то ли, наоборот, с неудовольствием вспоминая время, когда была неудачницей. — Я это к тому, что у тебя тоже есть шанс. Ну всё, дуй домой!

Варя шла по улице, чувствуя себя совершенно опустошённой. Но это была не тоскливая пустота, а какая-то целительная. Как будто вместе с голосом, с криком из неё выплеснулось что-то, освобождая место для нового. Для звуков, образов, красок, хаотичных линий. Того, что наполнит её новую сущность — неоформившуюся, но уже требовательную и жадную до жизни.

Дома она задумалась — что же нарисовать. Тема «Убивать» как-то совсем не вязалась с тем чувством, что бурлило в ней. Она от правилась смотреть, что там у других.

Вообще Варя старалась так не делать — сбивался настрой, и чужие идеи мешали вызреть собственной задумке. Но в этот раз она почему-то не боялась потеряться.

Многим, как оказалось, тема зашла. На странице мелькали вампиры, люди, страшилища, фандомные герои, плоды персональной фантазии авторов. Самостоятельность идей тоже поражала воображение: от иллюстраций до графических ориджей.

Особенно много было мифологии. Варя замечала и раньше: боги и герои всегда появляются, когда речь заходит о жизни и смерти. Она задумалась, остановившись на сцене убийства великана Имира. Братья Один, Вили и Ве умертвили гиганта, а тело его использовали как строительный материал для нового мира.

Скандинавская мифология всегда привлекала её своей честностью и суровостью. Сочетанием фанатизма и отваги — когда бьешься, даже зная, что обречён на поражение.

Но сейчас она думала не про Имира. А про то, будет ли она использовать красный цвет в своей собственной работе. Так-то его было в избытке: это не совсем канонично, но художники давно уже позволяли себе вольности по отношению к «чернильному октябрю». В конце концов, чернила бывают не только чёрными.

В горле запершило — пробы голоса не прошли даром. Она ведь так и не услышала себя. Но, может быть, он пробьётся когда-нибудь, её настоящий голос, и прозвучит, не прячась за искусственным шумом? И новая Варя, отважная и любопытная, тоже пробьётся?

А прежнюю Варю надо отодвинуть. А лучше убить и больше не вспоминать. У Майки же получилось.

Варя улыбнулась.

Тело вышло некрасивым, но она не стала ничего поправлять. Потому что оно было всего лишь оболочкой. Одеждой. У него даже подобие молнии имелось: от горла до пупка. Молния была наполовину расстёгнута, а изнутри на мир смотрело прекрасное тонкое существо с удлинёнными глазами и растрёпанными короткими прядями.

Красная краска не понадобилась.

20 октября

ОХОТА

Снова вспомнилось.

Валёк ждал меня в пиццерии на втором этаже. Я предпочитал оставаться внизу — здесь просторнее, окна выше, а столики можно сдвигать по нескольку штук вместе. Но сегодня игра шла не по моим правилам.

Валёк несколько дней не звонил мне по поводу денег. И меня это напрягало. Он не из тех, кто забывает долги. Значит, что-то задумал. Вообще он предлагал мне вариант решения проблемы. Шёпотом, на ушко. Но я не дослушал. Вариант из тех, которых Марк опасался, предупреждая меня, что от условно разрешённого до запрещённого — один шаг. Повторюсь: я даже слушать не стал от греха. Зачем оно мне? Да я даже не уверен, что Валёк проворачивает эти свои дела не втайне от Антона.

Я помаялся и позвонил сам. И предложил встретиться в пиццерии.

— Давай обсудим. Заодно пожрём, — предложил я. — Тебе когда деньги нужны?

Валёк заявил, что деньги нужны ему прямо вчера. Ну ладно, сегодня, если уж я оказался такой необязательной личностью.

Сейчас он сидел, внимательно изучая меню. Обедать будем за мой счёт — говорю же, сегодня не я ставлю условия. И разговор предстоит адски неприятный. Похоже, я окончательно возненавижу второй этаж пиццерии.

Увидев меня, Валёк широко улыбнулся.

— Давай закажем двойную «Викторию»? И вот ещё, с черри и этим... — Валёк никогда не заморачивался с незнакомыми названиями, вот и сейчас — пропустил трудное слово, обозначающее сорт сыра. — Никогда не ел!

Ну точно, платить буду я. За свои кровные Валёк заказал бы что-нибудь попроще, побольше и подешевле. Со скидкой желательно.

— Не лопнешь? — поинтересовался я, присаживаясь напротив.

— Чегой-то? — удивился Валёк. — Не дождёшься! Сейчас ещё и Эльза подойдёт.

Я хмыкнул. Ну, Эльза-то вряд ли съест больше одного куска. Фигура, конечно, дороже пиццы.

Мы успели съесть половину «Виктории», когда пришла Эльза. Она была в хорошем настроении, чмокнула Вальку в макушку, повесила сумочку на спинку стула и уселась рядом. От пиццы отказалась (я же говорил!), заказала себе мороженое с мармеладками и кофе.

Вообще-то мне не очень нравилось, что она явилась. Что они были вдвоём. Сидели оба напротив меня и делали вид, что наслаждаются едой и общением.

Общением, блин! Мне-то кусок не лез в горло, я чувствовал себя загнанным зверем, на которого идёт охота. С обеих сторон обложили!

Валька наконец перестал жевать, откинулся на спинку стула и ухмыльнулся.

— Вы чего оба довольные такие? — не выдержал я.

— Празднуем, — Валёк поднял стакан с коктейлем. — Отмечаем последний день твоей беспроцентной ссуды.

— Что?!

— Что слышал! Сколько можно ждать, Гош? Теперь будешь отдавать с процентами.

— Я думал, мы партнёры!

— Так и есть. Только один партнёр — ты — превратил общее дело в убыточное. Теперь второй партнёр — я, — он ткнул себя пальцем в грудь, — должен всё исправить. Ничего личного. Вернёшь деньги, всё будет по-прежнему.

— Или не будет, — мрачно пробормотал я вполголоса.

Но Валёк расслышал.

— Ну... Или так, — согласился он. — Ты сам виноват. Отдал бы вовремя, не нажил бы проблем.

Эльза вдруг совершенно не к месту хихикнула, но тут же замахала руками — не обращайтесь внимания, мол.

— Но у тебя то сотряс, то депресняк, то в универе проблемы.

— У меня ничего не изменилось, — сообщил я.

— А само по себе ничего не изменится, Гоша! — подала голос Эльза.

Теперь они оба смотрели на меня. Теперь я уже не просто в осаде, а под прицелом.

— А если я в ближайшее время не расплачусь, то что? — спросил я.

— Тогда Антоха вмешается. Это всё-таки его бизнес. Но тебе точно не понравится, — Валёк скрипнул стулом, поднимаясь. — Ладно, нам пора. Придумай что-нибудь, Гош. За обед спасибо.

— На здоровье, — я выдал одну из самых своих беззаботных улыбок. Но, по-моему, получилось плохо. — Можешь забрать то, что осталось.

— Не, не хочу. — Валёк приобнял Эльзу, которая тоже встала и возилась с сумочкой. — Эта твоя черри-пицца редкая х...

Эльза встrepенулась и закрыла Валькин рот ладошкой. Она не разрешала ему сквернословить. Гопнические Валюхины манеры её, главное, не смущают. А мат, типа, оскорбление. Фиг знает, в каком месте у неё натура тоньше.

Они ушли.

А я остался.

Наедине с мрачными мыслями, остатками пиццы и неоплаченным счётом.

21 октября

РЫЖИЙ

Воспоминания накатывали, теперь про меня и Марка.

— Это же просто каменная ложка!

— В общем, да, — согласился Марк. — Так и есть. Ложка из камня. А это — каменные пончики. Дай сюда!

— Это жернова, я знаю! — возмутился я.

Но Марк ничего не ответил. Вырвал у меня из рук странный предмет с kloчущим северным названием. Названия я не запомнил, но ведь это и в самом деле ложка! Специально для маленького народца, живущего где-то на окраине Исландии.

Они там настолько перемешались с местными, что никто особо не различал, кто где. Ложки из определённой породы камня не защищали, нет. Но помогали прояснить намерения. Если кто-то ест у тебя в доме такой ложкой, человек это или эльф, неприятностей тебе не доставит. Не обманет, не украдёт, не оставит подменыша.

А жернова — копия тех, что перемалывали кости гиганта Имира, чтобы построить из них горы. И вроде как хитроумный Локи спрятал в них все свои слёзы, поэтому никто никогда не видел, как плачет рыжий бог.

Это такие местные-местные верования. Про них в энциклопедии не пишут. И артефакты тоже местные. Марку от отца достались. А может, не артефакты, а сувениры. На вопрос о ценности жерновов и... хм... ложки Марк не ответил. Обиделся.

Окно напротив вспыхнуло. Я увидел Рапунцель. Волосы она убрала, сидела, уставившись в стол, и вообще казалась грустной. А ведь я её почти всегда в этом состоянии вижу. За столом. Или на подоконнике с тетрадкой, в которой она всё время что-то пишет. Тот раз, когда она мне рукой помахала, — исключение. И я с чего-то сразу решил, что она пустышка. А она заучка, вроде Марка.

Понятно, что с сувенирами эльфийской деревни Марк ни за что бы не расстался. Дело не в цене, а в памяти.

Странно, что он дорожил памятью об отце, хотя тот исчез из их с Хельгой жизни. А вот меня как-то не тяготила разлука с моими обоими — и отцом, и мамой. Почему?

Как вообще возникает связь между людьми? С родителями ладно, по умолчанию, только не разорви старайся. А вот, допустим, эта Рапунцель? Она в моей жизни случайно. Почему я о ней думаю?

Ответ очевиден: обзор у меня не особо широкий.

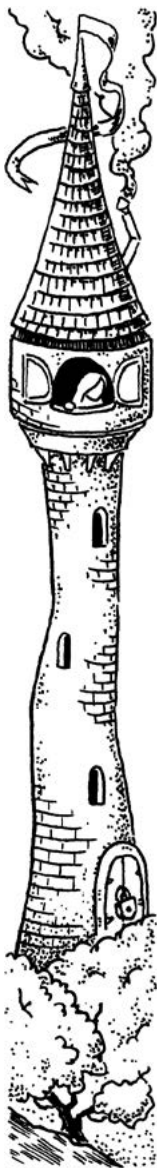
Я, кстати, ни разу не видел, чтобы в её комнату заходили родители. У неё они есть вообще?

Рапунцель всё так же сидела за столом. Как приклеенная! Вот это усидчивость, мне бы такую! Хотя нет, не надо. Что хорошего?

Я представил себя такого неподвижного, у меня аж под коленками зачесалось. Нет уж, каждому своё.

— Если даже это ложка, то очень раритетная, — произнёс я.

Марк взглянул на меня поверх очков:

— Если это твоя попытка извиниться, то я не удивляюсь, что Эльза тебя отшила.

— Кто кого отшил! — возмутился я. — Не вижу связи.

— А она есть.

— Хочешь сказать, если бы я меньше смеялся, у меня был бы шанс?

— Если бы ты больше думал о ней самой, а не о том, как произвести на неё впечатление.

Я помолчал.

— А ты, конечно, об этом совсем не думаешь. Ты выше этого.

— Да.

Если бы он сказал это с вызовом, я бы его высмеял. Если бы попытался отрицать — поймал бы на лукавстве и тоже высмеял. Но он проигнорировал мой сарказм.

— Я не собирался извиняться! — сказал я.

— Я не настаиваю.

Он сидел за столом, вполоборота ко мне, и даже лица не повернул. Ну ладно!

Камни выглядели обыкновенными, серыми, с частыми вкраплениями какой-то слюды. Наверное, это и есть «слёзы»? Интересно, как можно свои слёзы где-то спрятать? Богам всё можно, на то они и боги.

Куда бы мне спрятать? Сомнения свои, слабости, злость, зависть. Какими бы жерновами их перемолоть, так, чтоб насовсем!

Значит, Эльза меня всерьёз воспринимать не желает. Ну да, ботаник с факультета информационной безопасности всяко серьёзнее. А я для неё рыжий клоун.

Как там сказал Марк? Каменный пончик? Рисовать его очень легко, особенно по старым обоям.

Локи тоже рыжий. И никто не видел его слёз. Зато, когда ему хотелось смеяться, слёзы лили все остальные.

Я улыбнулся.

Я придумал, где взять деньги.

22 октября

КОГОТЬ

Ещё утром Варя не сомневалась, что именно нарисует к сегодняшней теме. Птицу, конечно! Она же любила рисовать птиц. Вообще любых! Ну, кроме странных, вроде страусов и пингвинов. А все остальные у Вари появлялись по многу раз: в полёте, в движении, на высоте, на ветке, на краю гнезда.

Лучше всего выходили, конечно, не когти, а крылья. Варя, собственно, и пингвинов со страусами упускала только потому, что те не летали. Они достойны уважения, конечно, но что ты за птица, если у тебя не крылья, а зародыши?

Но в задании было «Коготь». Не беда, рисуем коготь. Главное, у птицы. Вечером придём и рисуем.

Вот с такими мыслями Варя и отправилась сегодня в школу, радостная оттого, что у неё сегодня не сверхзадача, а рядовой сюжет, над которым не надо долго ломать голову.

Но птица в голове у Вари никак не хотела показываться целиком. Сопротивлялась, упиралась всеми когтями, но не давала себя рассмотреть и зафиксировать в памяти. Оказалась настолько непокорной, что напрочь уничтожила Вариное хорошее настроение. Оно сменилось совершенным упадком. Хрустальный шар удивления упал с высоты и разбился на четыре тысячи осколков, которые Варе не собрать. Но она всё же пыталась и понимала, что бесполезно, отступала, потом всё равно кидалась собирать. Как в дурном сне.

Занятия, конечно, прошли мимо. Даже история с литературой. Что уж говорить про алгебру! Хорошо ещё, сегодня только один час, и тот факультативный! Хотя с математики станется поставить Варю её очередную позорную тройку по основному предмету.

Родион только раз поднял голову, когда она выходила отвечать. Потом занялся своими делами. Он уже даже не обижался, перестал воспринимать Варины неудачи как свой собственный провал. Понял, что она безнадежна? Ну да, она безнадежна.

Знакомое чувство бессилия, тревоги и жалости к себе переполнило Варю. Хотя нет. Кажется, вместо жалости появилось что-то другое. Похожее на злость. Хотелось крикнуть, как Майка учила. Ударить кого-нибудь. Или что-нибудь.

Варя не утерпела и стукнула по крышке стола снизу вверх. Крышка гроыхнула, все обернулись. «Извините», — прошептала Варя одними губами, изо всех сил сжимая обе руки. В них она зажала лапы несносной птицы, которая яростно лупила крыльями и пыталась достать её клювом. Лапы дёргались, но Варя держала крепко. Знала: если отпустит, получит ещё и когтями.

Где-то в середине дня позвонила мама. Сказала, что снова остаётся у бабушки. После неудачно сделанного педикюра у неё ноготь врос в кожу, она страдает, и куда-то идти совершенно нет возможности.

— Ты не голодаешь там? — спросила она.

— Есть немного, — ответила Варя.

Она как раз обнаружила, что осталась без обеда. Обычно мама утром клала ей в рюкзак контейнер с брокколи или тушёной фасолью. Варя такой опцией ещё не овладела. Да и не было в доме тушёной фасоли. Ничего не было, кроме бутербродов, наспех построенных папой из нарезанного батона и чего придётся. Обычно ветчины и сыра или паштета с огурцом.

— Ну придумай что-нибудь, — в мамином голосе послышалось раздражение. — Пиццу закажи, пирожок какой-нибудь в «Пышке» купи.

— А как же диета, мам?

— Да к чёрту твою диету! — вот сейчас она точно разозлилась, то ли на Варю, то ли вообще. — Всё равно...

Она не договорила, но Варя и так поняла.

Всё равно она останется жирной уродиной.

Жирной и тупой. Родион на неё даже не смотрит, видно, тоже решил, что всё равно.

Ну, раз так, она пойдёт сейчас и выберет в школьном буфете что-нибудь самое вредное!

Ей нечего терять. Она одна. В сердце у неё — вросший коготь птицы, а птица жестока, как судьба.

— Чебурек! — сказала она, протягивая деньги.

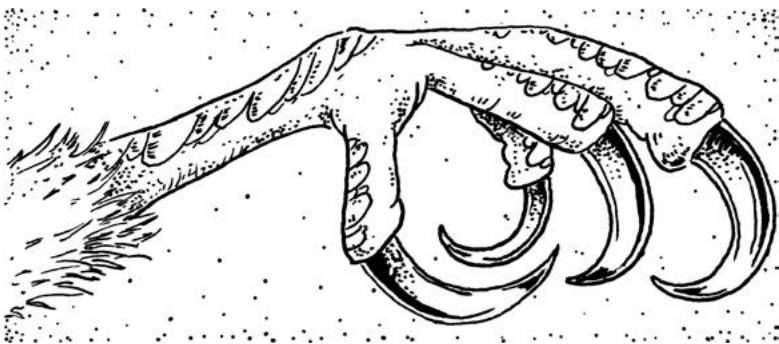
— Разогреть?

— Н-нет.

Почти сразу Варя пожалела о том, что отказалась. Чебурек оказался жирным и невкусным. После него сразу захотелось пить. Варя осушила целую бутылку воды, и это её окончательно добило. Теперь жестокий коготь впился в живот. Он ворочался там, и Варю тошнило.

А ведь сегодня Михалина ждёт!

Может, не идти? Залечь на диван и весь день жалеть себя?

Но, поразмыслив, Варя отбросила эти мысли. Ну и что, что болит живот, и внутри коготь, и непонятно, что с Родионом и с собственными родителями. Ребёнок-то в этом не виноват!

Варя поняла, что поступила правильно. Родионова сестрёнка с такой радостью кинулась к ней! И куда только пропала сдержанная девочка-девочка, появившаяся перед ней в самую первую встречу!

— Пойдём в сквер! Я там книжку оставила! — Михалина потянула Варю за собой.

— Ты уверена?

— Совершенно определённо!

Да, такие вот выражения у ребёнка. Варя трусила за девочкой, стараясь не отставать. На какое-то время она даже забыла о своих несчастьях.

Сквер располагался совсем недалеко от Вариного дома. Она машинально взглянула на окно и на берёзу. Там сидела птица. Издали не понять какая, но крупная точно. Грач или ворона.

Увидев птицу, Варя снова приуныла. Хорошо, что перед Михалиной не надо притворяться, делать весёлое лицо и всё такое. Среди тысячи её вопросов не было ни одного лишнего. То есть она ни разу не спросила о том, что заставило бы Варю испытывать неловкость, стыдиться и вспоминать плохое. У неё как-то получалось расшевелить и отвлечь, заболтать и утянуть на свою территорию, не унижаясь, однако, до наивного детского лепета.

В сквере оказалось многолюдно. Варе это не нравилось: её утомляли чужие голоса, смущали взгляды незнакомых — казалось, они все обращаются к ней подозрительно и враждебно. А знакомых она вообще боялась встретить.

Вот Михалине было всё равно! Она резво принялась за поиски «книжки». Пока бежали, Варя вспомнила, что за книжка. Самодельная, в шесть страниц, но, как положено, с картин-

ками и разговорами. Они её вместе сделали. Варя — картинки, Михалина — буквы.

— Давай сохраним наш тамдем, — предложила Михалина, старательно сгибая странички. — Так и будем работать: ты писать, я рисовать. Станем известными на весь мир.

— Тамдем, — поправила Варя.

Всё остальное, сказанное Михалиной, казалось ей безупречным.

Оказывается, книжка ночевала в парке. Вряд ли выжила, конечно. Придётся им начинать путь ко всемирной славе с другого проекта.

Михалина неожиданно помчалась к ближайшему деревянному диванчику, на котором сидел нога на ногу мужчина в коротком пальто. Варя не успела удержать Михалину, а в следующий момент остолбенела. Она узнала папу.

Это он сидел на скамейке и листал их книжку. Без особого интереса, как случайно найденную. Но Варя вся замерла, будто он прямо сейчас мог увидеть её и уличить в чём-то — будто шесть потрёпанных страниц выдавали её.

Михалина подошла к нему и заговорила. Варя нырнула за ближайшее дерево, но ей всё равно казалось, что прятаться бесполезно. Щёки пылали, сердце колотилось.

Папа улыбнулся, сел прямо, протянул книжку. Что-то произнёс. Михалина ответила, папа улыбнулся ещё шире. Ещё бы — кто устоит перед обаянием такого ребёнка?

Обратно Михалина не побежала, ступила пару шагов и заозиралась, пытаясь отыскать Варю.

Папа поднялся. Варя замерла, но он по-прежнему не смотрел в её сторону. К нему подошла какая-то женщина, они обменялись парой слов, потом она взяла его под руку — очень уверенно! — и они быстрым шагом направились к выходу из сквера.

Варя так удивилась, что забыла про Михалину.

— Ты куда исчезла?

— Тебя не учили, что к незнакомым дядькам подходить опасно? — набросились они друг на друга.

— Это уходить с незнакомыми дядьками никуда нельзя, — уточнила Михалина. — Из места, где полно народу, — она повела рукой, показывая, что сквер как раз такое место. — И я же не одна. А с тобой. Да и он не злой вроде.

Коготь проснулся и зашевелился снова. Первый раз от слов Михалины стало горько. Хотя это она, конечно, случайно. Откуда ей знать, что это Варин отец? Откуда знать, что на Варю он никогда не смотрел с такой улыбкой?

Именно это отозвалось внутренней болью. А не то, что у него, может быть, кто-то есть кроме мамы.

Вечером мама снова позвонила. В этот раз она разговаривала мягко. А может быть, просто устала. Варя тоже устала, к тому же разболелась голова и в горле першило. Кажется, подступала простуда. Очень некстати.

— Тебя никто не обижает? — спрашивала мама, и Варя почему-то думала, что она имеет в виду папу.

— Нет.

Не грустно? Не голодно? Не одиноко?

Всегда! — хотелось ответить Варе, но она сдержалась, конечно. Мелькнула мысль, не рассказать ли про папу. Но делать маме ещё больнее не хотелось. Да и выводы она успела сделать. Эта женщина — она, кажется, вообще не то, о чём можно подумать. Скорее всего, коллега. Или клиентка. Хотя они и шли под руку. С близкими так себя не ведут, и смотрят на них по-другому, и не напрягаются, не стоят напротив с такой прямой спиной.

Почему-то при воспоминании об этой вытянутой спине она почувствовала жалость. К папе. Впервые в жизни!

Он ведь тоже не самое сильное, не самое грациозное и прекрасное существо не то что на этой планете, а в их городе. В их доме. Да на лестничной площадке и то... Ему тоже от этого плохо, на ком же ему отыгрываться, как не на Варе?

Мама теперь не в счёт, маме, похоже, надоело, что на ней отыгрываются.

— Как твой ноготь? — почти прошептала Варя в трубку.

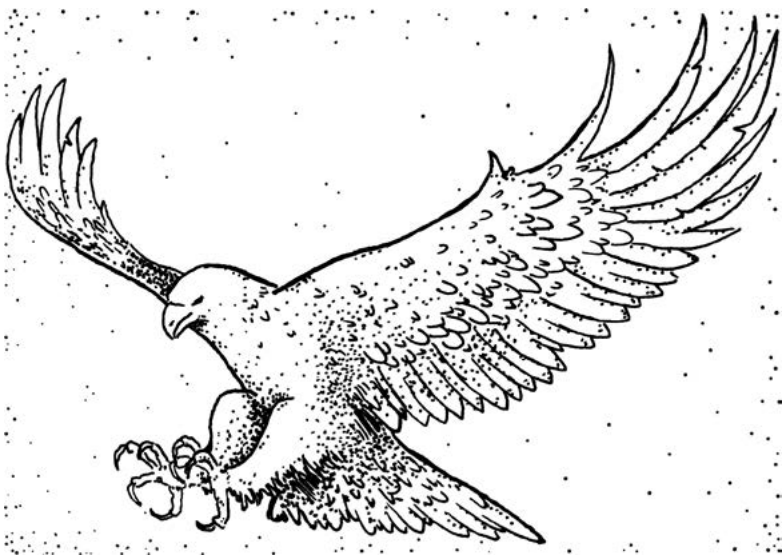
— А? Почти зажил, — откликнулась мама. — Ладно, спокойной ночи, малыш. Увидимся.

Она отключилась, и Варя осталась одна. Она шмыгнула носом. Ну точно, проваливается теперь с насморком и простудой, хорошо, если пару дней.

До неё вдруг дошло, что именно сейчас происходит непоправимое. Мама с папой не просто поссорились. Они хотят существовать отдельно друг от друга. И ради Вари не останутся вместе. Слабеньким она оказалась цементом.

Когда она просила перемен, вовсе не это имела в виду! Но безжалостная птица-судьба сыграла по-своему.

Вот она. Огромная, когтистая, жестокая. Появилась на бумаге, пока Варя говорила с мамой по телефону и машинально черкала ручкой. Эта птица не даст Варе жить так, как

хочется. Шаг в сторону — и железные когти вонзятся в тело. Она ослабит хватку, если будешь прежней, послушной.

Не дождёшься, мерзкая птица! Варя скомкала рисунок. Потом передумала. Распрямила бумагу. Рисунок оказался чуть повреждённым — бумага порвалась в месте, где у птицы глаз. Так тебе и надо, мстительно подумала Варя, заглаживая складки.

Через минуту в руках у неё была другая птица — сложенная из бумаги. Рисунок, конечно, было уже не разобрать — просто неряшливые линии на крыльях.

Варя открыла окно и пустила птицу в свободный полёт.

23 октября

ШЕЯ

Кран опять капризничал. Выплёвывал воду и хрипел. Но меня это уже мало расстраивало. Привык.

Я подумал: а если бы мне всё же пришлось пожить в этой квартире раньше, как я планировал, когда мы с Валькой затеяли эту идиотскую игру? Привык бы я так же легко? И снова стал вспоминать...

— А жить ты где собираешься всё это время? — спросила Эльза.

— Есть у меня одно место, — сказал я. — Эту проблему я решу.

— Только, пожалуйста, реши её так, чтобы не наворотить новых!

Она пребывала в каком-то непонятном настроении. То ли злилась, то ли обижалась. Непонятно на что.

— Нет, ночевать ты будешь здесь, — заявил Валёк.

Он, в отличие от Эльзы, выглядел довольным.

— Великодушно, — оценил я.

— Так будет лучше. Это же, ну... ненадолго. А лишние уши нам ни к чему.

Тут он был прав. Как и всегда, когда дело касалось не ума, а хитрости. Я не особо жаждал быть третьим лишним, да ещё в малоуважаемой их компании. Но привлекать внимание посторонних рискованно. Да и лень что-то искать.

План был прост. Мы инсценируем моё похищение, сваливая всё на Антона — грозного и неумолимого Валькиного брата.

Валёк идёт к Марку горевать и сочувствовать и озвучивает искомую сумму. Марк, может, и не любящий брат, но чувство долга хотя бы перед моими родителями должно сыграть. Он отдаёт деньги, которые накопил за время своих подработок. Валька получает псевдовыкуп — тире мой долг. Я чист, Валёк удовлетворён. Два зайца влёт. А, да — Марк наказан. Третий заяц, значит.

Вообще-то сразу мне казалось, что подобный наивняк может сработать только с таким, как Марк. Но Валёк идею поддержал, значит, не такая она уж до конца убогая. А у Валька в подобных вопросах чутьё. И опыт.

— Оставайся, — повторил Валёк.

Вроде бы пригласил, но мне это почему-то не понравилось. Что-то ещё слышалось в этом радушии.

Спать меня уложили в нежилой комнате. Настолько нежилой, что я принял её за кладовку. Во-первых, здесь теснились самые разные вещи, не только товар, но и вообще всякий хлам. А во-вторых, я не увидел окна. Позже я его нашёл — за стеной из огромных фанерных листов. Или не фанерных, но чего-то наподобие.

А ещё труба. Огромная гофрированная труба — я бы в неё целиком влез, наверное. Зачем она тут ночевала, непонятно. Я уже сказал — не комната, а склад случайных вещей.

Постельное бельё Эльза, кстати, принесла чистое и даже выглаженное.

— Вставай осторожно, передвигайся ползком, — предупредил Валёк, оглядывая получившееся логово: застеленная раскладушка, а вокруг — сплошной сюр. Особенно труба.

Я понял, почему он так сказал. В темноте легко наступить на что-нибудь бьющееся и хрупкое. Вон колбы для кальяна сложены прямо на полу. Пообещал, что буду осторожен.

Я улёгся на раскладушке и приготовился спать. Свет едва проникал в эту каморку через щель в двери, и отчётливее всего я видел трубу. Вообще-то она стояла на полу, но конец её изгибался и упирался в стену. Почти у меня над головой. Будто складчатая шея какого-то дракона. Или динозавра, хотя это почти одно

и то же. Тело у него в одном месте, голова в другом. А шея вот застряла здесь. Такой огромный, что в одном измерении не помещается.

Я стал додумывать, как выглядит дракон, мысленно пририсовал ему пузо и хвост. Напоследок в расслабленном мозгу мелькнула тревожная мысль. Но я её уже не додумал — уснул.

А наутро вспомнил, что у меня сегодня зачёт!

— Ох ты ж!

Я подпрыгнул, забыв, что в камерке нельзя резко двигаться. К счастью, ничего не разбил и не опрокинул.

Как не вовремя! Как я мог забыть! И что теперь делать? Вроде Валёк сегодня уже собрался к Марку, а я затаился. Но... это же зачёт, который я пересдаю в какой-то там раз. Может, переиграем?

— Вальх! — крикнул я, распахивая дверь камерки.

Квартира пустовала. Я обнаружил незастеленную кровать в большой комнате, гору грязной посуды в раковине — Эльза явно не заморачивалась с порядком, да и считает ли она Валькину берлогу своей?

Пока стремительно приводил себя в порядок, искал одежду и ссорился со всеми встреченными вещами в доме, я пытался вспомнить хоть что-нибудь из того, что предстояло сегодня отвечать. Ничего не вспоминалось. Блин, да я даже названия предмета не помнил, даже фамилии препода! Как в том анекдоте, ну да.

А стоит ли идти тогда? Решил, что пойду. Хоть покажусь. Конечно, мне грозило отчисление. Но, с другой стороны, когда мне первый раз давали последний шанс, тоже грозили, что отчислят. Прямо вот сразу! Но не отчислили. Так что рискнуть стоило.

Я кивнул сам себе, подхватил рюкзак, запрыгнул в кроссовки...

И остановился перед запертой дверью.

Поискал ключи, ругая себя, что, как обычно, не озаботился вовремя такими важными мелочами.

Набрал Вальку. Тот не отвечал.

— Уже не смешно! — возмутился я, четырежды прослушав дебильный рингтон.

Только из-за него не станешь звонить лишний раз этому абоненту! Нашёл Эльзин контакт.

— А зачем тебе ключи? — удивилась она. — Тебе же всё равно высовываться нельзя.

— А вдруг пожар? — она меня разозлила. — Вдруг, я не знаю, взрыв бытового газа? А я заперт тут у вас!

— Если взрыв, то ключи тебя не спасут! — отчеканила Эльза. — А если пожар, звони в службу спасения! Всё! Мне некогда.

Поговорили!

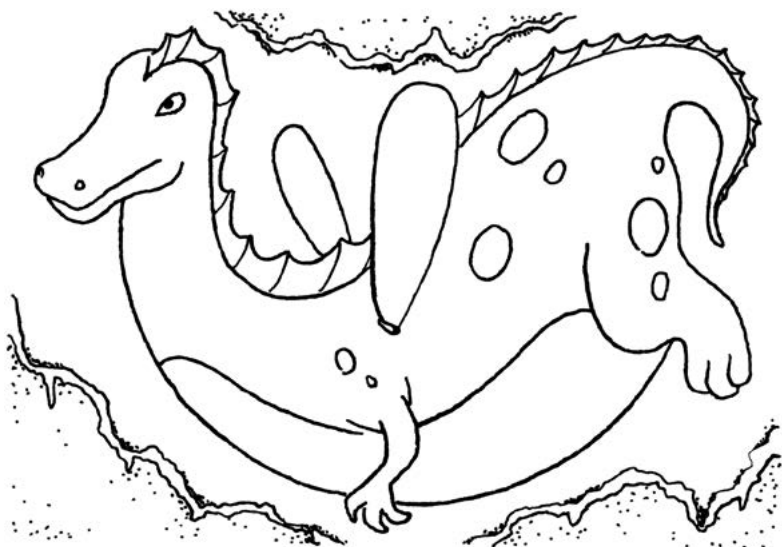
Чувствуя, что ситуацию не изменить, я сбросил с плеча рюкзак и присел на обувную полку. Зачёт мне сегодня не сдать. Не судьба. Но больше мучило другое. Вроде мы обо всём договорились, да? Вроде это типа игра такая. С призом в финале. Но почему-то сейчас я чувствовал себя настоящим пленником. И уж мне-то приз в любом случае не достанется.

Обувная полка подо мной скрипнула. Я поспешил встать. Всё-таки это не табуретка, сломается ещё.

Эти гады даже еды мне не оставили. Сухие крупы и хлеб, вот и всё. В шкафчике над столом стояла вазочка с остатками варенья и намертво приклеенная этими же остатками ложечка. И надкушенный пряник. Ни бутерброд сделать, ни лапши заварить. Зашибись!

Я покосился на пряник и почему-то живо представил себе, что этот динозавр с гофрированной шеей пробует его на вкус. Голова его как раз живёт в шкафу, и питаться ей чем-то надо. Но никто его здесь не замечает: Валёк тупой, а Эльзу интересуют не фантастические твари, а реальные перспективы.

Для того чтобы оставить отметину о сегодняшнем дне, пришлось ободрать обои. Я что-то увлёкся, выцарапывая на стене дракона. И хотя он получился ни разу не изящным, а толстопупым, мне впервые понравилось то, что я сотворил. У него был

характер. И шея. Точнее, благодаря шее характер и чувствовался. Не знаю, как объяснить. Но вот если лишить его ног, крыльев, даже головы — ничего почти не изменится. А отруби шею — останется безликая бочка с махалками, как у стрекозы.

Валёк с Эльзой явились ближе к вечеру. С готовой едой из супермаркета. Я к тому времени успел сварить гречку — я же не совсем безрукий. Посуду помыл от нечего делать. Ну и так, прибрался по мелочи.

Дома я за порядком не сильно следил, Марк в основном занимался и уборкой, и готовкой. Но, видать, он меня приучил, что в доме должно быть более-менее чисто. Так что чужой свинарник оскорблял мои эстетические чувства. До того, что в какой-то момент руки потянулись сделать тут настоящую генеральную уборку. Но я себя остановил. Во-первых, стрёмно — всё равно что в чужих вещах рыться. А во-вторых — я приоткрыл дверь в свою каморку и закрыл обратно — бесполезно.

Но даже кухни с прихожей оказалось достаточно, чтобы впечатлить Валька. Он хмыкнул одобритительно, оглядывая чистую столешницу, на которую тут же принялся выгружать салаты с роллами.

— Может, тебя на подольше оставить, слышь? — хохотнул он.

— Слышь? — передразнил я: злость опять во мне всколыхнулась. — Ты улыбу-то спрячь, а то твою рожу только в панорамное фото вставить можно. Ты про наши проблемы лучше отчитайся.

— Да ладно, чего ты, — он приоткрыл один из контейнеров с салатом, принялся, поморщился. — Ненавижу креветки. Сама будешь жрать! — крикнул в сторону Эльзы.

Но та, кажется, не слышала: плескалась в ванной.

За ужином Валёк сообщил всё-таки, что говорил с Марком. И тот ему отказал.

— Сказал, что денег нет.

Валёк щёлкнул языком и выпучил глаза.

— Как нет? — я даже растерялся. — Были же!

— Сплыли! — передразнил он, отправляя в рот кусок рыбы. — Или он так тебя ценит. Ну что, может, примешь моё предложение? Ну, ты помнишь. Тогда быстро долг отработаешь.

Я представил Марка. Как он внимательно выслушивает Валька. Говорит «нет». Валёк ещё раз расписывает опасности, которым я подвергаюсь. Марк не перебивает, задумывается — и качает головой. Потом уходит.

Не удивлюсь, если всё так и выглядело.

— Дерьмо, — пробормотал я.

Мне самому непонятно было, кому я это адресовал: безжалостному Марку или злорадно ухмылявшемуся Вальку.

— Дрянь какая! — отозвалась Эльза.

Она брезгливо смотрела на креветочный салат. Кажется, не в креветках было дело, а в их свежести.

— Сама захотела! — рывкнул Валёк, неожиданно обозлившись.

Они стали ругаться. Я хотел было скрыться, не люблю семейных разборок, чужих тем более. Но тут взревел Валькин мобиль-

ник. Я аж замер, хотя не первый раз слышал катастрофическую мелодию, которую он выбрал, придурок!

Валёк сделал всем знак замолчать и включил громкую связь. Звонил Марк.

— Пожалуйста, договорись об отсрочке, — произнёс ровный голос моего брата. — Я найду нужную сумму.

И отключился. Сам. Как будто не ему условия диктуют, а он тут командует.

Я очень хотел разозлиться на него сейчас. Но почему-то не получалось. Злость вообще где-то растворилась. Стало просто погано. Особенно когда перехватил Валькин взгляд, который он бросил на Эльзу.

— Всё по плану, — пропел он, по-прежнему глядя на неё.

Голос довольный, будто и не орал минуту назад.

— Угу, — сквозь зубы бросила та.

И принялась убирать со стола. Она швыряла в мусорное ведро всё, не разбирая: несвежий салат, недоеденный салат, пустые контейнеры, нераспечатанные контейнеры. Под конец рванула мусорный пакет из ведра, конечно, он не выдержал, порвался, и на кухонном полу образовался филиал помойки.

— Э, ты чего! — возмутился Валёк.

Эльза выпрямилась и поглядела на него с такой ненавистью, что я испугался. Потом она повернулась и вышла, отшвырнув оказавшийся на пути стул.

Теперь Валёк принялся убираться. Как-то не сопротивляясь. Устал, что ли, ругаться? Да, пожалуй, если учесть ещё и разговор с Марком, то для него на сегодня и впрямь перебор.

Я потоптался на кухне. Валёк продолжал разгребать мусор. Сгоряча выброшенные Эльзой целые салаты он отряхивал и возвращал на стол. Ничего такого, конечно, но выглядело отвратительно. Обо мне будто забыли. И я решил вернуться к себе.

К себе, блин!

Уселся на раскладушку, отодвинув ногой какую-то коробку. Ползают эти коробки тут, что ли? Когда уходил последний раз, не было её тут! Внутри что-то звякнуло. Интересно, в какой

из этих коробок тот самый «товар», за который Валёк обещает мне простить долг? Мелькнула мысль: а может, правда?

Но-но-но! Я, может, и плыву по течению, но на дно себя утасовать не позволю!

А если Марк заявится сюда? Попытается что-то выяснить не через звонок? Или решит заплатить наличными? А я тут! Что тогда?

Тогда...

Я обернулся. Тогда я залезу в трубу. И затаюсь там, проглоченный драконом. А когда всё закончится, вылезу обратно.

И мне адски, просто до чесотки, захотелось и правда переждать где-нибудь этот кошмар. Хоть в глотке, хоть в брюхе. Так мерзко я ещё никогда себя не чувствовал.

Я до последнего не верил, что всё так разыграется. Что наш план реально заработает. До последнего относился к этому как к розыгрышу. Сам же придумал! Сам!

Но откуда тогда это чувство, что именно меня оставили в дураках?

Сам не знаю, почему я сидел, не включая света. Как будто и вправду боялся себя выдать. В конце концов улёгся и задремал.

Во сне меня преследовала всякая дрянь. В основном я падал в ямы или мусорные контейнеры либо проваливался в тоннель, напоминающий гофрированную трубу. А потом оказывался перед забором, вдоль которого тянулась нарисованная шея. Я бежал, чтобы узнать, чья она — удава или дракона, почему-то мне казалось, это что-то решает. А бег во сне — это... Ну такое. Напрягаешь все силы — и вязнешь. И я всё бежал, а голова всё не показывалась. И тогда кто-то голосом Марка произнёс:

— Надо перелезть. Голова с обратной стороны.

Я удивился: как это мне раньше в голову не пришло. Лезть во сне — это не бежать. Я одним махом взобрался на забор, но прыгнуть не успел: увидел, как на меня падает баннер с мультяшным динозавриком и надписью «Ингалипт».

Я вскочил рывком, так что раскладушка не выдержала, схлопнулась. Воздуха не хватало, я раскрыл рот и дышал часто, как

собака. В горле пересохло. Рубашка намокла от пота. Кто заставил меня закрыть дверь? В этой нелепой комнате и без того душно!

Попытался встать, под ногами брякнуло. Снова эта коробка, она дрессированная, что ли? Натаскана на то, чтобы бросаться мне под ноги?

Вдоль мокрой спины пробежал озноб. Я с усилием поднялся и открыл дверь. Дышать стало легче.

Дверь в большую комнату была приоткрыта. Судя по полной темноте, там спали. А вот на кухне горел свет. Который же час?

Перед распахнутым настежь окном стояла Эльза, босая и в одной пижаме. Вряд ли она услышала мои шаги. Но обернулась. Почувствовала, что ли? Несколько минут мы молча смотрели друг на друга.

— Лиз, — голос мой звучал хрипло, я сам себя не узнал. — Лиз, ты ведь уже взяла деньги у Марка, да? Он оплатил мой долг. Когда ты у нас ночевала. Скажи.

Эльза передёрнула плечами. Пижамы на ней выглядела старомодной: плотная ткань в цветочек, с кружавчиками по краям. Бабушкино приданое какое-то, не думал, что она такое может надеть.

— Лиза, — произнёс я, с отвращением чувствуя, что меня снова начинает мутить.

Она приложила палец к губам:

— Тс-с! Завтра поговорим.

24 октября

ШУТКА

— И когда вы собирались поставить меня в известность? — спросил я.

Валёк невозмутимо рылся в вещах, что-то разыскивая. Он пытался меня убедить, что всё затеянное не более чем шутка, а деньги немедленно бы вернули. Я сомневался.

— Зачем тогда Марка впутывать?

Валёк глянул на меня. На лбу у него красовалась маска для сна. Такие в самолётах надевают или в поездах, где много народу.

— Так идея с Марком твоя, разве нет? — он оттянул маску и отпустил, щёлкнув себя по лбу. — Да и про деньги ты сам напомнил, не я. Это у вас с братом непонятки, а нам только по приколу.

О том, почему Марк не сообщил, что взял мой долг на себя, я уже подумал. И всё равно ни черта не понял. Почему он так сделал? Постеснялся? Посчитал это платой за приют? Хотел напомнить позже? Играл в благородство? Ни одна из причин ему плюсов в моих глазах не добавила.

— Я ночью говорил с Лизкой.

Валёк захлопал глазами:

— Когда?

— Ночью.

— Этого не может быть. Лизка с вечера к себе умотала. Мы поссорились.

— Но как же, — растерялся я. — Я же её видел! Вот здесь, у окна. Она обещала...

— Не знаю, что она тебе обещала, — Валёк покачал головой. — Но я её больше не прощу. Достала капризами своими, курица!

— Это ты о любимой девушке так? — не выдержал я.

— Любимая! — Валёк скривился. — Да мы случайно вместе! И временно. С ней нельзя насовсем. Она чокнутая. Думаешь, она первый раз так уходит?

Я так не думал, да и плевать мне на их отношения, если честно. Но Валёк разошёлся, сорвал свою маску, зашвырнул куда-то в сторону.

— Завтра вернётся, куда ей идти-то? У неё же семейка та ещё. Батя бомж, брат уголовник, мать алкоголичка. Она же это скрывает из всех сил, лепит из себя принцессу. А сама...

Я покачал головой.

— М-да, Валентин. Вы идеальная пара просто.

А потом я прошёл в каморку забрать оставшиеся вещи. Снова споткнулся о гремучую коробку и со злости запихал её в гофрированную трубу. Мстительно погрозил кулаком.

Я надеялся, что не увижу больше ни Вальку, ни чокнутую Эльзу, бьющуюся за лучшую жизнь.

Я бродил по улицам до самого вечера. Крутил в голове фильм под названием «Гоша-дурак». Когда совсем стемнело, отправился домой. К Марку. Пока он там, я не знаю... почку какую-нибудь не продал, пытаюсь решить МОИ проблемы.

Вот ведь — вдруг возникшая мысль про почку погнала меня чуть ли не бегом. А когда я остановился перед домом, долго не мог заставить себя сделать последний шаг. Так и топтался возле подъезда, поглядывая на освещённое окно собственной квартиры.

Два дня назад эта девчонка, Рапунцель, выбросила из окна листок бумаги. То есть она, кажется, запустила бумажный самолётик. Или бумажную птицу. Но, видно, сложила не очень удачно. Далеко он (или она) не улетел, ткнулся носом в асфальт. А потом его распластало, и теперь он лежал мокрым квадратиком на тротуаре. На нём что-то было нарисовано, очень хотелось увидеть, что именно, — хоть нарушай запрет ещё раз, беги вниз ради этого.

Вот так же я залип на бирку Маркова чемодана. На ней красовалась какая-то замысловатая надпись, и мне адски хотелось её рассмотреть. До чесотки!

Марк на удивление быстро собрал вещи. Как будто заранее готовился. А может, и собирать особо нечего.

Сам виноват. Это я про себя. Не так надо было начинать разговор. И продолжать. И заканчивать. А я...

- Ну что, вся сумма собрана? — спросил с порога.
- Н-нет, — озадаченно произнёс Марк, оглядывая меня.
- Надеюсь, ты никого не успел ограбить?
- Нет, — повторил он.
- Вот и хорошо, — я широко улыбнулся, очень широко, аж мышцы свело.

И шагнул вперёд, вынуждая Марка отступить.

Как, выкашливая из себя натужный смех, объяснял, что это шутка, как потом, разозлившись, перешёл к обвинениям на уровне «сам виноват» — вспоминал со стыдом. И сейчас вспоминаю. Да мне и в тот момент уже было стыдно, только меня несло, и я, как обычно, не мог затормозить.

Марк не смеялся, не орал в ответ, не спрашивал и не обвинял. Просто достал чемодан и стал укладывать в него учебники и футболки.

А я сидел уже молча, и расчёсывал до крови руки, и пялился на его чемодан. И редактировал мысленно свой недавний монолог, вычёркивая из него примерно... всё.

«Семья, учёба, работа — вроде ничего особенного. Но для неё даже такая жизнь — заповедник! Она росла среди орков, понимаешь? И чему она у них могла научиться?»

«Эльза тебя использовала! Потому что тоже хочет в заповедник! Любыми средствами! А ты поверил!»

«Она это специально сделала! Мне назло! И тебе доказать, что нельзя быть таким олухом!»

«Если тебя так легко обмануть, то это твои проблемы!»

На прощание он сказал:

— Я не такой уж слепой. Я многое видел. Да, свинья в ней победил человека, очень жаль. Но я хотя бы дал ей шанс! А вот ты... — он помолчал, тряхнул головой. — Ты прошёлся по самому больному. Ладно, прощай. Lebwohl.*

— Да вперёд! — снова взорвался я. — Жернова свои драгоценные не забудь!

И тут он на меня так посмотрел, что я сразу всё понял.

Из всего, что я ему наговорил, это было самым лишним.

---

* Прощай (нем.).

25 октября

ВОПРЕКИ

Выходные Варя проболела. Горло саднило, и голова была тяжёлой, нагретой. Она почти всё время была одна. Мама звонила, но Варя не сказала ей, что болеет. Папа дома появлялся редко, работал. Да ему и не пожалуешься. Поэтому она сама себе делала чай с клюквой и почти ничего не ела, так что, может быть, даже похудела немного, это плюс. Нарисовалась тоже вволю, правда, работы выходили странные. Варя сама не понимала, откуда взялись, например, прозрачные птицы, внутри которых скрывался целый дом. Или дитя её василиска с четырьмя головами на тонких чешуйчатых шеях.

Они возникали в бреду ночами. Варя почти не спала. Температура не сильно поднималась, но дышать было трудно, от этого и спать нормально не получалось, так что она балансировала на грани сна и яви и видела гостей по обе стороны границы.

Насмешник боялся детёныша василиска, а тот был совсем не опасный, просто любопытный. Он гонялся за Насмешником, тот кричал испуганным голосом: «Шея кратчайшее расстояние между двумя точками!» — как защитное заклинание. Да, алгебра тоже мешалась в сны, до кучи.

С Родионом они занимались по скайпу. Он сам предложил — чего время терять? Варя, конечно, согласилась. И очень старалась. Разочаровать Родиона ещё раз — значило погубить

вообще всё. С его стороны это чистое великодушие. Он мог бы выполнять свою часть договора на «отвали». Но Варя видела, что он принимает в ней искреннее участие.

О том, что Родион может испытывать что-то другое, какое-то чувство к ней, Варя запрещала себе думать. Но ночной бред опрокидывал все запреты, и дорогое лицо то и дело мелькало в её беспокойных видениях.

Во время урока явилась Михалина.

— Привет! — сказала она, по-хозяйски усаживаясь перед экраном.

— Уйди, мешаешь, — Родион попытался отстранить сестрёнку.

— Ой, нет-нет-нет! — взмолилась Варя. — В смысле, дай нам три минуты пообщаться!

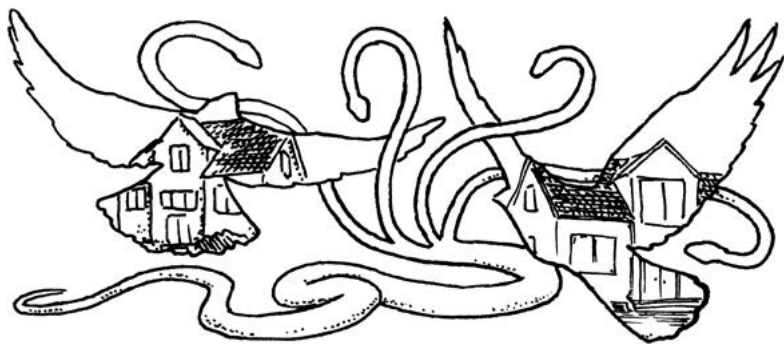
— Слышал? Я не мешаю! — Михалина окончательно влезла в экран, устроилась удобно, подперев подбородок обеими руками. — Мне тебя не хватает.

— Серьёзно? — у Вари даже голос дрогнул.

— Без сомнения! — Михалина осуждающе покосилась на брата, который что-то буркнул у неё за спиной. — Знаешь, у меня много интересных планов. Ты скоро поправишься?

— Да я уже почти здорова.

— Три минуты прошло, — напомнил Родион.

Михалина снова бросила взгляд за спину, покачала головой:

— Он тебе не надоел?

— Нет, что ты, — Варя улыбнулась. — Он объясняет мне то, что я не могу понять самостоятельно.

— А почему ты не можешь понять?

— Наверное, потому что не очень умная, — вздохнула Варя.

— Варь, ну вот зачем ты так про себя? — лицо Родиона приблизилось к экрану, когда Михалина уже ушла. — Даже если где-то не тянешь, делай вид, что ты супер. Не позволяй другим себя гнобить.

Варя молча кивнула. Хотела сказать спасибо, но горло сдавило. Слишком много хороших слов.

— Ну что, разберём последнюю задачку? — Родион улыбнулся.

Ещё бы не разобрать последнюю задачку! Варя бы двадцать их разобрала, только бы видеть Родиона подольше. Наблюдать, как он подносит карандаш к губам. Как хмурит брови, подбирая нужные слова. Время от времени Варя одёргивала себя, чтобы сосредоточиться на решении. И, наверное, Родион прав, она не такая уж безнадежно тупая, потому что вроде сама сообразила, как решить, сама пришла к верному ответу.

После урока она ещё немного посидела просто так, чтобы сохранить то тёплое и уютное чувство, что подарили ей Родион с Михалиной. Потом по привычке отодвинула штору и нашла окно напротив. Окно неожиданно оказалось занавешенным. Плотной шторой либо вообще одеялом. Ни щёлочки не видно!

Варя ощутила что-то вроде разочарования. Как будто интересная книга закончилась не вовремя и продолжения не ожидается.

Клюквенный чай и хорошее настроение оказались действенным лекарством, так что на следующий день Варя чувствовала себя достаточно бодро, чтобы пойти в школу.

Войдя в класс, она обнаружила за своей партой огромного плюшевого медведя. На груди у медведя алело сердечко, в лапах он держал шарики — тоже в виде сердечек. Шарики медленно колыхались.

Варя успела испугаться: почему медведь, почему такой большой, почему на её месте? Но тут же услышала, как девчонки поздравляют Лару Морозову с днём рождения. Понятно. Подарок.

Она подошла к своему месту и встала рядом, ожидая, что медведя сейчас заберут. Но на неё никто не обращал внимания, девчонки продолжали щебетать и целоваться с Ларкой, манерно выпячивая губы.

Тогда Варя потянулась к медведю, чтобы убрать его или хотя бы подвинуть. И тут её заметили.

— Руки убрала! — рывкнула именинница.

Варя поспешно отдёрнула руку.

— Но я хочу сесть на своё место, — объяснила она.

Девчонки удивительно быстро выстроились полукругом.

— На своё место? — насмешливо переспросила Полина Кузина.

— А ты уверена, что у тебя есть своё место? — встряла Ларка.

Кажется, у Вари снова поднялась температура. Сердце бухнуло, словно залп тяжёлого орудия.

— Я. Хочу. Сесть. На. Своё. Место, — раздельно произнесла она, глядя Ларке не в глаза, а куда-то в лоб.

Туда обычно целятся снайперы.

Всё стихло. Ларка хмыкнула и нехорошо сощурилась.

— Не поняла, почему все столпились? Звонка не слышали? А это что за чудовище? — вошедшая математичка обрвала намечавшуюся ссору. — Немедленно убрать!

Девчонки заканючили, но учительница была неумолима: приказала вынести медведя из класса. Недовольная Ларка пошла пристраивать свой подарок, напоследок окинув Варю полным презрения взглядом.

В ушах у Вари всё ещё шумело. Вообще-то, если бы не математичка, она не представляла, что делать дальше. Драться? Она не умеет. Ругаться? Да та же Полина её обставит по количеству оскорблений!

Однако она теперь знала, что можно орать и без голоса. Дело не в громкости, а в злости. Плохо, что надолго её не хватает. Ну, тогда надо сделать вид, как советует Родион. Может, сработает? Наколдовала же она себе Насмешника — сначала на бумаге, потом в жизни.

А уже в раздевалке Варя полезла в карман за шапкой и вытянула длинную верёвку. Вслед за верёвкой на пол упала записка: «Лучше тебе сразу повеситься». Несколько секунд она молча вглядывалась в агрессивные печатные буквы. Потом торопливо порвала записку, а верёвку зачем-то сунула обратно в карман.

26 октября
С ТРУДОМ

Осознание того, что Марк ради меня пожертвовал вещами, которые достались ему от отца, скручивало и прожигало насквозь. Хотелось спрятаться, только от кого? От себя? Я уткнулся лицом в ладони и так и сидел, скорчившись на полу и боясь пошевелиться.

Иногда в голове всплывали обрывки мыслей: а может, найти того, кому он продал свои раритеты, и выкупить обратно?

Но нет, в глубине души я осознавал, что сделанное мной — из того ряда, который обозначен каменным словом «НЕПОПРАВИМОЕ». Обратно не отыграешь. Ничего исправить нельзя.

Кроме как в связи с этими штуками, Марк никогда не упоминал об отце. Что он был за человек? Какие у них отношения? Может, он был токсичным эгоистом или даже мерзавцем — не зря же Хельга от него избавилась. Но, судя по тому, как Марк берёт сувениры, у него имелось своё отношение к прошлому.

Ноги затекли. Я через силу поднялся и, тяжело ступая, направился в спальню. Которая ещё сегодня была комнатой Марка.

Он всё оставил в идеальном порядке. Как в гостинице. Только на угловой полке криво лежала книга. Я машинально пролистал несколько страниц.

Мифология Севера. Но не современное глянцевое издание на плотной бумаге, с портретами богов, похожих на героев аниме. Книга выглядела потрёпанной, иллюстрации суровые

и по большей части мрачноватые. Надо сообщить Марку, пусть заберёт. Может быть, это даже какое-нибудь редкое издание, букинистическая ценность.

Хотя нет. Наверное, просто старая книга. Я листнул снова и попал на страницу с убийством Имира.

Марк рассказывал, что это сюжет не столько страшный, сколько эпичный. Но вообще-то и страшный тоже.

Имира убили, чтобы из его тела сотворить целый огромный мир. Более подходящего материала у асов, видите ли, не нашлось. И они принесли великана в жертву.

В общем, получается, чтобы построить башню собственного благополучия, нужно разрушить другую башню. И сложить конструктор по-иному. А из воздуха не получится. Ну, и по две башни в одни руки не выдаём.

Неудивительно, да? Что не приходится ждать совершенства от нашего мира.

Я погладил пальцами другую картинку — с Древом Иггдрасиль и Девятью мирами.

И тут тишину нарушил громкий вызов. Я, не помня себя, кинулся к телефону с безумной надеждой: Марк? Одумался?

— Ну, ё...

Нет, Марк никогда так не выражался.

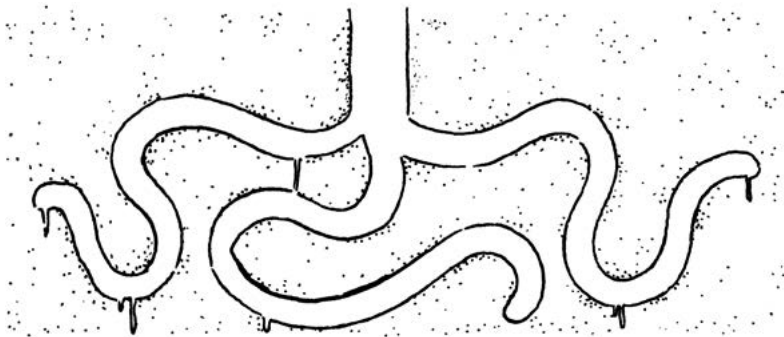
— Ты, зараза, реально сейчас нарвался! Ты представляешь, на сколько ты меня подставил? Какие это... бабки... Кто тебя надомил... пихать товар в эту... трубу!

Хотелось зацензурировать не только ругательства, но и все Валькины фразы. Настолько они не к месту. Он сам в моей жизни не к месту, как я раньше не сообразил!

Я понял так, что в надоедливой коробке, которую я на прощанье затолкал в трубу, было что-то ценное и хрупкое. Теперь всё разбилось, Валёк и его брат понесли огромные убытки, я виноват и должен теперь бояться.

Я не дослушал и нажал отбой. Тогда мне ещё не было страшно.

Теперь страшно, но не за себя.

Накануне я завесил-таки окно. Накинул одеяло на чугунную гардину, а края прибил прямо к стене гвоздями. Теперь никто ко мне не заглянет. Вчера мне казалось, что это дарит какую-то безопасность. А сейчас я ничего подобного не ощущал. Наоборот. Я был один в квартире. А мне казалось, во всех Девяти мирах.

Я рванул край покрывала, освободил треугольный промежуток, пролез к окну. Стекло запотело. Я прочертил линию большим пальцем. Потом ещё одну.

Три извилистых корня. Ветви, на которых угнездились Миры. По стеклу вниз потекли капельки. Я не хотел наблюдать за тем, как мой Иггдрасиль исчезает, стекает каплями на подоконник. Поэтому вернулся и пристроил покрывало обратно.

27 октября

ХТОНИЧЕСКИЙ

Это случилось! Пятёрка! Первая в жизни пятёрка по алгебре!

Зоя Борисовна посмотрела на Варю поверх очков, удивлённо, но без всегдашней неприязни.

Варя закрыла рот ладошкой. А хотелось улыбаться во весь рот. Конечно, это ерунда, но для Вари — настоящая победа! Да, трудности ещё будут, и не факт, что пятёрки теперь посыплются как из рога изобилия. Но она уже не так волновалась за итоговую контрольную. На четвёрку уж как-нибудь напишет. А это причина для папы воспринимать её всерьёз. А ещё — алгебра перестала казаться такой уж невыносимой. Конечно, связывать жизнь с цифрами Варя так и не желала, но и тошноты при мысли о них уже не возникало.

Она оглянулась на Родиона. Он поднял вверх большой палец. Тоже довольный. Тут уж Варя не выдержала — расплылась в улыбке.

Она ждала, что Родион подойдёт к ней на перемене, скажет что-нибудь приятное. Но это, наверное, уже слишком. Ну и ладно. Сейчас ничто не могло испортить Вале настроение.

Хотя кое-кто попытался бы, наверное. Варя слышала за спиной перешёптывания и смешки.

К счастью, ничего не произошло. Уроки она отсидела спокойно.

По пути Варя зашла в кондитерскую и купила пирожные. Сегодня точно имелся повод! Даже два. Они с Михалиной увидятся после выходных — это первое. Ну и пятёрка же!

— Ты всё ещё болеешь? — строго спросила Михалина, когда они встретились.

Родион, как всегда, вручил сестрёнку Варю, а сам умчался по своим делам, в которые никого по-прежнему не посвящал.

— Я уже здорова, — заверила Варя.

Ну правда ведь, всё хорошо. Нос ещё не обрёл былую чувствительность, но это явление остаточное, пройдёт.

— У меня для тебя сюрприз! — сказала Варя, вытаскивая из сумки пирожные.

Они остались во дворе. С тех пор, как они встретили папу, Варя избегала сквера.

— Специально для меня? — переспросила Михалина. — Мне это можно? Ты уверена?

— Конечно, — Варя улыбнулась такому вопросу.

— Ну тогда ладно.

Михалина кивнула и осторожно ухватила «корзиночку» двумя пальцами.

— Вкусно?

— М-м-м! Очень!

Она так забавно откусывала — быстро, по крошке. Как синичка. Варя подумала, что ей вкуснее наблюдать за тем, как ест Михалина, чем лакомиться самой.

— Ты знаешь, что такое «хтонический»? — спросила она.

— Знаю, — кивнула Михалина, вытирая липкие пальцы влажной салфеткой.

— Да ну? Серьёзно? И что же?

— Хтонический — это... Как ты хочешь, чтобы я сказала?

Варя прищурилась.

— Давай три ответа на вопрос «Какой?».

— Страшный, мощный, неподвижный.

Это была их игра. Если нужно о чём-то рассказать, но трудно вот так сразу внятно, на помощь приходили ответы на простые вопросы. На что это похоже? Назови слова-портреты. И всякое такое. Варя не помнила, сами они это придумали или позаимствовали у кого-то. Но им обоим нравилось.

— А ты знаешь, очень похоже, — сказала она, сверившись с онлайн-словарём. — Раньше не слышала это слово?

— Первый раз! — заверила Михалина.

Ну и ну! Если у неё и дальше так пойдёт со словами, не исключено, что она и вправду станет писать книги. А Варя иллюстрировать.

Мечты, мечты! Они радостно порхали рядом с Варей до самого дома и робкими призраками бросились врассыпную, как только она переступила порог квартиры.

Папа был дома. Выглянул из кухни с чайником в руках, но в костюме.

— Где тебя носит? — недовольно спросил он.

— Гуляла.

— У тебя всё так блестяще в школе? Заняться нечем?

— Сейчас займусь. Ещё ведь не поздно.

Варя сразу хотела рассказать про пятёрку, но сейчас желание пропало.

— Чем так ужасно пахнет? — папа поморщился. — Не чувствуешь?

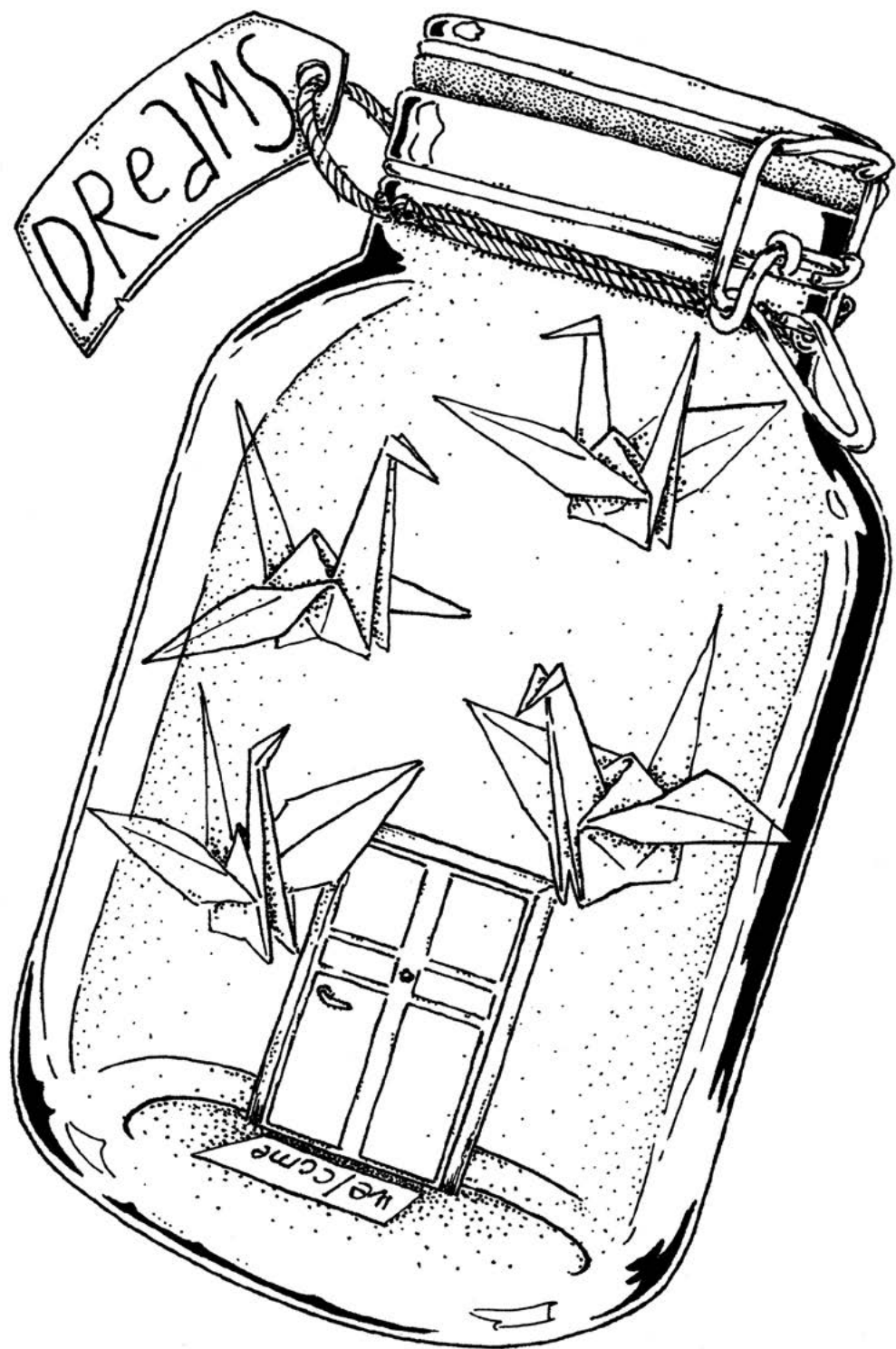
— У меня насморк, — ответила Варя, заставляя себя смотреть ему в глаза.

Папа хмыкнул.

— Прибралась бы в доме. Вечный бардак. Копия мать — лишь бы ничего не делать.

— Приберусь, — сквозь зубы пробормотала Варя.

— Не слышу! — папа снова выглянул из-за двери. На этот раз в руках он держал чашку. Из чашки свисал хвостик чайного пакетика.

— Всё сделаю, — внятно и чётко проговорила Варя, снова стараясь не отводить взгляда.

Папа прищурился и отхлебнул из чашки.

— Что у тебя с глазами?

— А что?

— Ты когда на меня смотришь, они у тебя будто за стеклом. Ты на меня реагируешь вообще?

Варя молчала, не зная, что ответить. К счастью, ответ не понадобился.

— Кыш! Пошла вон! Вон отсюда!

Папа кинулся к окну, размахивая руками и расплёскивая по пути чай.

По ту сторону окна собрались птицы. Внешний карниз оторвался, и они повадились собираться на кирпичках. Если уж совсем честно, это Варя их приучила. Она постоянно прикармливала их то семечками, то хлебными крошками.

Она замерла. Разогнал птиц — ладно. Но если папа замечет в швах между кирпичами остатки птичьей еды...

Не заметил, уф!

Но виноватой во всём оказалась...

— Чёртова берёза! — ругнулся папа. — Завтра же до неё доберусь!

Лучше бы до карниза добрался, думала Варя. А то стекла ему немытые, а самому ремонт окна организовать сложно.

— Да чем же это воняет так? — раздражённо повторил папа.

Прошёл по коридору, принюхиваясь, и добрался до Вариного рюкзака. Вжикнула молния, и папа достал...

«Страшный, мощный, неподвижный» — так, кажется, Михалина говорила?

Если только «мощный» исключить. Застывший трупик птицы — вот что она принесла в рюкзак. И не почувствовала ведь ничего своим сопливым носом! Хорошо, хотя бы закинула рюкзак домой, прежде чем идти гулять с Михалиной.

— Это что за ужас? — прошептал папа.

— Это... Это мне...

— Подсунули, понимаю. Надеюсь, ты не дошла до того, чтобы собирать по улицамдохлых птиц. А почему подсунули? Почему другим не подсовывают? Может, ты сама виновата, что до сих пор отношения наладить не можешь?

Варю затрясло.

Она выхватила рюкзак, рванула в ванную и принялась вытряхивать под струю воды всё содержимое. И слёзы, и брызги, и пар от горячей воды мешали ей видеть как следует, всё расплывалось в тумане. И гибло. И тетрадь с заветной пятёркой по алгебре. И учебники.

— Ты что творишь! — папа перехватил её руку со скетчбуком. — Оставь всё немедленно!

Он закрыл кран, вlepил Варе пощёчину.

И она разревелась в голос. Не из-за оплеухи, нет. Папа никогда её не бил. И в этот раз — она понимала — ударил, чтобы привести в чувство.

Но за что ей это? За что? Почему все живут среди добрых лиц и только она — в окружении бездушных хтонических чудовищ? Сколько ей терпеть, какую жертву принести, чтобы это прекратилось?

Как долго она пролежала на своей кровати лицом вниз и безостановочно рыдая, Варя не помнила.

Пришёл папа, принёс чай. Вытащил неизменный чайный пакетик и, не зная, куда его пристроить, положил на Варин скетчбук. Она

равнодушно на это смотрела. Фиг с ним, обложка всё равно пластиковая.

— Пей, я туда лимон кинул, — папа протянул чашку и неуклюже погладил её по плечу. — А учебники на полу разложил, должны высохнуть.

— Спасибо, — прошептала Варя.

— Ты не переживай. Я с этим разберусь. Схожу в школу и разберусь! Пусть найдут того, кто это сделал!

Лучше не надо, про себя подумала Варя. Но вслух ничего не сказала. Ей снова почудилось, что папа больше несчастный, чем сердитый. Может, его тоже окружают хтонические твари, а он боится в этом признаться?

— Папа, — позвала Варя. — Можно я отрежу волосы?

28 октября

ПО ТУ СТОРОНУ

Утро началось с того, что я позвонил родителям и сообщил, что бросил университет. Ну, то есть наоборот: университет меня бросил.

Отец сначала не понял. Потом подумал, что я шучу, и разозлился. Потом замолчал — видимо, не знал, как реагировать.

— Я маме трубку передам, — поняв, что всё серьёзно, сказал он.

И вот тут мне пришлось отвечать на вопросы и объяснять всё подробно. Мама отказывалась верить в моё головотяпство, она была убеждена, что ко мне несправедливы, хотела найти виноватых. Я слушал её взволнованный голос и буквально чувствовал, как её штормит. Она то принималась на меня орать, то пыталась оправдать и найти «истинную» причину моего провала.

Я потел и, как всегда, когда нервничал, чесался. Хорошо, что вообще не думал перед тем, как позвонить. Секунда промедления — и я бы не решился. Нелегко оно всё давалось.

Хотелось с каждой фразы свернуть, пойти на попятный. Да, меня отчислили (но это не точно!). За прогулы и долги (ну, прогуливал, но другие тоже прогуливают, столько искушений вокруг, вы чего, это я ещё ничего опасного не пробовал!). Да, документы отдали, приказ об отчислении есть (так это всё неожиданно!). Восстановиться? Наверное, можно. (Даже не так: конечно, можно! Когда захочу, меня примут обратно с радостью, и вообще это всё недоразумение.)

Но я каждый раз ловил себя за шкуру и возвращал обратно. Никакого недоразумения, мне десять раз выносили предупреждение и давали возможность всё исправить. Я сам виноват. Я, а не чужой враждебный мир! Просто я вас обманывал. Теперь вы видите, что я не идеален.

Мама наконец сдалась и заплакала в трубку. Это оказалось самым тяжёлым. Они там спорили между собой. И на меня ругались, и спорили. Решали, стоит ли немедленно ехать отрывать мне голову или безжалостно предоставить меня своей собственной участи.

Тяжёлый выбор, понимаю. Махнуть на меня рукой не позволяла совесть, а в комплекте с отрыванием головы шли проблемы, которые они решать никогда не хотели.

Но рано или поздно всё заканчивается. Или деньги на телефоне, или терпение у собеседников.

— Живи как знаешь! — бросил напоследок отец.

Я не верил, конечно, что они меня кинут. И что этот разговор последний. Скорее всего, будут периодически звонить и выедать мне мозг чайной ложкой. Пока я не восстановлюсь, ха!

Да нет, чудес не бывает.

Я подошёл к окну. Ночью покрывало сползло и теперь валялось на полу вместе с кусками краски и штукатурки. А с улицы по-прежнему глядел октябрь. Инктябрь, инктобер — слово-оборотень, слово-уродец, бездушный тянитолкай, который то ли заставляет вспомнить, с чего всё началось, то ли обещает несбыточное будущее.

И почему я решил, что это моё сидение в замкнутом пространстве что-то решит? Оптимист Гоша.

Впрочем, оптимист Гоша исчез. Сдулся, как незаметно сдуваются накаченные гелием воздушные шарик. Вчера он парил в высоте и делал всем праздник, а сегодня лёг наземь безвольной тряпочкой и только отдалённо напоминает себя прежнего.

Но у всего есть обратная сторона. Не надо теперь напрягаться, делать вид, что у тебя всё отлично, быть вечно на позитиве. Это, оказывается, отнимает так много сил! Пока живёшь притво-

ряясь, ты этого не замечаешь. Просто включаешь это в расход энергии, и всё. А потом оказывается, что можно эти силы бросить на что-то ещё.

Я не задумывался об этом, просто играл по сложившимся правилам, чтобы получить оговорённый бонус.

Родителям хотелось покоя и благополучия, обо мне они хотели слышать только хорошее. И я избаловал их отличными новостями. Если даже ничего не происходило, я придумывал что-нибудь позитивное, скармливал им, и они оставались довольны.

Но по большому счёту не надо им, чтобы я был лучшим! Они просто хотели, чтобы их не трогали! Чтобы я шёл по жизни без проблем. Выбрал журналистику? Норм специальность! Передумал и подал документы на рекламу? Ну, твой выбор, чё! Всё равно сейчас по специальности никто не работает. На бюджет поступил? Вообще ок!

Я заварил чай. Уже привык к нему в отсутствие кофе. Выпил сразу полчашки большими глотками. Долил опять доверху и уселся на подоконник, прихватив пачку печенья.

Странно я себя чувствовал. Будто полинял. Сидел теперь ободранный, беспомощный, больной и дрожащий. И никаких бонусов. Никакого чувства обновления, внутренней силы. Ничего! Разве что полегчало оттого, что старая шкура больше не давит. Слезла, хоть и с мясом.

А ещё было страшно. Даже родители отказывались принимать меня другим. Настоящим, без моего праздничного фасада. Что говорить про остальных?

Тебе же всегда плевать было, Гоша, на то, что о тебе думают. Разве не так? Ты плевал и гордился этим.

Так-то оно так.

Когда тебя считают циничной сволочью, насмешником, для которого нет ничего святого, — это одно. А когда видят, какое ты ничтожество...

Есть разница.

Я дохнул на стекло и протёр, чтобы лучше видеть, что там на улице.

Почти месяц я вижу перед собой этот дом. Он одинаковый утром и вечером, ничего не меняется. Даже фонарь над подъездом зажигается в одно и то же время.

А Рапунцель?

Не знаю, почему я про неё вспомнил. У неё же, по идее, нормальная квартира, должно быть ещё окно на другой стороне. Интересно, что она видит там?

29 октября

СОВУШКА

Волосы отрезать папа, конечно же, не разрешил. Любимый рюкзак с крючконосими воронами пришлось выбросить. Варя ни за что больше к нему не прикоснётся. Учебники сложены в мешковатую сумку, которую Варя вообще не собиралась сегодня выпускать из рук.

Страх не показывать, ни на кого не смотреть, напомнила она себе перед тем, как войти в класс. И всё равно не удержалась, втянула голову в плечи, когда проходила на своё место, зацепилась неудобной сумкой за соседнюю парту и сдвинула её с места.

— Осторожно! — рывкнула Полина.

Варя перевела дух и осмотрела сумку. Ручка надорвалась, и клочок ткани свисал теперь некрасивым лоскутом.

Поприветствуем новый ужасный день!

Но неприятности, видимо, обрушились не только на Варю.

Майка влетела в класс со звонком. Она была без наушников, без своего всегдашнего агрессивного макияжа и, кажется, заплаканная. Это Майка-то?

Взглянув на неё, Варя на время забыла о себе. Спросить, что случилось? Предложить помощь? Но та сидела с каменным лицом, не подойдёшь. Правда, к концу урока вроде оттаяла.

— Что-то произошло? — Варя всё-таки не утерпела.

— Сейчас узнаем, — непонятно ответила Майка, глядя куда-то мимо Вари.

Варя тоже обернулась. К ним подходил Родион. Он, кстати, пропустил первый урок.

Варя тогда привычно поискала его глазами, не нашла, а потом отвлеклась на Майку.

Родион подошёл вплотную.

— Михалина в больнице, — сообщил он. — С пищевым отравлением. Опять её аллергия проклятая.

— Как она? — севшим голосом спросила Варя.

— Сейчас уже всё хорошо. Но вообще-то я перепугался — жуть! Подумал, что опять не уследил. У неё же диета строжайшая. Из-за этого она в нормальный детский садик не ходит. Оттуда её то и дело на скорой увозили. Вроде всё в норму пришло, и вот опять. — Родион зевнул, потом улыбнулся. — Сорри, всю ночь не спал.

Он выглядел так трогательно сейчас. Варю разрывало от страха за Михалину и сочувствия к Родиону. Неужели между ними возникло вот такое доверие, что он делится с ней семейными проблемами?

— Если тебе нужна помощь... — начала Варя.

— Ну что ты, Варь, — Родион тряхнул головой. — Ты и так уже помогла. Теперь с ней мама будет, она с работы уволилась. Сказала, что больше так продолжаться не может. Я так тебе благодарен, не представляешь!

— Да я с радостью!

Варе очень хотелось показать, что она тоже ему благодарна, тоже хочет, чтобы Михалина поскорее вышла из больницы и всё наладилось.

Она протянула руку и коснулась его пальцев. Наверное, она даже обняла бы его — настолько осмелела, — но подняла глаза и встретилась с его взглядом. Родион смотрел по-доброму, но... не так!

— Варь, ты чего? — смутился он. — Я, эм-м... вообще-то с ней.

Про Майку она как-то забыла. А та стояла, скрестив руки и уставившись на Варю. С таким же выражением она смотрела, когда заставляла «выпустить голос».

Какой стыд!

Варя поспешно отдёргнула руку.

— Извини. Я просто...

Родион крепко схватил её за плечо и встряхнул.

— Да всё нормально, не переживай.

Варя не помнила, как досидела до конца уроков. Время для неё замкнулось в петлю, остановившись на этом последнем разговоре. Варя крутила его у себя в голове и не могла остановиться.

«Ты и так уже помогла». Нет, это не благодарность. Это ей так дают понять, что в её услугах больше не нуждаются!

«Мы вообще-то с ней. Мы вместе». Как же можно было этого не видеть! Какая же она слепая! Это же с Майкой Родион встречался всё время, пока Варя наслаждалась общением с его сестрёнкой.

А Михалина...

Об этом думать оказалось страшнее всего. Но девочка пострадала по её вине. Это же Варя накормила её пирожными! Но она же не знала!

Не знала, не видела. Вот вообще не оправдание!

Чёрный маркер лёг в руку, словно оружие. Штрихи выходили широкие, агрессивные. На бумаге оживала очередная птица. Сова с чернильными кляксами вместо глаз.

Из школы они вышли вместе — Майка и Родион. Варя закрыла глаза, не в силах на это смотреть. Слепая, слепая!

Лучше бы слепой и оставалась.

Возле самого своего дома она увидела большую машину с подъёмником. Возле машины стояли двое рабочих в комбинезонах. Ещё один выглядывал из кабины. Они о чём-то

переговаривались, посматривая вверх. Казалось, прямо на окно Вариной квартиры.

Ей стало неприятно. И тревожно. Предчувствие какое-то шевельнулось. Хватит на один день неприятностей! — взмолилась она. Но кого когда трогали чужие мольбы?

Папу она увидела на лестничной площадке перед лифтом. Он раздражённо жал кнопку и придерживал ногой чемодан.

— А, явилась, — произнёс он, увидев замершую Варю. — Держи!

Ключи звякнули, упав на подъездную плитку. Варя никогда не умела ловить предметы на лету.

— Остаёшься вдвоём с матерью, — объявил папа. — Без меня. Насовсем. Так что можешь делать всё, что захочешь. Волосы тоже можешь отрезать. Хоть налысо брейся. Мне всё равно.

Варя подняла ключи, только когда услышала мерное жужжание лифта, увозившего папу вниз.

Она открыла дверь и вошла в квартиру. Ничто не выдавало того, что теперь здесь живут два человека вместо трёх. А может, и один. Мама ведь тоже не было.

Она прошла на кухню. В окне мельтешили воробьи. На ветвях берёзы сидела ворона. Она прижала лапой большой кусок хлеба и выклёвывала по кусочку.

Варя взяла кухонный нож, стянула резинку с хвоста. Нож оказался туповат, пришлось долго пилить. Волосы поскрипывали под лезвием. Что я делаю? — мелькнуло в голове у Вари. Даже ворона, кажется, перестала лопать свою булку и с удивлением уставилась на неё через окно.

Варя закончила. Волосы улеглись в мусорном ведре уютным на вид гнездом. Хоть птенцов выводил.

На себя она даже в зеркало смотреть не стала. Прошла в комнату, сдвинула штору.

А ведь конец октября! Список заканчивается. Она честно выполнила условия. Но всё напрасно. Чуда не произойдёт. Она провалила экзамен по чародейству. Или это Инктобер — злой волшебник, а не добрый. Забрал её силу, её труд, её мысли. Её любимых. Даже волосы её забрал. А взамен ничего.

Варя открыла окно и встала на подоконник. Вот и пришёл «уконец»! Как жаль, что нельзя выпрямиться в полный рост! Очень напоминало бы картину в рамке.

30 октября

КАНАТОХОДЕЦ

Я её сначала даже не узнал. Волос-то нет. Ну, то есть не совсем нет, но вместо прежней копны — нелепая метёлка, неровно отрезанная. Будто кто-то специально издевался. А чего она в окно вылезла? Опасно же так высовываться!

Бли-ин!

Меня будто током прошибло. Рванул на себя раму что есть силы, даже звякнуло что-то.

Эй ты, слышишь, Рапунцель! То есть уже не Рапунцель. Девочка, как тебя там! Кто тебя обидел? Из-за кого ты ревёшь? Вот не надо про дождь, он только начинается, а весь день погода шептала просто! Да нет, ты реви, реви, если поможет. Ты вот только этого не надо, ага?

Не знаю, что за урод тебя обидел. Вокруг вообще полно уродов, уж я-то знаю. Вон уже и внизу толпа набежала, пара-тройка уродов и здесь наберётся.

Но, слушай, это вообще не повод!

Вот я... У меня был ужасный месяц. Самый ужасный октябрь в моей жизни! И осталось всего два дня. Ещё вчера думал: ну что они изменят? Ещё два дерьмовых дня. Но один человек мне сказал, что надо всегда давать шанс. И людям, и обстоятельствам. А вдруг эти два дня могут всё изменить? А ты не узнаешь, потому что посчитала последние шаги безнадежными? Это очень хороший человек сказал, не урод. Умный человек, не то что я.

Обидно спотыкаться напоследок. Хотя чего я, и в начале пути обидно, и в середине тоже. Но это опять не повод! Ты знаешь, как тренируется канатоходец? У-у-у! Днями и ночами! Держит равновесие, чувствует дорожку, учится опираться на воздух. Нет, у меня нет знакомого канатоходца, но разве трудно догадаться?

Эй, девочка, ты не падай! У меня тоже не осталось надежды, но для тебя я разбужу ту, что осталась, потому что надо ведь и самому верить в то, чем собираешься поделиться, правда?

Даже классик писал: октябрь! Достать чернил и плакать! Там, правда, февраль, а не октябрь, но какая разница! Он то же самое чувствовал, понимаешь? Плакать хотел! Ты не одна такая! Ну вот он поплакал и не умер, а даже стихотворение написал. Может, и ты напишешь. Давай обратно? Давай-давай!

Вы там, внизу, чего уставились? Рты закройте и телефоны уберите! Мы просто разговариваем! Да, свесив ноги на улицу! Новый челлендж такой, не вздумайте повторять, опасно для жизни.

И она послушалась! Медленно присела на подоконник, устроилась уже глубоко, прочно. И спряталась за шторой. От ротозеев, что внизу, но не от меня.

А я поёрзал на своём подоконнике. Я же говорил — долго сидеть на одном месте для меня невыносимо. Но пока разговаривал, забыл об этом. Я заёрзал, попытался схватиться за раму. И отдёрнул руку. Звон мне не послышался — стекло и правда разбилось. Дурацкие деревянные рамы! Подвела не только рама, но и карниз,

который с треском провалился под моей ногой. Я опрокинулся назад, хватая раненой рукой пустоту.

Вот тебе и плюсик к карме, вспыхнула мысль. Вот тебе и спасение ближнего. А потому что это не вариант! Замаливать конкретный грех, совершая добрые дела для других, — всё равно что лечить зубы, когда болят почки. Значит, искупления не будет, а будет глупый, нелепый, некрасивый и неправильный конец.

Мне показалось, что я удивительно много успел надумать до того момента, пока страшный удар не вышиб из меня сознание.

31 октября
МОЛОЧНЫЙ

Я пошевелил пальцами ног. Кажется, я лежал под одеялом. Тело чувствовалось как-то невнятно. Как будто я всё отлежал. И голову тоже.

Я сосредоточился на голове. Ну да, точно, как отлёжанная.

Всё это время я не открывал глаз. Зато чувствовал отчётливый запах сирени. Сирень в октябре?

А точно сейчас октябрь?

Я испугался, вскочил, сбросив одеяло. И тут же в голове проснулась боль, а перед глазами поплыло. Я со стоном повалился обратно, но успел осознать, что поплыло-то всё знакомое, всё то же: диван, шкаф, распахнутое окно. Один конец чудовищной гардины оторвался, доконал я её, конечно, когда навешивал покрывало. Теперь она отомстила, шарахнула меня по башке. Всё-таки не чугунная оказалась — чугунная размозжила бы мне голову вдребезги.

Нет никакой сирени, короче. Обман чувств. Просто свежий воздух.

Но тут же мои ноздри ощутили ещё один запах, искушающий, манящий, почти забытый...

Кофе?!

— Это не тебе!

Эльза стояла в дверях и держала в руках благоухающую кружку. Я уставился на неё как на инопланетянку.

— Ты как здесь?

Она пожала плечами. И тут из-за двери появился...

— Марк!

Ну точно, я попал в другую реальность! Как они меня отыскивали?

Оказывается, ничего сложного.

Это Рапунцель меня спасла. Прибежала, заставила соседей вскрыть замок. Он еле держался, если честно, мне кажется, она бы и без посторонней помощи справилась. Увидела меня на полу без сознания и с окровавленной рукой, вызвала скорую.

— А вы-то здесь как оказались? — спросил я.

— Я же только что объяснила! — возмутилась Эльза. — Ты меня не слушал? Или у тебя с головой совсем плохо? Хотя да, тебе уже в этом году прилетало. Ты повторяешься, Гоша!

Всё в порядке у меня было с головой. И слышал я прекрасно. Но не стану же я объяснять, что всё это время тарачился на Марка, пытался понять, злится он или всё-таки простил меня.

Выглядел я, конечно, нелепо. Это же надо умудриться: дёрнулся вроде человека спасать, а в итоге получилось наоборот. Тупо свалился с подоконника, хорошо, что вовнутрь.

Рапунцель принялась названивать всем, кого нашла в списке моих последних звонков. Молодец, кстати, сообразила — это живые контакты, а не просто список номеров. И первой, кто ответил, оказалась Эльза.

Эльза сейчас сидела на табуретке возле моей кровати, сама на себя не похожая. Волосы забраны в хвост, почти ненакрашенная, в джинсах

и футболке. И глаза спокойные, не злые. Такой она мне больше нравилась.

А я ей не нравился. Никакой. Но она пришла. Пусть из-за Марка, это неважно. Они оба пришли.

Эльза шурилась и пила кофе.

— Даже не мечтай! — она нахмурилась, прижала к себе кружку. Как будто я мог дотянуться и отобрать. — Сейчас молока тебе принесу.

— Издеваешься?

Но она уже гремела посудой за дверью, включала электроплитку в коридорчике, заменявшем кухню.

Марк остался. Всё это время он молчал, но мне показалось, молчал вполне дружелюбно. Хотя по нему не поймёшь.

— Лучше уж твой травяной чай. Он без пенки хотя бы, — произнёс я, чтобы хоть что-нибудь сказать.

Марк не ответил. Присел на край кровати. Спихватился, поправил одеяло.

— Неужели весь октябрь? — сказал он.

— Ну... почти, — согласился я, вспомнив, как сорвался к нему в универ.

Марк чуть улыбнулся. Видимо, тоже вспомнил.

— Круто, что вы вместе, — я кивнул в сторону Эльзы. — Я рад. Правда.

— Спасибо.

Марк произнёс это просто и твёрдо, так что сразу стало понятно: он в своей жизни уверен. В ближайшем её отрезке, по крайней мере.

Я заметил, что Марк рассматривает мои настенные художества. Сейчас мне казалось, что они выглядят нелепо. Я заёрзал, мне хотелось, чтобы Марк поскорее отлип от стены. К счастью, явилась Эльза со своим молоком.

— Пей до конца, — приказала она. — Я подожду на улице, — это уже Марку.

Я держал тёплый бокал здоровой рукой.

— И кто ей сказал, что молоко — это именно то, что нужно ушибленной голове? — спросил я.

— Пей! — Марк пресёк мои рассуждения.

Пришлось подчиниться. На вкус оказалось не так уж отвратительно. Не божественный нектар, конечно, но терпимо. И пенки не было.

— Тебе придётся встать, — сказал Марк, принимая у меня пустой бокал. — Замок сломан, дверь запирается только изнутри, на щеколду. Я почию, но не прямо сейчас.

— Марк, ты не должен...

— Знаешь, некоторые проблемы действительно надо решать самому, — перебил он. — Но это не тот случай.

Он велел немедленно лечь после того, как закрою за ним дверь, но я не удержался. Належусь ещё. Смотрел на них сквозь треснутое стекло. Долго смотрел, пока они не скрылись за поворотом. Кажется, я делал это специально, потому что медлил перевести взгляд на знакомое окно.

Рапунцель спасла меня и скрылась. Не дождавшись, пока я приду в себя. Даже телефона не оставила. Даже имени своего не сказала.

Окно выглядело спящим. Никаких признаков жизни.

Но мне почему-то казалось, что всё в порядке.

Щоябрь

ПОСТСКРИПТУМ

- Открыто! — заорал я в ответ на вежливое постукивание.
- Вообще не запираешь? Ой!

Сева замер на пороге. В руках он держал два объёмных пакета. Еда, туалетная бумага, соки.

- Марк не говорил, что у тебя ремонт.
- Марк не знает, — сообщил я. — Я сам не знал до сегодняшнего утра.
- Как так?
- Ну... Я проснулся, и мне всё здесь резко не понравилось. Унитаз опять же. Я его уже починил. Кран... почти починил. Стекло вставил. Надо доводить дело до конца.

На самом деле я не понял, что мною руководило. Может быть, я просто хотел скрыть свою наскальную-настенную роспись. Обои-то я содрал в первую очередь.

А Марку сообщать и не хотел. Примчится ещё помогать. Нет уж, пусть занимается своей личной жизнью.

Марк заставил меня позвонить Антону и объясниться лично, без чьего-либо посредничества. Вот прям заставил, упрямый мой брат. Сам стоял рядом, следил, чтобы я не соскочил на разговор о погоде.

Антон оказался вполне адекватным. И не таким жадным, как Валёк. Я приободрился. Даже решился рассказать ему про Валькины сомнительные бизнес-планы. Пусть образумит его,

пока не поздно. Как я и предполагал, Антон ничего не знал. В общем, остановились на том, что Валька дурак, а я молодец.

Ну, про молодца — это я для красного словца, по привычке. Но сути это не меняет. В должниках я больше не числился, и даже деньги мне вернули.

К последнему, кстати, руку приложила Эльза. И, кажется, буквально. Надавала Вальку по его алчной морде. Расставила заодно все точки над «ё».

Сева скосил глаза и дунул себе под нос. На самом деле на очки, стёкла которых покрылись пылью.

— Тебе нужна помощь?

— В чём? Отнести хлам на помойку? На это у меня сил хватит.

Сева пожал плечами. Пакеты в его руках зашуршали.

— Поставь в угол, — посоветовал я. — А ещё лучше унеси. Во-первых, я за продуктами сам могу сходить. А во-вторых, я так много не ем.

— Ничего не знаю! — Сева тряхнул головой. — Лиза сказала, я сделал.

Я хмыкнул.

— Узнаю Эльзу. Ловко же она тебя к рукам прибрала.

Сева заулыбался:

— Не меня, а Марка. Но я тоже считаю, что тебе рано напругаться. У тебя ещё и рука ранена.

— Почти зажила, — я принялся укладывать друг на друга пласты отодранных обоев, чтобы свернуть их в один рулон. — Кроме того, когда слишком долго расслабляешься, менять стратегию полезно... Вот зараза!

Бумага оказалась плотной, рулон не хотел скручиваться.

— Давай подержу!

Вместе с Севой мы соорудили гигантский кулёк. Выглядел он неряшливо и норовил рассыпаться.

— Нечем завязать? — спросил Сева.

— Настоящему индейцу подручные средства ни к чему! — отшутился я. — Так донесу!

- Тебе точно помощь не нужна?
- Точно!

Я произнёс это так решительно, как только мог. Чтобы уж не возникало сомнений, что справлюсь сам.

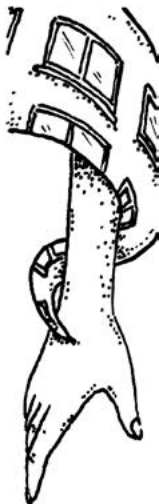
Это мой новый челлендж. Ну а что? Мне понравилось. Марк был прав — это дисциплинирует.

Но чернильный октябрь сделал ещё одну вещь. Он научил меня тому, что дни не бывают похожи один на другой. И люди тоже. И вообще нет никаких «типичных» событий, они придуманы для удобства нашего слабосильного мозга, который не вмещает больше, чем лоскут небеса за окном. Нет ничего повторяющегося. Нет ничего одинакового.

Лишённая мебели, комната казалась не такой уж маленькой. Музыка звучала слабенько, с телефона, но для четырёх пустых стен этого хватало. Варя и не хотела, чтоб громко. Она сидела на полу, разбирала оставшиеся бумаги и иногда подпевала.

Мама предложила сделать ремонт. Варя согласилась.

Ничего приятного в ремонтах обычно не бывает. Но Варю сейчас всё устраивало. Выбрасывать старый хлам. Двигать мебель. Даже счищать побелку. Занимать чем-нибудь руки — лучше, чем думать. Вообще, любая проблема начинается в голове, надо поменьше разрешать мыслям роиться и размножаться.

Но совсем ни о чём не думать не получалось. Всё равно мысли рано или поздно уводили к Михалине, Родиону с Майкой, к Насмешнику...

Георгий. По-настоящему его звали Георгий, Гоша. Варя узнала это от девушки, которая первой откликнулась на вызов, а потом приехала сама. Не похоже, чтоб она была его девушкой, но Варя может и ошибаться. Ещё как может!

Гоша, ну что ж... Имя как имя.

Всё как-то улеглось само собой. Михалина выздоравливала и готовилась ехать с матерью в санаторий (камень с души!). Родион с Майкой встречались открыто. Варя желала им добра. Правда-правда! Майка всё равно человечиче! Варя приготовила для неё подарок — картину с тем самым василиском, она же видела, ей понравилась! А после ремонта Варя всё равно не оставит ни одного старого полотна. Всё у неё будет по-другому! Так что василиск лежал на антресолях, свёрнутый в трубочку, и ждал своего часа.

А Родион, кажется, ничего и не понял. И это к лучшему. Что поделать, если ты не та, которая ему нужна.

Варя дотянулась до бумажных квадратов, на которых порхали нарисованные птицы. Раньше она любила на таких листочках набивать руку. Но это было так давно! Надо же, сохранились. Ну, пусть хранятся и дальше. Варя кинула их в стопку нужных бумаг.

Птицы. Увидит ли она их под окном? Берёзу обкорнали в тот же день, когда она застала возле подъезда серьёзных мужиков на машине с подъёмником. В день, когда она сама отрезала свою косу. Когда ушёл папа.

Варя сгребла пятернёй чёлку, отбросила назад. Невольно посмотрела туда, где раньше висело зеркало. Сейчас его сняли, но Варя и так знала, что там увидит. Прилично, но слишком коротко. Варе не к лицу, но из того, что она натворила с волосами, вариантов выросло немного. Стрижку похва-

лила одна Камилла Валерьевна, наверное, из желания подбодрить.

Но зато никто и не смеялся. А ещё никто больше не подсовывал ни дохлых птиц, ни верёвок с угрожающими письмами. Верёвку надо выбросить, кстати, а то она начинает обживать в кармане.

— Варя! — позвала мама. — Ты закончила?

— Почти.

— Помоги мне упаковать.

Варя выключила музыку и поспешила к маме.

— Откуда столько мусора? — задумчиво проговорила мама, распахивая по мешкам всё, что определила на выброс.

Варя внимательно на неё посмотрела. Мама, как она сама говорила, «запустила себя», но Варе так даже нравилось. То, что мама вот такая домашняя, со светлыми ресницами и проступившими веснушками. Что она не прячется больше в своей спальне, а разговаривает с Варей. Хотя бы о пустяках.

— Никто не избавляется от лишних вещей вовремя, — сказала Варя. — Тянут их с собой. Думают, сокровище, а оказывается — балласт.

Мама усмехнулась.

— Ты с отцом говорила? — спросила она.

Варя кивнула.

Наверное, можно было бы не сообщать ему о том, что Варя отказывается от финансового будущего и поступает в колледж искусств. Мама ведь не возражала, а он...

Делай что хочешь, сказал папа в тот день, когда двери лифта открылись и он уехал в другую жизнь.

Но Варе показалось, что так нечестно. Что игра не закончена, а битва не выиграна. Не хватает решающего сражения.

В общем, она позвонила.

— Пап, — всё равно по телефону легче, она хотя бы не умирает под суровым взглядом. — Пап, у меня за контрольную пять.

— Да? — отозвался отец. — С чего же такие успехи? Раньше ты меня так не радовала. Или ты в такой форме сообщаем, что вам без меня лучше?

Как ни странно, грубость подействовала на Варю совершенно не так, как раньше. Она вдруг увидела папу, мысленно, какой он сейчас. С морщинками у глаз, опущенными плечами. А может, наоборот, с неестественно ровной спиной. И поняла, что прежнего страха нет, страх больше не вернётся.

Она вздохнула.

— Да нет, наоборот. Это благодаря тебе. Ты всегда в меня верил.

— Ну да, — согласился папа после недолгого молчания. — Я всегда говорил: можешь, если захочешь. Когда поступишь на эконо...

— Об этом я и хотела поговорить! — перебила Варя. — Я не хочу на эконо! Я выбрала другое!

Папа дослушал, ни разу не перебив.

— Вот оно как, — произнёс он.

И снова замолчал.

— Папа? — окликнула Варя. — Ты скажешь что-нибудь?

— А надо? — он уже опять был раздражён. — Ты ведь уже всё решила. Тебе благословение моё, что ли, нужно?

— Нет.

— Вот видишь. И если я скажу «нет», ничего не изменится. Ну и живи как знаешь, — он хмыкнул и закончил неожиданно миролюбиво: — Приду к тебе когда-нибудь визитки делать.

Да, Варя теперь собиралась жить иначе. Она никому не позволит собой помыкать!

Но всё-таки хорошо, что он не сказал «нет».

— По отдельности выноси, — предупредила мама, вытаскивая пакеты с мусором в коридор. — Не надрывайся.

— Хорошо, — кивнула Варя.

Но как только мама скрылась в глубине квартиры, она подхватила сразу все четыре пакета. Чего тут надрывать-ся? Бумаги да тряпки.

Но уже на первом этаже она поняла, что поспешила. Бумаги и тряпки не так уж мало весят. Ладно, как-нибудь дотащит. Всё равно лучше, чем три раза бегать на четвертый этаж.

Освободившись от груза, она с удовольствием пошевелила затёкшими пальцами. И посмотрела на берёзу. Отсюда её хорошо было видно.

Обкромсанное дерево стояло неподвижно, как памятник. Редко где уцелели тонкие ветви, способные подчиняться ветру и шевелиться. Зато ствол выглядел ослепительно белым, и торчащие вверх обрубки тоже. Спасибо, что совсем не спилили.

По обрубкам скакали какие-то мелкие птички, добывая себе корм. Варя неожиданно почувствовала облегчение — такое же, как во время разговора с папой. Ветви отрастут, листья тем более, главное, что ствол и корень целы.

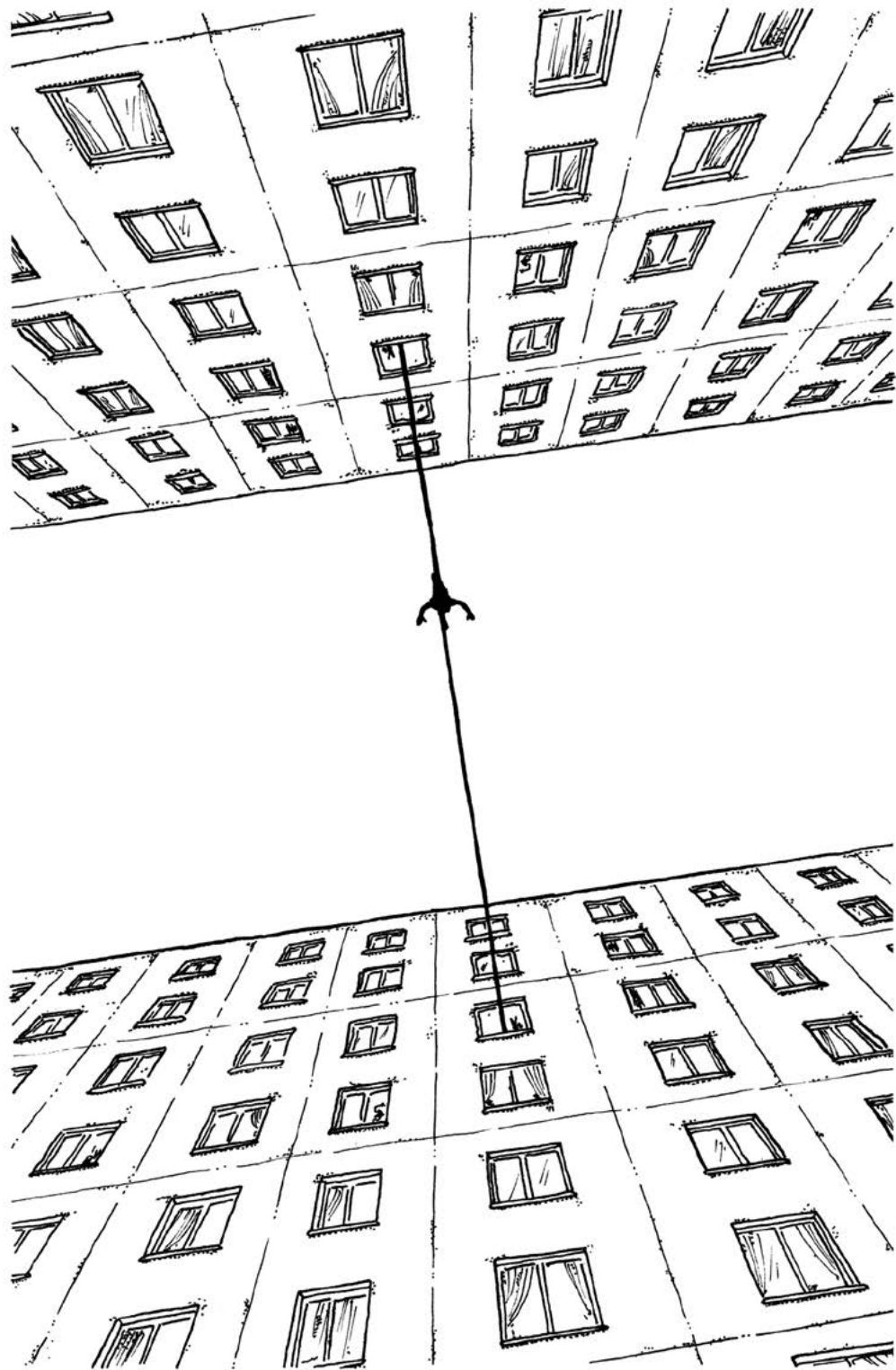
Варя повернулась и медленно пошла к дому. Если мама сейчас смотрит в окно, обязательно отругает её за то, что не послушалась и таскает тяжести.

Отругает, да. Но Варя не втянет, как раньше, голову в плечи. Признает, что — да, мама права, четыре мешка в две руки — это слишком. Но не потеряет воли от страха, не уползёт, придавленная чувством вины.

Обогнув дом, Варя увидела Гошу.

Он выходил из своего подъезда и нёс необъятный рулон старых обоев. Серьёзно? Тоже ремонт затеял?

Рулон был свёрнут кое-как, Гоша изо всех сил старался его удержать. Ему было трудно с забинтованной рукой. И, конечно, он не удержал: мелкие клочки начали падать ещё на ступеньках, а когда он прошёл несколько шагов, гигантский кулёк рассыпался в его руках.

Он выругался (наверняка — Варя не слышала так-то), поднял два-три полотна, остальные начали улетать, он придавил кучу ногой. Перевязать надо было, чучело! — снисходительно подумала Варя.

Когда тот, кого она звала Насмешником, стал уговаривать её не прыгать из окна, Варя оторопела. Вообще-то она так до конца и не поняла, собиралась она прыгать или нет. Или открыла окно просто потому, что ей показалось — в комнате мало воздуха. В жизни её мало воздуха.

Но она слушала. Всё, что он говорил. Про канатоходца, про поэта, про себя и про неё. Потому что хотелось верить, что случайные связи не случайны, а дорожка из каната достаточно надёжна.

А когда он исчез в проёме окна — слишком поспешно, и окно оставил распахнутым, — она поняла: что-то случилось. И теперь её очередь спасать и вытаскивать.

Теперь Гоша беспомощно озирался по сторонам — руки-ноги заняты.

А Варя нащупала в кармане верёвку — опять забыла выбросить. Снова её очередь. Только бы верёвка оказалась прочной.

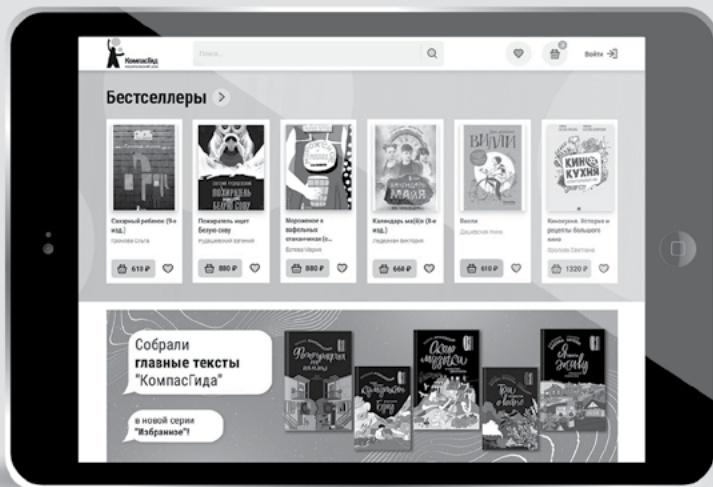
О Г Л А В Л Е Н И Е

1 октября. Разгуливать	3
2 октября. Тронутый	7
3 октября. Наверное	11
4 октября. Взрослые	16
5 октября. Мучительно	19
6 октября. По-старому	22
7 октября. Торжество	25
8 октября. Вопрос	29
9 октября. Дирижабль	35
10 октября. Новое платье	38
11 октября. Победоносный	42
12 октября. Вероломство	46
13 октября. Лицедеи	50
14 октября. Информация	57
15 октября. Меч	63
16 октября. Повезло	66
17 октября. Долговязый	72
18 октября. Шаман	76
19 октября. Убивать	80
20 октября. Охота	88
21 октября. Рыжий	92
22 октября. Коготь	95

23 октября. Шея	103
24 октября. Шутка	112
25 октября. Вопреки	116
26 октября. С трудом	121
27 октября. Хтонический	124
28 октября. По ту сторону	131
29 октября. Совушка	135
30 октября. Канатоходец	140
31 октября. Молочный	143
Ноябрь. Постскриптум	147

Добро пожаловать в книжный клуб издательства «КомпасГид»!

Новости книжного мира, обзоры, скидки, розыгрыши подарков, встречи с авторами и многое другое. Здесь наша редакция собирает для вас **лучшие книги и важные события**.

kompasgid.ru

Хотите узнавать **о новинках, акциях и скидках** первыми? Подпишитесь на нашу рассылку на главной странице сайта.

Приходите на наши встречи и мероприятия. Здесь обязательно найдутся люди, разделяющие **вашу любовь к книгам**.

Давайте дружить! Пройдите регистрацию на сайте и **получите скидку 20%** на первый заказ по промокоду КОМПАСКЛУБ*.

Читайте вместе с «КомпасГидом»!

* Скидка не суммируется с другими скидками и акциями и действует до 01.01.2024 г.

**ZOOM.
КАРАНТИННАЯ
ИСТОРИЯ**

Елена Борода

16+, для молодежи

«ZOOM. Карантинная история» Елены Бороды — не просто летопись последнего школьного полугодия, это ещё и кусочек большой истории, когда реальность меняется в короткие сроки, а жизненный экзамен оказывается сложнее, чем ЕГЭ. Теперь у ребят вместо школы — надоевшие стены собственной комнаты, рядом не одноклассники, а родители, у которых тоже «удалёнка», а вместо классной доски — окошко ZOOMa. «Дистант», «пандемия», «изоляция» — новые слова настойчиво теснят привычную повседневность. Многое непонятно, неизвестно, непривычно, многое спрятано за пределами экрана. Зато открывается то, что раньше оставалось незамеченным.

Литературно-художественное издание
Для старшего школьного возраста
Маркировка согласно Федеральному закону № 436-ФЗ: 12+

Елена БОРОДА
Инктобер

Иллюстратор Владимир Рудой (Rudoï)

Издатель Виталий Зюсько
Главный редактор Марина Кадетова
Выпускающий редактор Светлана Фролова
Литературный редактор Ольга Корф
Дизайн обложки, леттеринг Артём Суменков
Подготовка обложки Маргарита Чечулина (Greta Berlin)
Верстка Дмитрий Дервенёв
Корректоры Зоя Скобелкина, Евгения Якимова

Регистрационное свидетельство № 5087746578123 от 11.12.2008

ООО «Издательский дом «КомпасГид»
115172, Москва, Краснохолмская набережная, дом 11, строение 1
Купить книги «КомпасГид» вы можете на сайте www.kompasgid.ru
или в отделе продаж издательства:
тел. (499) 707-74-75, book.kompasgid@gmail.com

Заказать книги в библиотеку: пишите на kompasgid@gmail.com

Читать в электронном формате: ищите нас на www.litres.ru

Следить за новостями и книжными новинками:
подписывайтесь на нас в социальных сетях VK, Telegram

Подписано в печать 14.08.2023.
Формат 60×90/16 (140×210 мм).
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,0.
Отпечатано в
Заказ №